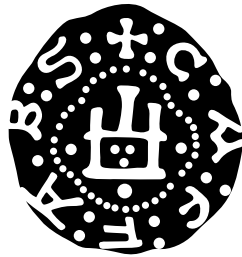

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А. Х. ХАЛИКОВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ИСТОРИИ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УНИВЕРСИТЕТ ВЫСШАЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ *и* ЗОЛОТАЯ ОРДА

Под редакцией
С.Г. Бочарова и А.Г. Ситдикова

Казань — Симферополь — Кишинев

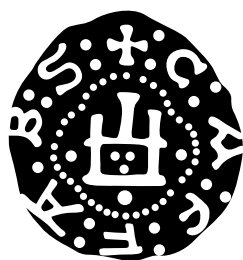
2015

ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN
A. KH. KHALIKOV INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF UKRAINE
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
CRIMEA BRANCH

KAZAN (VOLGA REGION) FEDERAL UNIVERSITY
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES AND INTERNATIONAL RELATIONS

HIGH ANTHROPOLOGICAL SCHOOL UNIVERSITY

**THE GENOESE
GAZARIA**
and
**THE GOLDEN
HORDE**

Edited by
Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Kazan — Simferopol — Kishinev

2015

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Генуэзская Газария и Золотая Орда = The Genoese Gazaria and the Golden Horde: [on-line] / отв. ред.: Сергей Геннадиевич Бочаров ; науч. рецензенты: И. Л. Кызласов [и др.]. – Кишинев: Stratum Plus, 2015. – (Серия «Археологические источники Восточной Европы», ISBN 978-9975-4272-6-5).

1 disc optic electronic (CD-ROM) : sd., col.; în container, 13 × 13 cm.

Cerințe de sistem: Windows 98/2000/XP, 32 Mb hard

ISBN 978-9975-4272-8-9.

902/904(4)(082)

Г 34

Сборник статей посвящен историко-географическим исследованиям территорий и историко-топографическому изучению городов Византийской империи, Золотой Орды, Генуэзской республики в XIII—XV вв. и государств-наследников этих территорий в XVI—XVIII вв. в Юго-Восточной Европе. В него вошли статьи, подготовленные девятнадцатью исследователями из России, Украины, Молдовы и Казахстана.

Для специалистов по истории и археологии средних веков, а также для краеведов и широкого круга читателей.

-
- © Казанский (Приволжский) Федеральный университет
© Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
© Ответственные редакторы: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдинов
© Издательство «Stratum plus» Р.Р., Университет «Высшая антропологическая школа»
© Обложка: Д.А. Топал
Редактор материалов на английском языке: Ю.Д. Тимотина
Технический координатор: Ж.Б. Кроитор
Оригинал-макет: Д.А. Топал, Л.А. Мосионжник, Г.В. Засыпкина
Редактор карт: Л.А. Мосионжник
Корректор: Г.В. Засыпкина

Печатается по решению ученых советов:

Института археологии имени А. Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан,
протокол № 1 от 14 мая 2014 г.
Крымского филиала Института археологии Национальной Академии наук Украины,
протокол № 3 от 12 апреля 2013 г.

Под редакцией

С. Г. Бочарова и А. Г. Ситдикова

Научные рецензенты:

И. Л. Кызласов, доктор исторических наук,
заведующий группой средневековой археологии евразийских степей
Института археологии Российской Академии наук

Ю. М. Могаричев, доктор исторических наук,
профессор Крымского республиканского института
последипломного педагогического образования

С. Б. Сорочан, доктор исторических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

Издание подготовлено за счет средств субсидии, выделенной в рамках государственной поддержки Казанского (Приволжского) федерального университета в целях повышения его конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров

Printed by decision of the following Academic Councils:

A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
minutes no. 1 of 14 May 2014

Crimean Branch of the Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine,
minutes no. 3 of 12 April 2013

Edited by

Sergei Bocharov and Ayrat Sitdikov

Reviewed by:

I. L. Kyzlasov, doctor of historical sciences,
Head of the Eurasian Steppes Medieval Archaeology Group
Archaeology Institute, Russian Academy of Sciences

Yu. M. Mogarichev, doctor of historical sciences,
Professor of the Crimean Institute for
Post-University Pedagogical Education

S. B. Sorochan, doctor of historical sciences,
Professor, Head of Ancient and Medieval History Department,
V.N. Karazin National University in Kharkov

The volume was funded by the subsidy the Russian Government
to support the Program of competitive growth of Kazan Federal University
among world class academic centers and universities

СОДЕРЖАНИЕ

С. Г. Бочаров (Симферополь, Крым), А. Г. Ситдигов (Казань, Россия). Предисловие	13
--	-----------

ГЕНУЭЗСКАЯ ГАЗАРИЯ

Н. Д. Руссев (Кишинёв, Молдова). Два варианта городской истории средневекового Причерноморья — Белгород и Олешье	19
А. Г. Еманов (Тюмень, Россия). Дж. Каталано из Солдаи первой четверти XV века: эпиграфический экзерсис.	39
С. Г. Бочаров (Симферополь, Крым). Генуэзский замок Калиера	47
В. Л. Мыц (Санкт-Петербург, Россия). «Крымский поход» Тимура в 1395 г.: историографический конфуз, или археология против историографической традиции	99
И. Б. Тесленко (Симферополь, Крым). Пифосы из археологических комплексов Таврики XIV—XV вв.	125

ЗОЛОТАЯ ОРДА

О. В. Кузнецова (Алматы, Казахстан). Поливная керамика Сарайчика.	167
Е. М. Пигарёв (Астрахань, Россия). Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области	181
Л. В. Яворская (Москва, Россия). Процессы урбанизации и динамика мясного потребления в средневековых городах Поволжья (по археозоологическим материалам)	197
О. А. Ильина (Камышин, Россия). Вопросы исторической топографии и хронологии золотоордынских городов Нижневолжского Правобережья	207
Д. А. Кубанкин (Саратов, Россия). Историческая топография Увекского городища	243
К. А. Руденко (Казань, Россия). Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды).	255

А. Г. Ситдиков (Казань, Россия). Казань в эпоху Золотой Орды.	365
А. Ю. Зеленева (Йошкар-Ола, Россия). Расселение мордвы: её этническая и политическая история в XIII—XV вв.	377
А. Н. Масловский (Азов, Россия). Заметки по топографии золотоордынского города Азака	383
Э. Е. Кравченко (Донецк, Украина). Памятники золотоордынского времени в степях между Днестром и Доном.	411
М. В. Ельников (Запорожье, Украина). Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье	479
В. П. Кирилко (Симферополь, Крым). Строительная периодизация т. н. мечети Узбека в Старом Крыму.	509
Г. С. Богуславский (Одесса, Украина). Эпоха Улуса Джучи в Северо-Западном Причерноморье и город Акджа Керман	559

ВИЗАНТИЯ ПОСЛЕ ВИЗАНТИИ

И. В. Волков (Москва, Россия). Два надгробных камня из Музея-заповедника «Херсонес Таврический»	573
И. В. Волков (Москва, Россия). Турецкая карта Черного и Азовского морей из собрания Государственного исторического музея.	577

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

И. В. Волков (Москва, Россия). Путешествие Иосафата Барбаро в Персию в 1473—1478 гг. (текст, перевод, комментарий)	605
Список сокращений.	693

CONTENTS

S. G. Bocharov (<i>Simferopol, Crimea</i>), A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Introduction	15
---	-----------

GENOESE GAZARIA

N. D. Russev (<i>Kishinev, Moldova</i>). Two Variants of the Urban History of Medieval Black Sea Region — Belgorod and Oleshye	19
A. G. Emanov (<i>Tyumen, Russian Federation</i>). G. Catalano of Soldaia of the First Quarter of 15th Century: an Epigraphic Exercise	39
S. G. Bocharov (<i>Simferopol, Crimea</i>). Kaliera, a Genoese Castle	47
V. L. Myts (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Timur’s Crimean Campaign in 1395: a Historiographic Confusion, or Archaeology against Historiographic Tradition	99
I. B. Teslenko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Pithoi from Archeological Complexes of the 14—15th Centuries in the Crimea	125

GOLDEN HORDE

O. V. Kuznetsova (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Glazed Ceramics of Saraichik Hillfort .	167
E. M. Pigarev (<i>Astrakhan, Russian Federation</i>). Golden Horde Sites on the Territory of Astrakhan Region	181
L. V. Yavorskaya (<i>Moscow, Russian Federation</i>). Urbanization Processes and Meat Consumption Trends in Medieval Towns in the Volga Area (by archaeozoological materials)	197
O. A. Ilyina (<i>Kamyshin, Russian Federation</i>). Problems of Historical Topography and Chronology of the Golden Horde Towns on the Right Bank of Lower Volga	207
D. A. Kubankin (<i>Saratov, Russian Federation</i>). Historical Topography of Uvek Hillfort	243
K. A. Rudenko (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Sites of Golden Horde Time in the Middle Volga Region (Bulgar Ulus of the Golden Horde)	255

A. G. Sitdikov (<i>Kazan, Russian Federation</i>). Kazan during Golden Horde Epoch	365
A. Yu. Zeleneev (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>). Distribution of Mordvins: Their Ethnic and Political History in the 13th—15th Centuries	377
A. N. Maslovskiy (<i>Azov, Russian Federation</i>). Notes on the Topography of the Golden Horde Town of Azak	383
E. E. Kravchenko (<i>Donetsk, Ukraine</i>). Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don	411
M. V. Elnikov (<i>Zaporizhzhе, Ukraine</i>). Monuments of the Golden Horde Period in the Lower Dnieper Region	479
V. P. Kirilko (<i>Simferopol, Crimea</i>). Periodisation of Construction of the So Called Uzbek Mosque from Stary Krym	509
G. S. Boguslavskiy (<i>Odessa, Ukraine</i>). Jochi’s Ulus Time in the North-Western Pontic Area and the City of Akja Kerman	559

BYZANTIUM POST BYZANTIUM

I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Two Gravestones from the National Museum Reserve of Tauric Chersonesos	571
I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Turkish Map of the Black and Azov Seas from the State Historical Museum	577

SOURCES

I. V. Volkov (<i>Moscow, Russia</i>). Giosafat Barbaro’s Travel to Persia in 1473—1478 (text, translation, comments)	605
List of Abbreviations	693

Э. Е. Кравченко

Eduard Kravchenko. Donetsk Museum of Local History¹.

Кравченко Эдуард Евгеньевич. Донецкий краеведческий музей.

E-mail: sidae@mail.ru

Address: ¹ Chelyuskintsev St., 189a, Donetsk, 83048, Ukraine

Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном

Keywords: Don River Region, Azov Region, steppe zone, Golden Horde time, settlements, camps, ground necropolises, barrow necropolises.

Ключевые слова: Подонье, Приазовье, степная зона, золотоордынское время, поселения, кочевья, грунтовые могильники, курганные захоронения.

E. E. Kravchenko

Sites of Golden Horde Time in Steppes between the Dnieper and the Don

The author studies sites of Golden Horde time found in the south-eastern part of Ukraine. The nature and climate of this region has three zones: Seversky Donets, Donetsk Kryazh and the Azov region. Different natural environment in these zones conditioned peculiar features of sites located here. In the steppes in Donetsk Kryazh, with their nomad population, the sites represent some barrow necropolises, seasonal camps and some individual finds. The Azov coast, along with sites left by the nomads, yields some stationary settlements, most of which emerged in the second half of 14th c. One of them had an adjacent ground necropolis (Lyapinskaya Balka). The steppe also yields burials of nomad elite, including Muslim ones (the stone from Guselshchikovo). The largest and most typical sites are located in the middle stream of the Seversky Donets (camps, small and large settlements, ground and barrow necropolises). A group of settlements with pseudo Early Russian ceramics had existed there from the previous time period. Next to some of these, some large Golden Horde centers emerge in 14th c. (at village Maiaki and town Raygorodok). It is noteworthy that both groups of settlements coexist in the middle stream of the Seversky Donets during the whole of the Golden Horde time.

The rise on the considered territory dates to the second half of 14th c. With the fall of Mamay and accession of Tokhtamysh to power, the region lost its importance. The ultimate desolation of these lands started after the western territories of the Golden Horde had been devastated by Tamerlane in 1395.

Э. Е. Кравченко

Памятники золотоордынского времени в степях между Днепром и Доном

Работа посвящена памятникам золотоордынского времени юго-востока Украины. Этот степной регион в природно-климатическом отношении делится на три зоны: Северский Донец, Донецкий Кряж и Приазовье. Различия природных условий в этих зонах обусловили своеобразие расположенных здесь памятников. В степях Донецкого Кряжа, где проживало кочевое население, они представлены курганными захоронениями, сезонными стойбищами и отдельными находками. На Азовском побережье, наряду с памятниками, оставленными кочевым населением, известны стационарные поселения, большинство которых возникло во 2-й пол. XIV в. К одному из них прилегал грунтовый могильник (Ляпинская Балка). В степи выявлены и погребения кочевой элиты, в том числе мусульманской (плита из Гусельщиконо). Наиболее крупные и яркие памятники расположены в среднем течении Северского Донца (кочевья, малые и крупные селища, грунтовые могильники, курганные погребения). Еще с предшествующего периода здесь существовала группа поселений с псевдо-древнерусской керамикой. В XIV в. рядом с некоторыми из них (у с. Маяки и пгт. Райгородок) возникают крупные золотоордынские центры. Показательно, что в среднем течении Северского Донца в течение всего золотоордынского периода обе группы поселений сосуществуют.

Наивысший расцвет жизни на рассматриваемой территории приходится на 2-ю пол. XIV в. С падением Мамаю и приходом к власти Тохтамыша регион утратил свое значение. Окончательное запустение этих земель начинается после разгрома западных территорий Золотой Орды Тамерланом в 1395 году.

Степной регион, расположенный между реками Днепр и Дон, который включает в свой состав территорию нынешней Донецкой области, в природно-климатическом отношении делится на три зоны. Наиболее северная из них — бассейн Северского Донца, по своим условиям более напоминает лесостепь. Далее к югу следуют степные просторы Донецкого Кряжа и Северного Приазовья. Различные природные условия этих зон, близость их к различным культурным регионам, обусловили определенные отличия в материальной культуре населения этих земель.

Средневековые памятники археологии, расположенные на рассматриваемой нами территории, изучены неравномерно, как в хронологическом, так и в территориальном отношении. Очень мало данных о памятниках эпохи Великого переселения народов. Из объектов хазарского времени лучше исследованы поселения среднего течения Северского Донца, в то время как в степной части региона изучались единичные объекты. Памятники XI—XIII вв. представлены в основном курганными захоронениями. Возможно, в это время в среднем течении р. Северский Донец функционировала группа поселений (Кравченко 2000: 75—100; 2009: 242—262). Предлагаемая работа посвящена памятникам золотоордынского времени, расположенным на территории рассматриваемого региона.

Первые сведения о них появляются еще в начале XX века. В это время священник Райгородской церкви В. Ф. Спесивцев сообщил в Комиссию по подготовке XII археологического съезда о древностях, обнаруженных им у сл. Райгородок (Спесивцев 1905). Приблизительно в этот же период краевед из г. Славянска А. И. Абрамов обратил внимание на крупное городище, прилегающее к восточной окраине села Маяки. В 20-х гг. XX в. в среднем течении Северского Донца проводил разведки Н. В. Сибилев. Им были осмотрены уже известные пункты, а также выявлен ряд новых местонахождений золотоордынского времени (Сибилев 1928; 1930). Все накопленные к этому времени данные нашли отражение в трудах XII АС (Багалея 1905: 56—57; Городцов 1905а: 214—215; 1905б: 263) и, в общей форме, в тезисах А. С. Федоровского (Федоровский 1928: 288—289). На этом рубеже процесс исследований золотоордынских памятников в рассматриваемом нами регионе надолго остановился. Так, в книге Б. А. Шрамко «Древности Северского

Донца» о находках материалов золотоордынского времени на этой территории даются лишь отрывочные сведения (Шрамко 1962: 358—360). Более того, рассматривая известный памятник, Донецкое городище, данный автор относит его к древнерусскому периоду (Шрамко 1962: 331—360), в то время как на его территории еще при первых исследованиях были известны и материалы золотоордынского времени, в частности, монеты (Городцов 1905в: 111). Результатом такого положения стало то, что в обобщающей работе, посвященной городам Золотой Орды, В. Л. Егоров, ссылаясь на публикации 1-й пол. XX в., с сожалением указывает, что информация в них носит «самый общий характер» (Егоров 1985: 87).

Тем не менее, процесс накопления сведений продолжался. В 1936 г. экспедиция под руководством Г. Г. Афондики впервые производит небольшие по объему исследования на территории археологического комплекса у с. Маяки. Несмотря на то, что документация и материал, полученный в результате раскопок, дошли до нас фрагментарно, ясно, что в процессе работ Г. Г. Афондиком были вскрыты участки слоя с материалами золотоордынского времени. В 1991 г., в раскопе 28 (по отчетной документации — 3-П) на прилегающем к городищу селище, была прослежена старая археологическая траншея (траншея 7 у Г. Г. Афондики), которая прорезала котлованы помещений золотоордынского времени (Кравченко 2000: рис. 2: 1).

Кроме этого, в довоенное время на территории региона был исследован ряд захоронений, относящихся к интересующему нас периоду. В числе их интересный комплекс, который был обнаружен на территории нынешнего г. Донецка, который представлял собой захоронение золотоордынского времени «в мазаре» (рис. 1: 10) (Кучугура 2006: 54). К сожалению, никаких дополнительных сведений о данном объекте в работе не приводится. В целом же, материалы исследований довоенного времени, в большинстве случаев, не были опубликованы, а документация частично или полностью утрачена.

Особенно много материала поступило в руки исследователей во 2-й пол. XX века. В этот период начинается активное изучение поселений. В 1982—1984 гг. у с. Ильичевка Краснолиманского р-на, при раскопках эталонного Зливкинского могильника, был обнаружен еще один некрополь и прилегающее к нему селище эпохи развитого средневековья (рис. 1: 3) (Швецов 1991: 117—121).

С 60-х гг. XX в. начались систематические исследования Царина городища (Маяки) (рис. 1: 1). Изучение этого памятника дало разнообразный, богатый материал, который, к сожалению, был опубликован не полностью (Михеев 1985; Кравченко, Швецов 1990: 22—24; 1992: 18—25; Ходжайов, Швецов 1992: 74—78; Кравченко, Цимиданов, Мирошниченко, Петренко 2005: 226—230). Разведками 80—90-х гг. XX в. в степной части региона было выявлено большое количество поселений, оставленных кочевым населением.

Таким образом, в настоящий момент в нашем распоряжении имеется довольно существенная подборка археологического материала, позволяющая получить некоторое представление о чертах истории и культуры региона в XIII—XIV вв. В значительной своей части эти находки нашли отражение в различных публикациях, выходящих небольшими тиражами и недоступных широкому кругу специалистов. Часть материалов увидела свет лишь в виде тезисных публикаций. Часть вообще не была опубликована. В данной работе автор делает попытку свести воедино все эти сведения¹.

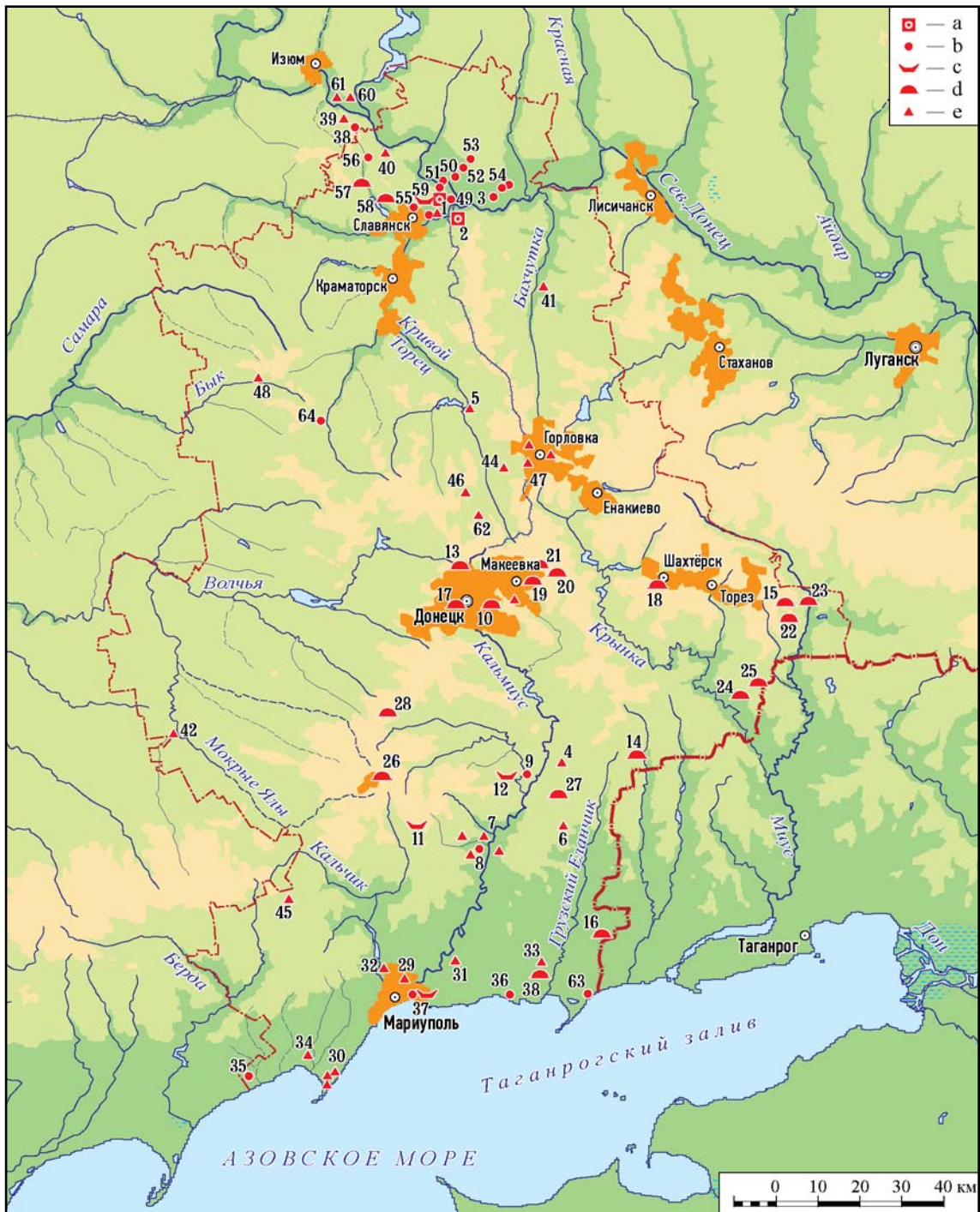
Основная часть представленных в работе материалов была выявлена в пределах Донецкой области. В соседней Луганской области также обнаружено значительное количество памятников этого периода. Среди них присутствуют как захоронения, так и поселения, в том числе и крупные. Яркие курганные комплексы, были исследованы в Провальской степи близ с. Черемшино Свердловского района (Апареева, Красильников, Тельнова 2002: 210—224). Здесь же, на Луганщине, у села Нижнетеплое на Северском Донце М. Г. Ключевым производились раскопки поселения с «древнерусской» керамикой, которое имело слой золотоордынского времени (Ключнев 1998: 124—125). Особенно интересны материалы, полученные в последние годы. Среди них раскопки могильника золотоордынского времени у с. Передельское (Стадник, Кравцова 2005), а также местонахождения, кото-

рое было обнаружено близ г. Лисичанска. К сожалению, большинство этих материалов нашло отражение в кратких публикациях тезисного характера, либо в сообщениях средств массовой информации. Громкие заявления СМИ о нахождении неподалеку от нынешнего г. Лисичанска ставки ханов Золотой Орды периода Великой смуты, вероятно, не следует принимать во внимание. Тем не менее, даже беглое упоминание о характере и количестве обнаруженных находок однозначно свидетельствует, что здесь мы имеем дело с крупным поселением, скорее всего, центром, близким по своему характеру памятникам, расположенным выше по течению реки Северский Донец, у с. Маяки и Райгородок. В целом же, если судить по опубликованным данным, эти материалы близки донецким, что свидетельствует о том, что здесь мы имеем дело с памятниками, относящимися к одному историко-культурному региону.

Далеко не все имеющиеся в распоряжении материалы дают полноценную информацию. Так, ныне невозможно указать общее количество кочевий золотоордынского времени, расположенных в Приазовье и на Кряже. Это связано как со слабой исследованностью указанных памятников, так и со скудностью происходящего с них археологического материала, не позволяющего четко их датировать и, соответственно, составить карту кочевий, располагавшихся на территории степей в тот или иной хронологический период. Определенно можно лишь указать на тот факт, что на степных кочевьях обычно встречаются материалы хазарского и золотоордынского времени. Памятники, исследованные на этой территории путем стационарных археологических раскопок, пока подтверждают данное наблюдение.

Та же ситуация наблюдается и с погребениями рядовых кочевников, при датировке которых трудно, а иногда и невозможно, провести границу между захоронениями половецкого и золотоордынского времени. Из некоторых интересных комплексов сохранились лишь отдельные предметы. Причем, отсутствие документации позволяет говорить только о регионе, в котором данный комплекс был обнаружен. Часть предметов ныне находится в частных собраниях. Об этих вещах упоминается лишь тогда, когда известно точное место их находки. Основное же внимание будет обращено на объекты, имеющие четкую датировку. Среди них памятники оседлого и кочево-

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить за предоставленный материал и всестороннюю помощь при написании данной работы: Д. А. Мамичева, А. И. Духина, ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая, ст. препод. ДонНУ А. В. Колесника, преподавателя Краматорского экономико-гуманитарного института В. В. Давыденко, глав. хранителя фондов ДОКМ Т. П. Койнаш, глав. хранителя фондов Мариупольского краеведческого музея Л. С. Якущенко и ст. науч. сотр. этого же музея Л. И. Кучугуру.

Рис. 1. Схема расположения памятников золотоордынского времени на территории Донецкой области: а — центры; б — поселения; с — грунтовые погребения; д — курганы; е — находки отдельных вещей. 1 — Маяки; 2 — Райгородок; 3 — хут. Зливки; 4 — Новозарьевка; 5 — Дружковка; 6 — Тельманово; 7 — Гранитное; 8 — Ур. Хан-Тарама; 9 — Раздольное; 10 — Донец; 11 — Кировское; 12 — Ур. Арген-Тарама; 13 — Донецкая фильтровальная станция; 14 — Новоивановка; 15 — Никифорово; 16 — Самойлово; 17 — микрорайон Текстильщик; 18 — Шахтерск; 19 — Авилровка; 20 — Ольховатка; 21 — Булавинское; 22 — Зрубное; 23 — Чугунно-Крепинка; 24 — Житенко; 25 — Семеновское; 26 — Полковое; 27 — Мичурино; 28 — Волноваха; 29 — Мариуполь; 30 — Белосарайская коса; 31 — Талаковка; 32 — Старый Крым; 33 — Гусельшиково; 34 — Ялта; 35 — Урзуф; 36 — Безыменное; 37 — Ляпинская балка; 38 — Ур. Выла; 39 — Еремовка; 40 — Теплинское городище; 41 — Артемовск; 42 — Старомлиновка; 43 — Нижняя Крынка; 44 — Червоное; 45 — Новокрасновка; 46 — Степановка; 47 — Часов Яр; 48 — Устье Самары; 49 — Ур. Казачья Пристань; 50 — Ур. Правдившино; 51 — Пришиб; 52 — Ур. Явир; 53 — Дробышево; 54 — Ямполь; 55 — Карповка-5; 56 — Краснополье; 57 — Новониколаевка; 58 — Степной; 59 — Сидорово; 60 — Царьборисовское городище; 61 — Изюм (гора Кремянец); 62 — Новгородское; 63 — Обрыв; 64 — Разино; 65 — Попов Яр; 66 — Зеленый Кут; 67 — Татьянаовка; 68 — Щурово.

Fig. 1. Location of sites of Golden Horde time in Donetsk Oblast: a — centers; b — settlements; c — ground necropolises; d — barrows; e — individual finds. 1 — Maiaki; 2 — Raigorodok; 3 — farm Zlivki; 4 — Novozaryevka; 5 — Druzhkovka; 6 — Telmanovo; 7 — Granitnoe; 8 — stow Khan-Tarama; 9 — Razdolnoe; 10 — Donetsk; 11 — Kirovskoe; 12 — stow Argen-Tarama; 13 — Donetsk filter plant; 14 — Novoivanovka; 15 — Nikiforovo; 16 — Samoiloovo; 17 — neighbourhood Tekstilshchik; 18 — Shakhtersk; 19 — Avilovka; 20 — Olkhovatka; 21 — Bulavinskoe; 22 — Zrubnoe; 23 — Chugunno-Krepinka; 24 — Zhitenko; 25 — Semenovskoe; 26 — Polkovoe; 27 — Michurino; 28 — Volnovakha; 29 — Mariupol; 30 — Belosarayskaya kosa; 31 — Talakovka; 32 — Stary Krym; 33 — Guselshchikovo; 34 — Yalta; 35 — Urzuf; 36 — Bezymennoe; 37 — Liapinskaia balka; 38 — stow Vyla; 39 — Eremovka; 40 — Teplinskoe gorodishche; 41 — Artemovsk; 42 — Staromlinovka; 43 — Nizhniaia Krynka; 44 — Chervonnoe; 45 — Novokrasnovka; 46 — Stepanovka; 47 — Chasov Yar; 48 — Ustye Samary; 49 — stow Kazachya Pristan; 50 — stow Pravdevshino; 51 — Prishib; 52 — stow Iavir; 53 — Drobyshevo; 54 — Yampol; 55 — Karpovka-5; 56 — Krasnopolye; 57 — Novonikolaevka; 58 — Stepnoi; 59 — Sidorovo; 60 — Tsareborisovskoe gorodishche; 61 — Izyum (mount Kremyanets); 62 — Novgorodskoe; 63 — Obryv; 64 — Razino; 65 — Popov Yar; 66 — Zelenyi Kut; 67 — Tatyankovka; 68 — Shchurovo.

го населения, которые подвергались археологическим исследованиям, погребения кочевой элиты и отдельные находки, которые можно отнести к интересующему нас периоду.

Археологические памятники золотоордынского времени в Донецком регионе многочисленны и разнообразны. На **Донецком Кряже** и в прилегающих к нему степях они представлены курганными захоронениями, сезонными стойбищами, связанными с кочевым населением и отдельными находками предметов, относящихся к интересующему нас периоду. Значительное количество последних, представленных в основном наконечниками копий и стрел, было опубликовано в «Каталоге случайных находок из археологических собраний Донецкой области» (Каталог 1993: 56—57, №336, 339, 349, 355, 368, 371—372, 373, 374, 375, 378, 380) (рис. 1: 4—8, 41—48). Изредка встречаются монеты. Так, на участке, территориально близком указанному региону (у с. Богатырь Великоновоселковского р-на Донецкой обл.), на террасе левого берега р. Волчья, был найден анонимный аэпиграфный пул 60—80-х гг. XIV века. Обследование места находки, которое производилось автором в 2010 году, показало отсутствие на данном участке каких-либо признаков поселения или кочевья. Наиболее вероятно, что монета была утеряна или занесена с местонахождения на противоположном берегу реки, у с. Зеленый Кут (рис. 1: 66), где в 2013 г. местными жителями была выявлена большая группа (более 100) монет этого же времени. Все монеты собирались на правом высоком берегу р. Волчья, на большом по площади участке пологого склона с водораздела. Из них 83 монеты попали к автору, что дало возможность их обработать. В выборке было 6 дирхемов, один из которых является обрезанной и сильно истертой монетой Узбекхана (рис. 11: 3) (Сагдеева 2005: №204). Еще один полностью истертый дирхем Узбек-

хана (возможно, Сагдеева 2005: №187) нес на себе два надчекана 2-й пол XIV в. (рис. 11: 1). Два дирхема, выпущенные в Орде, несли на себе имя хана Абдаллаха (рис. 11: 2, 4) (Сагдеева 2005: №338—339). Одна из этих монет была обрезана по кругу. Кроме этого, в выборке содержалось два дирхема Мухаммед Булака. Обе монеты относились к одному типу (Сагдеева 2005: №352), чеканенному в Орде в 773 г.х. (рис. 11: 5, 6). При этом один из них (рис. 11: 6) представлял собой медную монету, обтянутую серебряной пластиной. Подавляющее большинство монет Зеленого Кута (63 экз.) являлись разновидностями анонимных аэпиграфных пулов (рис. 11: 7—11), типологически близких пулу, найденному на противоположном берегу реки у с. Богатырь. В числе прочих монет присутствуют два пула Абдаллаха с надписью «Новый чекан» и датой 770 г.х. (рис. 11: 12—13), пулы этого же правителя с изображением барса на фоне звездного неба (рис. 11: 15—17), сильно истертый и обрезанный под шестиугольник пул Абдаллаха, который использовался в качестве подвески (рис. 11: 14). Один пул относится к правлению Азиз-шейха (рис. 11: 18). Два сильно истертых пула были выпущены в период правления Тохтамышша (рис. 11: 19). Три анонимных аэпиграфных пула несут на себе изображение восьмеркообразной тамги, заключенной в шестиугольной звездообразной фигуре. Обратная сторона этих монет имеет изображение двух квадратов. В центральной части внутреннего квадрата находится рельефная точка (рис. 11: 20—22). Подобного типа изображение содержат на реверсе некоторые медные пулы времени правления Тохтамышша (напр., Шельди 2002: №243 а). Два сильно истертых пула не определены.

К сожалению, указанное местонахождение археологически не обследовалось, что не позволяет говорить о характере расположенного здесь памятника. Значительное количество монет, разбросанных на большой

площади, говорит о том, что это не клад. Поселений золотоордынского времени в бассейне р. Волчьа пока не выявлено. В свете этого обращает на себя внимание тот факт, что именно по этому участку степи ранее пролегла одна из крупнейших степных дорог — Муравский шлях. Возле него, где-то в пределах рассматриваемого нами района, находилась «мечеть татарская каменная», упоминаемая в «Книге Большому Чертежу»: «А ниже Волчьих Вод пала в Самарь река Бык... А меж Волчьих Вод и Быка мечеть татарская каменная, сажень ее с 20» (Книга 1950: 65). Вполне вероятно, находки монет могут быть связаны с каким-то пунктом, расположенным на данном крупном степном пути, который шел из Крыма в сторону русских земель. В пользу этого свидетельствует и факт находок в этом районе нескольких бешлыков, выпущенных правителями Крыма в XVIII веке.

Среди отдельных находок, не связанных с поселениями, выделяются два образца романского художественного литья. Обе находки являются деталями западноевропейских алтарных подсвечников, произведенных в мастерских Южной Саксонии во 2-й пол. XII — 1-й пол. XIII века. Один из них — бронзовая человеческая фигура (рис. 2: 1), был обнаружен у с. Новозарьевка (Старобешевский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 4) (Даркевич 1985: 396, рис. 170: 4). Данный предмет вывернули плугом при вспашке участка, расположенного у подножия курганной насыпи. Каких-либо иных вещей с ним обнаружено не было. Имелись ли в данном районе современные ему средневековые поселения, данных нет.

Еще одна фигурка, изображающая льва, была найдена в 50-х гг. XX в. где-то в центральной части Донецкой области (рис. 2: 2; цветная вклейка, илл. 12). Точных данных об условиях ее находки нет. Предмет представляет собой деталь т.н. *Samsonlichter*'а и датируется тем же временем, что и фигура из Новозарьевки (Кравченко 2001а: 255—260).

Описанные выше вещи имеют на поверхности многочисленные повреждения, сильно потертые, что свидетельствует об очень долгом их использовании. Вне сомнений, в Степь они попали уже в золотоордынское время. Как указывалось выше, оба предмета являются деталями подсвечников, которые находились в алтарях католических храмов. Попасть в степной регион они могли вместе с европейскими послами, направлявшимися в ставку хана. Известно, что одной из задач последних была миссионерская де-

ятельность. Впрочем, эти вещи могли быть привезены и в качестве военной добычи. Причем, как из Европы, так и с территории Крыма, разоренного в 1299 г. войсками Ногай (Тизенгаузен 1884: 111—112).

Интерес представляют еще несколько находок, происходящих с территории Донецкого Кряжа, большинство которых находилось в частных собраниях. Так, в 80-е гг. XX в. близ пос. Тельманово (рис. 1: 6) было найдено бронзовое навершие плети, выполненное в виде литой орлиной головы (рис. 2: 4). Данный предмет имеет аналоги в древностях золотоордынского времени (Кирпичников 1973: табл. XXIV: 8).

Нельзя не упомянуть и о двух бронзовых медальонах, один из которых хранился в музее Донецкого госуниверситета (ныне утрачен) (рис. 21: 20). Он был найден неподалеку от пос. Гранитное Тельмановского р-на (рис. 1: 7) (Привалова, Привалов 1988: 91, рис. 21: 7; Каталог 1993: 55, рис. 65: 6, 16). О месте находки второго в публикации не указано, но из текста заметки можно понять, что он тоже происходил с территории Донецкого Кряжа. Оба предмета имели близкие размеры (диаметр 3,5 см) и несли на себе изображение конного святого (наиболее вероятно, св. Георгия). Авторы публикации считали, что указанные медальоны были утеряны русскими воинами, принимавшими участие в степных походах XII—XIII вв., в том числе и в битве 1223 г. на р. Калка (Косиков, Шаповалов 1988: 44). Впрочем, близкие по виду медальоны имеют широкие хронологические рамки и территориальные границы бытования. Они присутствуют в ранне-средневековых памятниках Причерноморья и Средиземноморья (Атанасов 2002: 47, обр. 4). Похожие предметы известны и на русских землях в эпоху развитого средневековья (Седова 1981: 62—65, рис. 20: 4, 11). Таким образом, отнесение этих находок к интересующему нас кругу древностей проблематично, хотя и вполне вероятно.

Большинство степных поселений Донецкого Кряжа представляет собой стойбища, оставленные кочевым населением. Их известно довольно много, тем не менее, изучены они очень слабо. Количество, характер материала и топографическое расположение свидетельствует, что среди этих поселений имеются памятники различного типа (Кравченко 2013: 280—285). Часть местонахождений могла представлять зимовники, которые использовались в течение продолжительного времени. Часть же являлась одноразовыми сезонными стойбищами. Слабая

Рис. 2. Случайные находки с территории Донецкой области. 1 — Новозарьевка; 2 — место неизвестно; 3 — Гранитное; 4 — Еремовка (цветная вклейка, илл. 12).

Fig. 2. Stray finds in Donetsk Oblast. 1 — Novozaryevka; 2 — place unknown; 3 — Granitnoe; 4 — Eremovka (color plate, ill. 12).

изученность этих памятников не позволяет ответить однозначно на вопрос о наличии на этой территории долговременных стационарных поселений золотоордынского времени. Установленным является лишь факт присутствия на некоторых из них (Хан Тарама) (рис. 1: 8) построек полуземляночного типа.

Из поселений, находящихся на Донецком Кряже, раскопкам подвергался лишь один памятник, расположенный у с. Раздольное Старобешевского района (рис. 1: 9). Происходящие с него средневековые материалы были опубликованы (Кравченко 2001б:

197—208). Памятник занимает площадку мыса высокой террасы правого берега р. Кальмиус, отрезанную со всех сторон. С северо-восточной стороны мыс был ограничен глубокой балкой, по дну которой протекает небольшая речушка — Капурка, впадающая в Кальмиус. С юго-западной стороны мыс также отрезан глубокой древней балкой, а с севера площадка поселения была отгорожена от плато скальной грядой (рис. 3: 1). Раскопками в центральной части мыса были зафиксированы остатки двух круглоплановых сооружений, которые хорошо фикс-

сировались за счет того, что были обложены по периметру камнями.

Остатки сооружений представляли собой кольцевые бессистемные выкладки из камней диаметром 1,7—2,7 м. В центральной части одной из них зафиксированы остатки очага, который представлял собой открытое кострище. Второе сооружение имело с восточной стороны, напротив входа, прилегающую к кладке небольшую прямоугольную каменную выкладку (рис. 3: 1—2; 3: 2). Находки внутри сооружений представлены фрагментами красноглиняных кувшинообразных сосудов золотоордынского времени, колотыми костями животных, среди которых выделяются два лошадиных черепа, обнаруженные в сооружении 2. Трудно сказать, как выглядели указанные постройки. Имеющиеся в распоряжении их остатки позволяют предположить, что это были легкие наземные строения круглой формы (типа шалашей), покрытые шкурами или войлоком. Края этого покрытия и были придавлены к земле каменной выкладкой. Внешний их вид, скорее всего, был близок реконструкциям, представленным в работе С. А. Плетневой (Плетнева 2000: рис. 80—81). Похожие сооружения в виде кругов, выложенных обломками кирпича, были обнаружены на подворье одной из усадеб на Царевском городище (Федоров-Давыдов 1981: 233, рис. 100: 10—11).

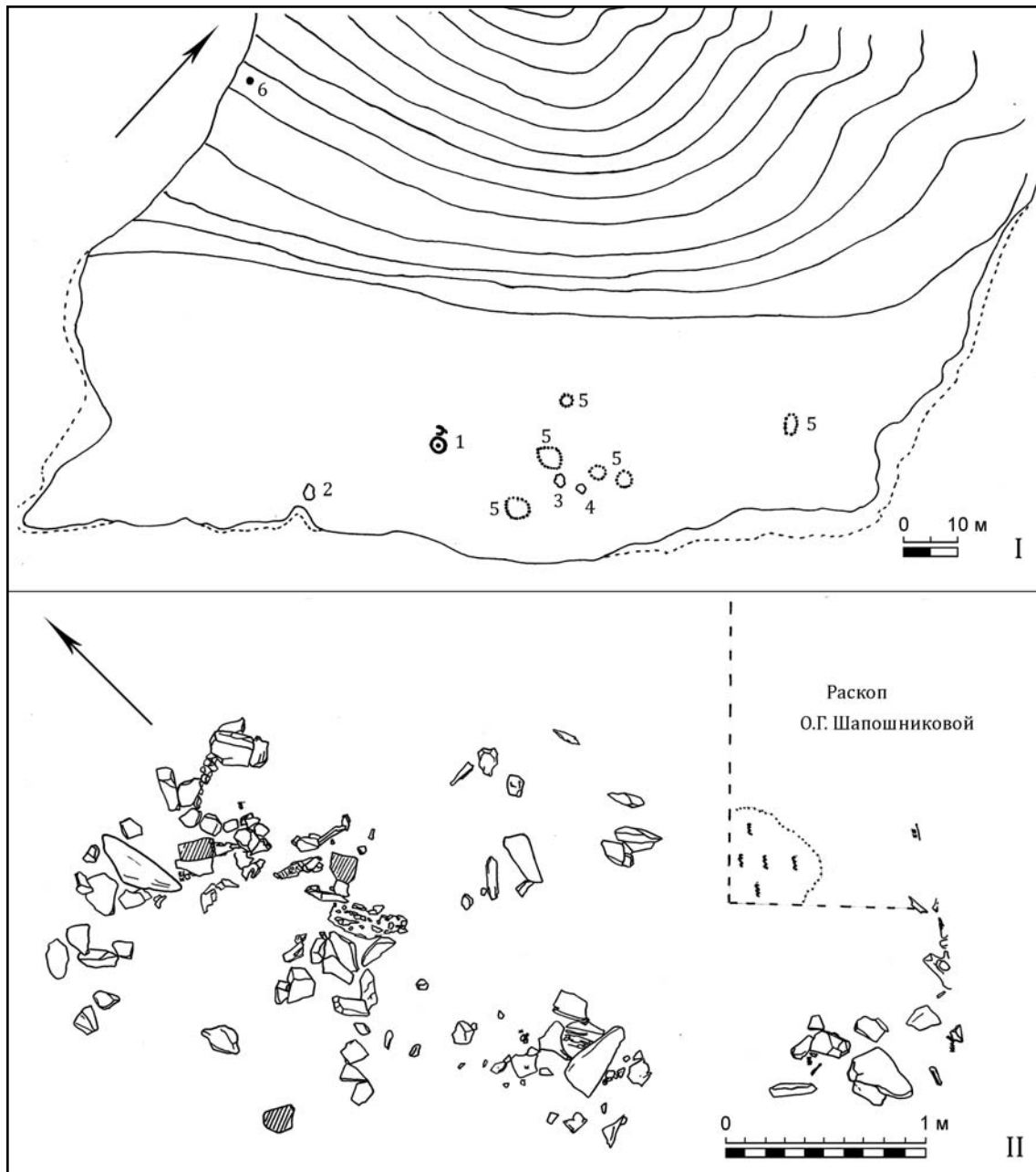
Кроме описанных выше сооружений, на памятнике были обнаружены 2 кострища (рис. 3: 1—3, 4) и несколько скоплений материала (рис. 3: 1—5). Судя по одинаковому уровню залегания, они были одновременны описанным выше каменным сооружениям. Кострища располагались в 2 м друг от друга, имели небольшие размеры (0,4—0,8 × 0,3 м) и довольно мощный слой золы, достигающий 0,2 м. Вокруг них наблюдалось скопление материала, представленного колотыми костями животных и фрагментами красноглиняных сосудов. В целом, описанные сооружения располагались в центральной части мыса.

Основная часть находок на описанном выше памятнике представлена обломками неполивных красноглиняных кувшинов и амфор. Амфорной керамики довольно много. Абсолютное большинство обломков представляет собой фрагменты амфор с дуговидными ручками (рис. 4: 5; 5: 1—2). Часть их могла иметь плоское дно. Черепки отличаются друг от друга составом керамического теста и качеством обжига. Большинство их имеет плотный черепок красного или розового цвета. Для всех фрагментов характерна примесь измельченной слюды в тесте. Тем не ме-

нее, встречается и примесь мелкого шамота. На фрагментах амфор часты граффити, большинство которых сохранилось фрагментарно (рис. 4: 5; 6: 3—5). Из общей массы выделяется группа фрагментов от одной амфоры с черепком бежевого цвета и сильной примесью мелких частичек слюды в тесте. Судя по обломкам, сосуд имел овальный, расширяющийся кверху корпус и вогнутое внутри дно. Верхняя часть украшена сглаженным полосчатым рифлением (рис. 5: 7). По своей форме, тесту и характеру оформления внешней поверхности, данная амфора похожа на амфоры, которые были подняты с судна, затонувшего у Судака в конце XIII в. (Зеленко 1999: 228, рис. 10).

Основная часть кувшинообразных сосудов представлена фрагментами (рис. 4: 1—2, 4; 5: 4, 6; 6: 1—2), а один экземпляр, обнаруженный в сооружении 1, реконструируется почти полностью (рис. 4: 1). Среди кувшинов присутствуют обломки сосудов, покрытых красным ангобом с орнаментом в виде лощеных вертикальных полос на корпусе. Прочие типы сосудов представлены единичными фрагментами. Так, среди керамики встречены обломки гончарного горшка, напоминающего древнерусские, и тонкостенных горшков с плоской ручкой (рис. 4: 3). Их черепок обычно коричневого цвета, имеет в тесте примесь большого количества мелкозернистого песка. Подобного типа сосуды широко представлены в керамике Крыма золотоордынского времени (Якобсон 1979: 117—118, рис. 72: А). Один мелкий фрагмент красноглиняного кувшина был покрыт поверх белого ангоба прозрачной зеленой поливой. Среди прочих находок — куски медных пластин (рис. 5: 8; 6: 10), бусина из горного хрусталя, пряслица, выточенные из стенок сосудов (рис. 6: 6), обломок шпоры (рис. 6: 8), железное шило (рис. 6: 9). На западной окраине памятника, на гранитной осыпи (рис. 3: 1—6), был подобран фрагмент чугунного котла (рис. 6: 7). В целом, указанное поселение, наиболее вероятно, представляло собой кочевье, которое функционировало в конце XIII или нач. XIV века.

Ныне известные погребальные памятники золотоордынского времени на территории Донецкого Кряжа представлены исключительно курганными захоронениями, что вполне отвечает характеру данной территории, которая являлась кочевой степью. Значительная часть этих погребений была выявлена в 70—80-е гг. XX в., когда активизация хозяйственной деятельности на территории региона стимулировала появление новостроечных экспедиций. В это время здесь

Рис. 3. Поселение Раздольное. I — общий план памятника; II — план сооружений; 1 — юртообразная постройка; 2 — золистое пятно; 3, 4 — очаги; 5 — скопления находок эпохи средневековья; 6 — место находки фрагмента чугунного котла (по Кравченко 2000б: рис. 1; 2).

Fig. 3. Razdolnoe settlement. I — general plan of the site; II — plan of constructions; 1 — yurta-shaped structure; 2 — alkali spot; 3, 4 — hearths; 5 — concentrations of finds from the Middle Ages; 6 — place where a fragment of cast iron cauldron was found (after Кравченко 2000б: рис. 1; 2).

был исследован ряд курганных захоронений, относящихся к интересующему нас периоду. Так, в 1975 г., при раскопках курганов, которые располагались на территории пос. Текстильщик (ныне район г. Донецка) (рис. 1: 17), было выявлено захоронение золотоордынского времени и половецкое святилище (Швецов 1979). Группа курганных захоронений золотоордынского времени была исследо-

вана в степной части региона В.Ф. Клименко и Новостроечной экспедицией ДонГУ. К ним относятся погребения уг. Шахтерск (рис. 1: 18) и сел Авилровка (к. 1) (рис. 1: 19), Ольховатка (к.г. 2, кург. 4) (рис. 1: 20), Булавинское (к.1) (рис. 1: 21), Зрубное Шахтерского р-на (рис. 1: 22) (Клименко, Усачук, Цымбал 1994: 4, 7, 9, 54—60, 89—95; рис. 21; 22; 33; 2; 34; Евглевский 1992), Чугуно-Крепинка (рис. 1:

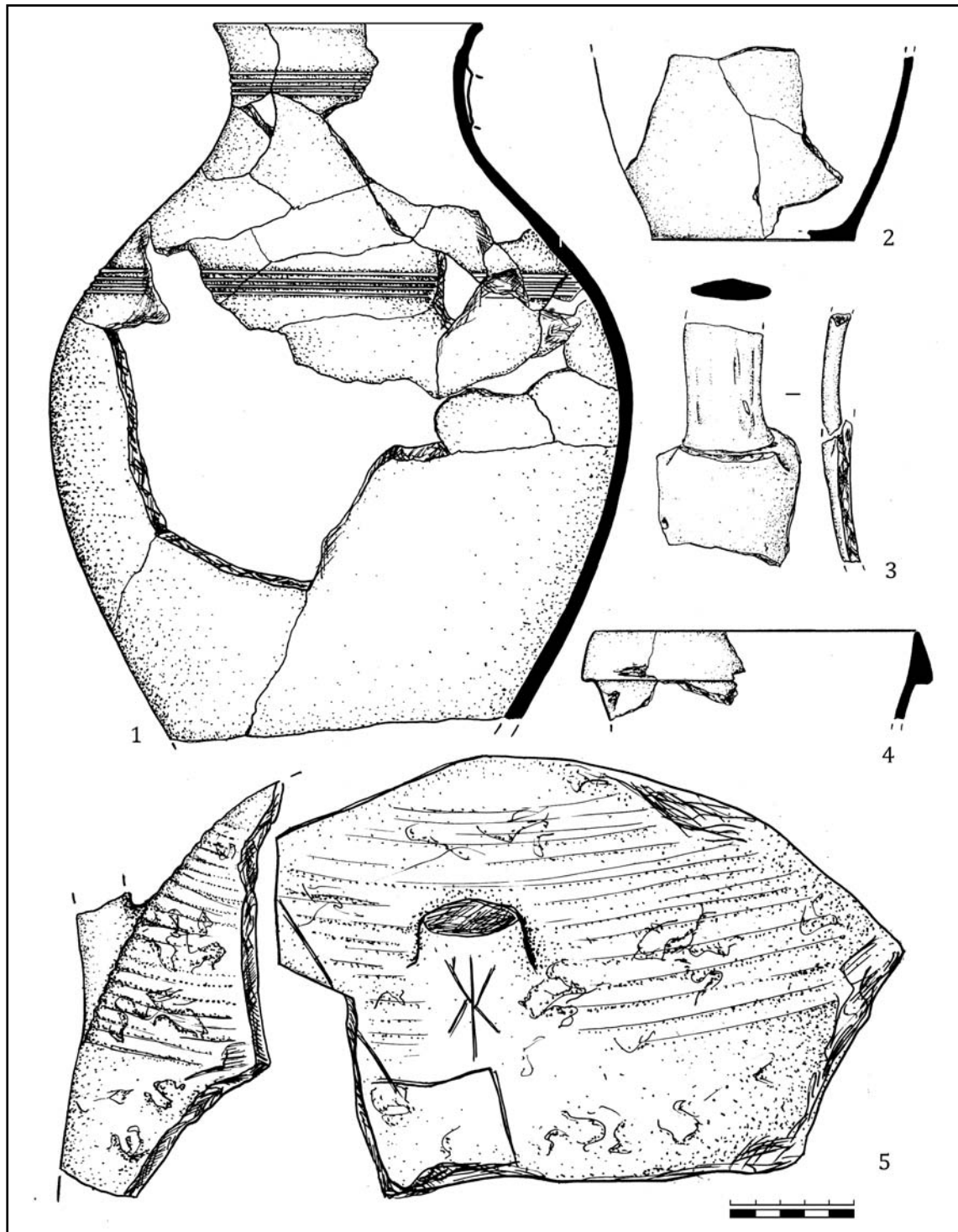
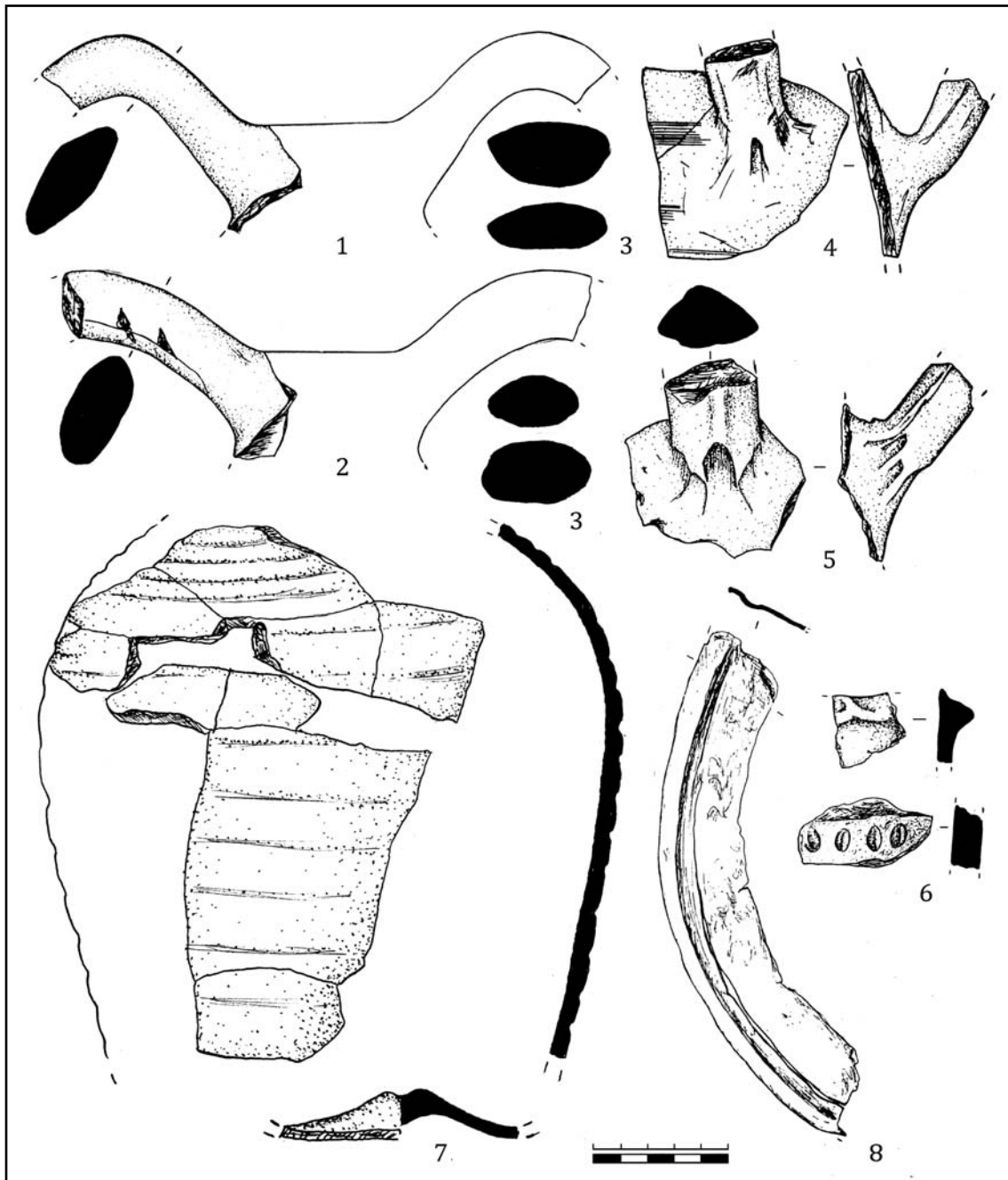

Рис. 4. Поселение Раздольное. Керамический комплекс.

Fig. 4. Razdolnoe settlement. Ceramic complex.

23), Житенко (рис. 1: 24) и Семеновское Амвросиевского р-на (рис. 1: 25), Полковое Волновахского р-на (рис. 1: 26), Мичурино Тельмановского р-на (рис. 1: 27) (Евглевский 1992), г. Волноваха (к. 6) (рис. 1: 28) (Клименко 1998: 64—67, рис. 21: 3—6). Часть их была впущена в насыпи курганов более ранне-

го времени. Захоронения у сел Авиловка, Ольховатка, Булавинское, Чугуно-Крепинка, Зрубное и г. Волновахи были основными и единственными под невысокими курганными насыпями. Ряд погребений (Чугуно-Крепинка, Полковое, Ольховатка, Шахтерск) имел каменную наброску или заклады над

Рис. 5. Поселение Раздольное. Предметы из золотоордынского слоя памятника. 1—7 — керамика; 8 — медь.

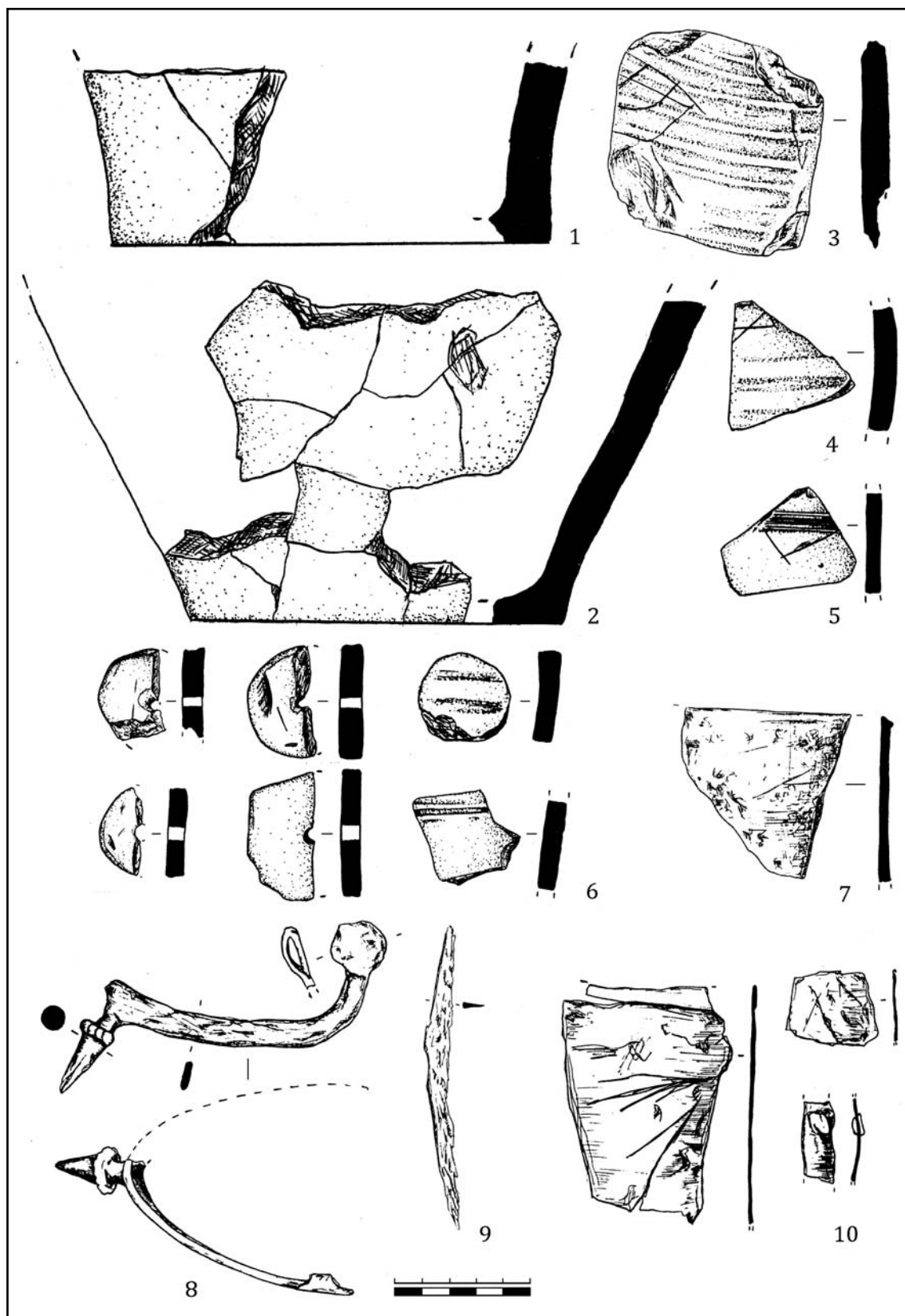
Fig. 5. Razdolnoe settlement. Items from the Golden Horde layer of the site. 1—7 — ceramics; 8 — copper.

могильной ямой. Большинство этих захоронений представляло собой могилы рядовых кочевников с относительно небогатым инвентарем.

Интересны захоронения воинов, обнаруженные у сел Никифорово и Самойлово. Последний комплекс, по своему расположению, тяготеет к Приазовью.

Комплекс у с. Никифорово (Шахтерский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 15; 12) был датирован автором публикации домонгольским вре-

менем (Привалова 1998: 163). Тем не менее, общий характер его инвентаря, среди которого присутствует ажурная подвеска или пуговица (рис. 12: 3), близкая находкам на памятниках золотоордынского времени, позволяет отнести данное захоронение к более позднему периоду (погр. 80 Новохарьковского могильника (Винников, Цыбин 2002: 55, рис. 21: 4—6), погр. 625 могильника Мамай-Сурка (Ельников 2006: 250, 253, рис. 151: 7). Интерес представляет факт наличия в ком-

Рис. 6. Поселение Раздольное. Предметы из золотоордынского слоя памятника. 1—6 — керамика; 7 — чугун; 8—9 — железо; 10 — медь.

Fig. 6. Razdolnoe settlement. Items from the Golden Horde layer of the site. 1—6 — ceramics; 7 — cast iron; 8—9 — iron; 10 — copper.

плексе, наряду с котлом, керамического сосуда — горшка с плоской ручкой (рис. 12: 4), близкого крымским образцам (Якобсон 1979: 117, рис. 72: А). Данное погребение, похоже, было основным в кургане, высота которого составляла более 1 метра.

Погребение (к. 2, погр. 2) у с. Самойлово (Новоазовский р-н Донецкой обл.) (рис. 1: 16) было впущено в центральную часть уже существующей насыпи. С покойником были уложены детали повозки (рис. 13: 1). Погребенный сопровождался богатым и разнообразным инвентарем (рис. 13: 2). Комплекс вооружения составлял саблю, кольчугу, шлем, стрелы. В захоронении присутствовали остатки шелкового халата и золотого пояса с псевдокуфической надписью (Швецов 2004: 244—246, 255, 258; рис. 5—9). Интересен факт наличия в комплексе керамического красноглиняного кувшина, украшенного по корпусу лощеными вертикальными линиями. Центральная часть корпуса сосуда имеет горизонтальный уплощенный валик. Подобные сосуды широко представлены на памятниках золотоордынского времени.

Элементы повозки содержали еще два погребения, выявленные в 2011 г. при раскопках курганной группы (5 насыпей) Попов Яр 2 в Добропольском р-не Донецкой области (рис. 1: 65). Оба захоронения были впущены в насыпи более ранних курганов, относящихся к эпохе бронзы (Полидович, Усачук, Кравченко, Подобед 2013: 54—58, 69—70, рис. 32—38, 60—64).

Так, погребение 3 кургана 5 (рис. 41: 2) было совершено в грунтовой яме подпрямоугольной формы с подбоем вдоль южной стенки. Подбой был перекрыт поперечными досками, на которые в западной части было уложено тележное деревянное колесо, сохранившееся фрагментарно. Останки погребенной (взрослой женщины) находились в решетчатом гробовище. Скелет был уложен вытянуто на спине, головой на запад. Череп лежал на правом боку и был развернут лицевой частью к югу. В районе костей шеи находилась железная гривна, положенная концами наружу (тип II по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов 1966: 39). Возле верхней части левой бедренной кости найдено массивное кольцо из светлого металла (тип XII по Г.А. Федорову-Давыдову) (Федоров-Давыдов 1966: 39). Под черепом, в районе правого виска, находилась височная подвеска из светлого металла. Чуть выше кольца зафиксированы остатки украшения (ленты) ярко-красного цвета шириной

6 см. В районе шеи найдена бронзовая серьга в виде знака вопроса (Федоров-Давыдов 1966: 27, 39).

Погребение 3 кургана 3 (рис. 41: 3) было впущено в центральную часть кургана. С этим захоронением была связана каменная кольцевая выкладка вокруг насыпи и досыпка. Совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии запад — восток с подбоем под южной стенкой. На ступеньке находились кости коня (череп, конечности и хвостовые позвонки) в направлении с запада на восток. Череп лежал на правой стороне мордой на запад. В зубах находились железные удила (тип Г II) (Федоров-Давыдов 1966: 18), возле основания гребня шеи — железное крепление для чумбурного повода. За черепом лежали кости конечностей коня от локтевого сустава до копыт, состав и расположение которых соответствует помещению в погребение чучела лошади. В районе спины животного были найдены 2 железных стремени (тип Г I) (Федоров-Давыдов 1966: рис. 1). Рядом с ними находились два фрагмента деревянных плашек, которые могли являться остатками седла. К югу от стремян были выявлены две подпружные пряжки. В восточной части ямы под костями коня зафиксированы остатки колеса, которое первоначально частично лежало слегка наклонно на ступеньке.

На дне камеры находилось гробовище решетчатого типа, перекрытое плашками, поверх которых шел слой бересты. Скелет взрослого человека был уложен в вытянутом положении на спине, головой на запад. Череп лежал на затылке, лицевой частью вверх. На поясе с правой стороны находилась железная сабля. На отведенной в сторону правой руке лежал колчан, от футляра которого сохранились остатки дерева и кожи, украшенный костяными накладными пластинами. В верхней трети колчана находилась костяная петля для подвешивания. Внутри колчана лежали 3 стрелы, расположенные остриями вверх, от которых сохранились железные наконечники (тип III, отдел В) (Федоров-Давыдов 1966: 27) и небольшие фрагменты древков. Возле тазовых костей, вдоль сабли от ребер к ногам погребенного, зафиксированы пластины, являвшиеся накладками лука. На костях (нижней челюсти и шейных позвонках) сохранились фрагменты одежды и украшений из тонкой фольги из желтого металла.

Несколько комплексов представляют собой могилы половецкой элиты золотоордынского времени. К числу их относятся по-

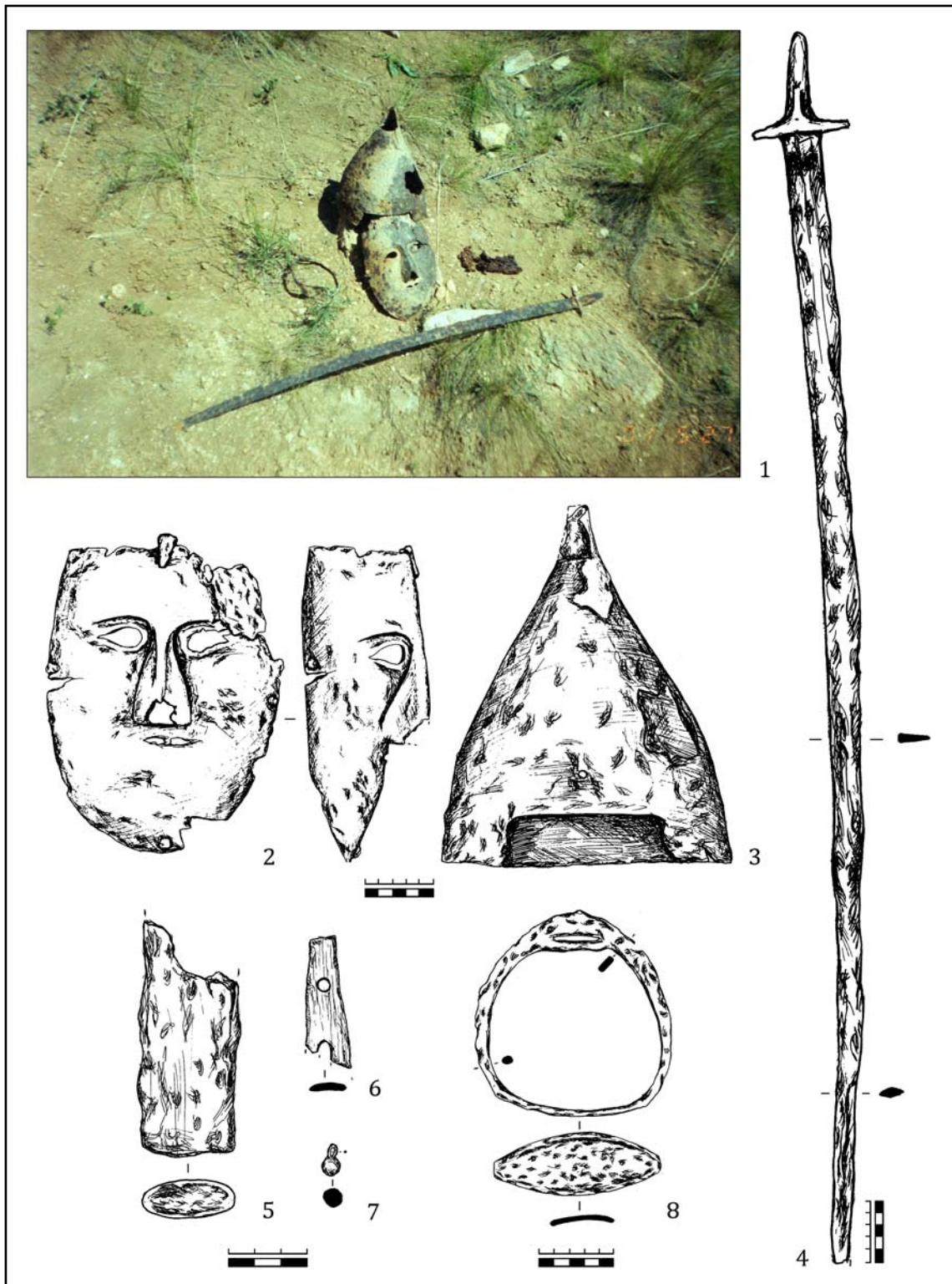
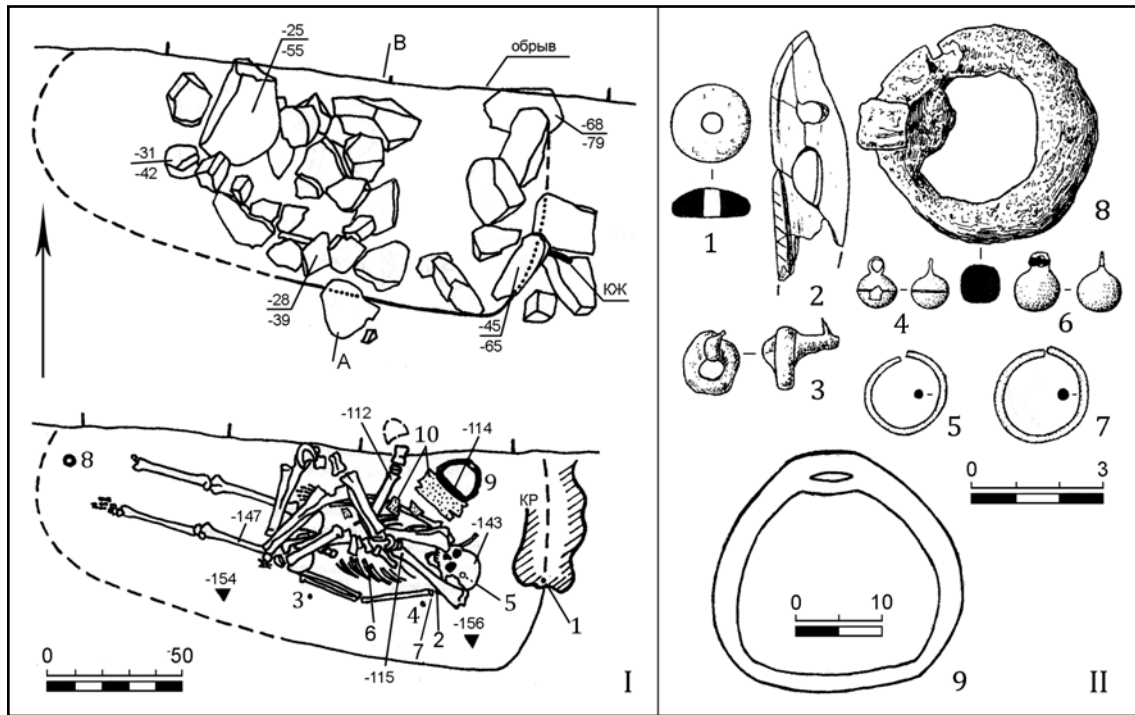

Рис. 7. Погребение у с. Кировское Волновахского р-на. 1 — место, где было обнаружено захоронение; 2—8 — вещи из комплекса.

Fig. 7. Burial at Kirovskoe village in Volnovakha Raion. 1 — place where the burial was found; 2—8 — items from the complex.

гребеня из курганной группы «Рясные могилы», раскопанные Э.Ю. Петри в 1888 г. у с. Пески, близ нынешнего г. Донецка (к. 3, погр. 2 и к. 4, погр. 1) (Усачук, Полидович,

Колесник 2004: 33—35). Еще один комплекс обнаружили при сооружении шламонакопителя Донецкой фильтровальной станции (рис. 1: 13). Захоронение почти полностью

Рис. 8. Захоронение в балке Арген-Тарама. I — план погребения; II — вещи из археологического комплекса (по Потемкина, Усачук 2000). Цифрами на плане обозначены: 1 — костяная пуговица; 2 — костяная петля от налучья; 3 — железное колечко от крепления налучья; 4, 6 — бронзовые пуговицы с петлей; 5, 7 — серебряные височные колечки (5 — под черепом); 8 — железное кольцо от удила; 9 — стремя; 10 — фрагмент бересты.

Fig. 8. Burial in Argen-Tarama gulch. I — plan of burial; II — items from the archaeological complex (after Потемкина, Усачук 2000). Legend: 1 — bone button; 2 — bone loop of the bow; 3 — iron ring of the bow's fixture; 4, 6 — bronze buttons with a loop; 5, 7 — silver temple rings (5 — under skull); 8 — iron ring of bit; 9 — stirrup; 10 — fragment of birchbark.

было уничтожено земляными работами, а место его расположения затоплено. Из инвентаря сохранились два колта (рис. 10: 7) и зеркало (рис. 9: 8; цветная вклейка, илл. 13), ныне находящиеся в фондах Донецкого областного краеведческого музея. Данные предметы находят параллели среди древностей золотоордынского времени (Федоров-Давыдов 1966: 39—40, рис. 6). Близкие аналоги колтам имеются на землях Руси (Корзухина 1954: 126—128), в Волжской (Смирнов 1951: 155—156) и Дунайской (Бобчева 1978) Болгариях. Зеркало относится к достаточно редко встречающемуся типу. Аналогичный предмет был обнаружен в Сарае ал-Джедид (Треков, Якубовский 1950: фототаблицы приложения).

Особый интерес представляет захоронение, раскопанное в 1962 г. в кургане у с. Новоивановка Амвросиевского р-на Донецкой области (рис. 1: 14) местным учителем. Полевая документация представлена только описанием расположения предметов в могиле, что вызвало известную путаницу при публикации указанного комплекса, да-

тированного концом XII — началом XIII вв. (Швецов 1974: 97—98). Он представлял собой женское погребение в деревянном гробу. Восточная ориентировка, характерный головной убор, распрямленная гривна в руке и прочий инвентарь свидетельствуют об отношении его к кругу половецких захоронений. Судя по всем признакам, указанный комплекс не содержал лошади. Странное положение конского скелета, найденного выше погребенной (он лежал намного выше и поперек захоронения), по нашему мнению, свидетельствует об отношении коня к какому-то другому комплексу, который находился в этом же кургане. При первой публикации материалов были даны рисунки не всех входящих в погребение вещей. Во второй статье М. Л. Швецова, посвященной данному комплексу (Швецов 2013: 307—318), это упущение было исправлено. В обоих случаях автор датировал указанный комплекс домонгольским временем. Тем не менее, в комплексе содержится ряд предметов, в домонгольской датировке которых можно усомниться. Так, к послемонгольскому времени, скорее всего, относятся две золо-

Рис. 9. Находки с территории Донецкой области. 1, 3 — Царино городище; 2 — пос. Явир; 4—8 — могильник Ляпинская Балка; 9 — погребение у Донецкой фильтровальной станции. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — бронзовые зеркала; 3, 10 — медные браслеты; 6, 7 — бронзовые серьги (цветная наклейка, илл. 13).

Fig. 9. Finds from Donetsk Oblast. 1, 3 — Tzarino fort; 2 — Yavir village; 4—8 — Liapinskaia Balka necropolis; 9 — burial at Donetsk filter plant. 1, 2, 4, 5, 8, 9 — bronze mirrors; 3, 10 — copper bracelets; 6, 7 — bronze earrings (color plate, ill. 13).

Рис. 10. Вещи из погребений у с. Новоивановка Амвросиевского р-на (1—6) и Донецкой фильтровальной станции (7). 1 — золотая гривна и золотые пластинки (застежки?); 2, 3 — золотые перстни; 4 — ойнохоя; 5 — нож с костяной рукоятью; 6 — медный котел; 7 — золотой колт (цветная вклейка, илл. 14).

Fig. 10. Items from burials at village Novoivanovka of Amvrosievka Raion (1—6) and Donetsk filter plant (7). 1 — gold grivna and gold plates (clasps?); 2, 3 — gold rings; 4 — oenochoe; 5 — knife with a bone handle; 6 — copper cauldron; 7 — gold kolt (color plate, ill. 14).

тых тисненых пластинки (застежки плаща?) (на узкой их части, внутри имеются следы пайки, возможно, от крючков) (рис. 10: 1; цветная вклейка, илл. 14). Среди находок присутствовало зеркало типа Ж-2, ойнохоя (рис. 10: 4), котел, выдавленный из цельного медного

листа (рис. 10: 6). Поздний облик имеют броши со вставками из темно-синего, почти черного непрозрачного стекла, орнаментированные сканными S-видными завитками, браслеты из стекла такого же цвета, нож с костяной резной рукоятью (рис. 10: 5). Скорее все-

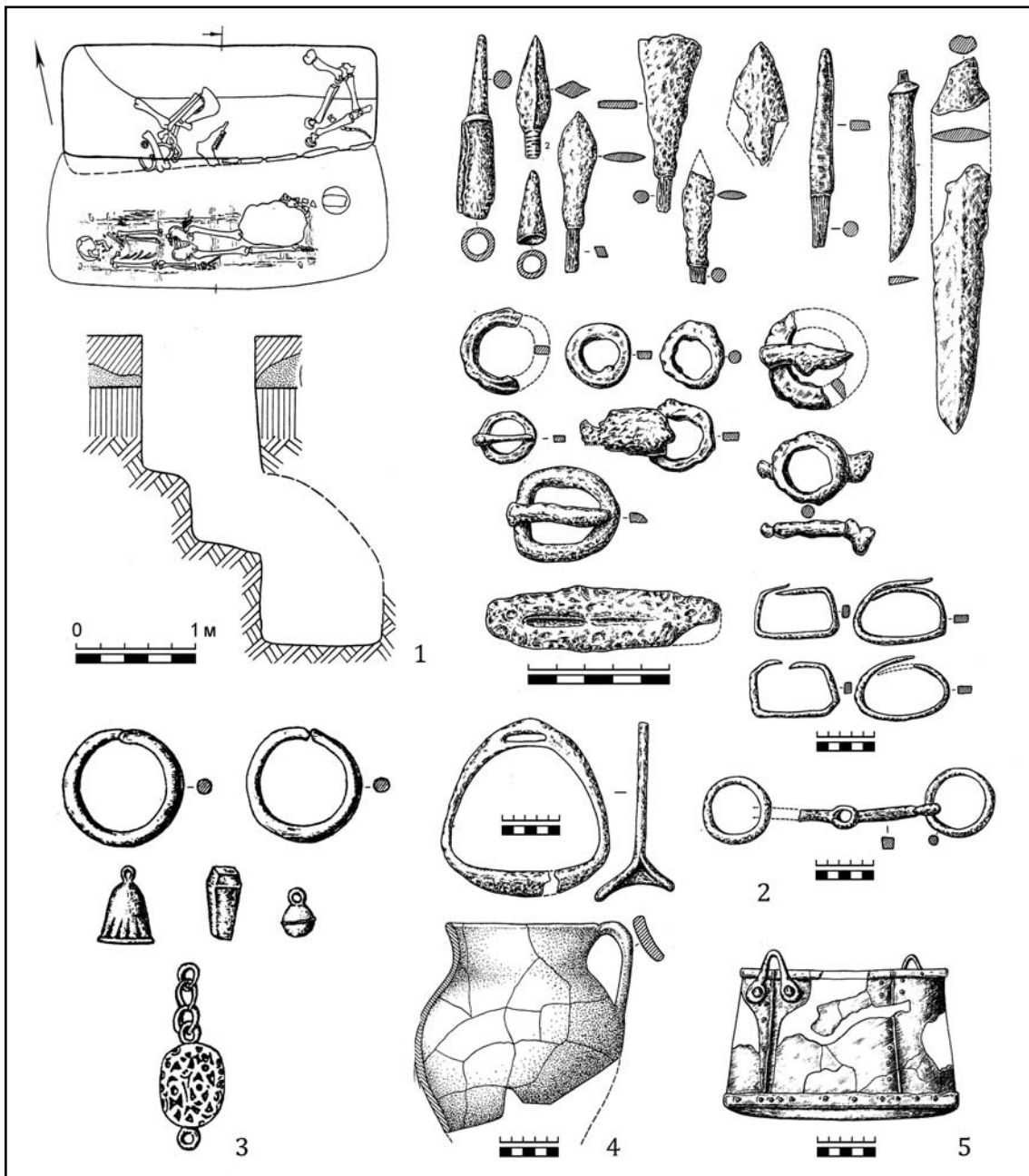
Рис. 11. Находки с территории Донецкой области. 1—22 — Зеленый Кут; 23 — территория Северного Приазовья; 24 — Царино городище.

Fig. 11. Finds from Donetsk Oblast. 1—22 — Zeleny Kut; 23 — territory of Northern Azov Region; 24 — Tzarino fort.

го, к послемонгольскому периоду относится и перстень с надписью (рис. 10: 3). Кроме этого, в погребении присутствовали серебряные витые браслеты, близкие браслетам из Белой Вежи (Артамонова 1963: 70, рис. 56), витые кольца, бубенец и линза из горного хрусталя.

В целом, представляется, что указанное захоронение можно датировать уже золотоордынским временем.

Из общей массы курганных захоронений кочевников выделяются два комплекса, у которых курганы отсутствовали. Один

Рис. 12. Погребение у с. Никифорово (по Привалова 1998). 1 — план и профиль захоронения; 2—5 — вещи из погребения.

Fig. 12. Burial at Nikiforovo village (after Привалова 1998). 1 — plan and profile of burial; 2—5 — items from burial.

из них был обнаружен на склоне балки близ с. Кировское Волноваского р-на Донецкой области (рис. 1: 11) (Кравченко 2003б: 123—130). Балка является левым притоком р. Кальчик, которую местное население называет Калкой. Погребение было вымыто тальми водами на склоне балки чуть выше тальвега и раскопано местными школьниками (рис. 7: 1). Находки из него, которые ребята передали в школу с. Кировское, свидетельствуют, что это было захоронение конного воина. Вместе с костями были обнаружены

фрагменты кольчуги, стремя (рис. 7: 8), медная литая пуговица (рис. 7: 7), фрагмент костяной колчанной петли (рис. 7: 6), сабля (рис. 7: 4—5) и шлем с портретной маской (рис. 7: 2—3), на котором, местами, сохранились следы серебрения. Вполне вероятно, что были собраны не все вещи, входившие в состав погребального инвентаря. В целом данный комплекс близок курганным погребениям Поросья (Ковали и др.). Нестандартное его топографическое расположение, наиболее вероятно, связано с тем, что данное захороне-

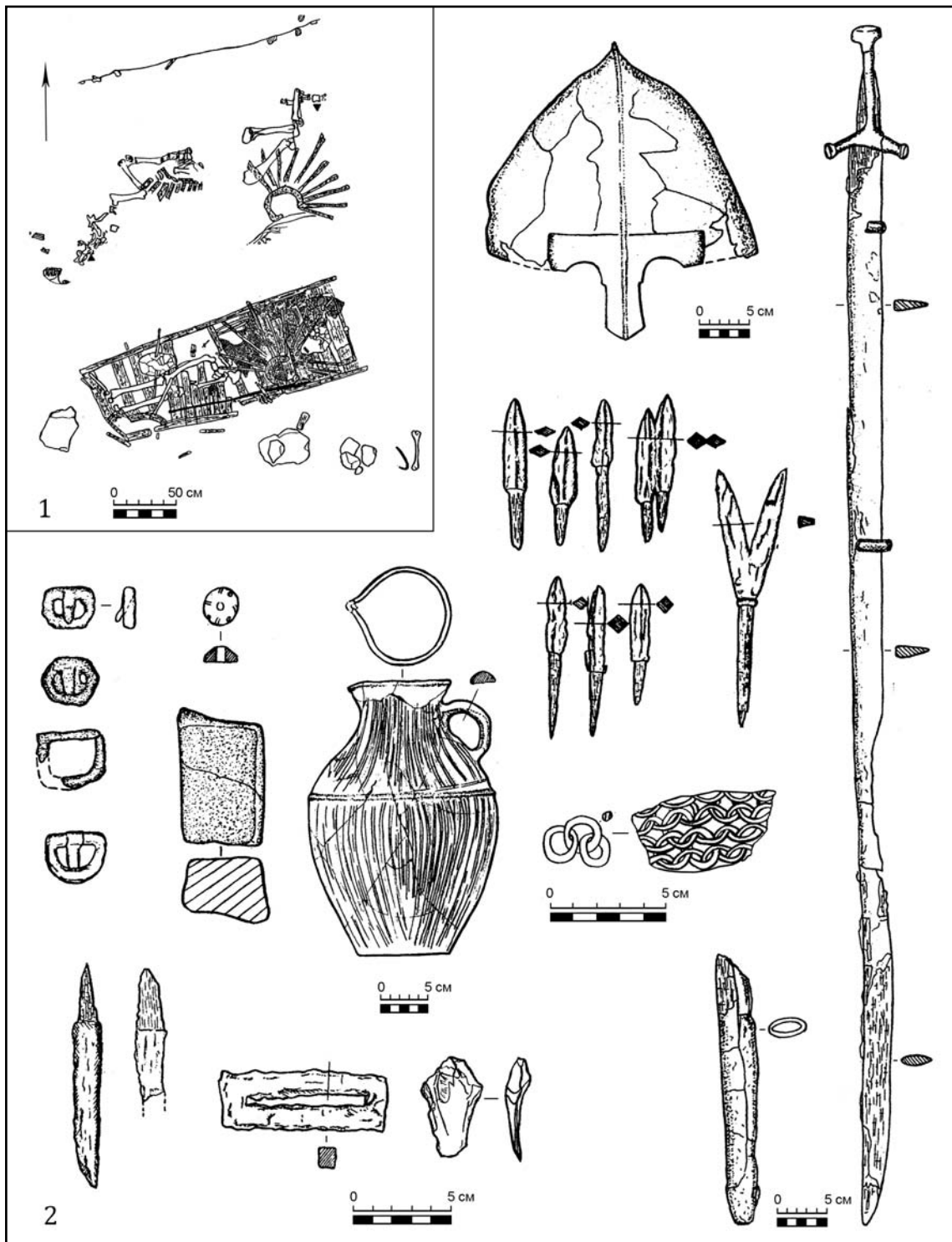

Рис. 13. Погребение у с. Самойлово (по Швецов 2004). 1 — план; 2 — инвентарь захоронения.

Fig. 13. Burial at Samoilovo village (after Швецов 2004). 1 — plan; 2 — grave goods.

ние было произведено в экстремальной обстановке, на чужой территории, возможно, после сражения.

Еще одно захоронение было обнаружено близ пос. Раздольное, в 1 км вниз по течению реки от описанного выше кочевья (рис. 1:

12). В месте находки высокая береговая терраса р. Кальмиус, площадка которой поднята на высоту 12 м выше уреза воды, прорезана ее правым притоком — балкой Арген-Тарама. Балка обводнена — по дну ее течет небольшая степная речушка. Курганной насыпи

не было, равно, как не было обнаружено рядом и других захоронений, которые могли бы свидетельствовать о наличии здесь грунтового могильника. Над погребением находилась каменная выкладка, перекрывающая яму (рис. 8: 1). Под камнями располагалось чучело коня, представленное костями четырех ног. По-видимому, присутствовал и череп, который не сохранился, т.к. северная часть захоронения была уничтожена оползнем. Скелет человека (мужчина, монголоид, 25—30 лет) (Кузьменко 2000: 123—124) лежал вытянуто на спине, головой на восток-юго-восток. Небогатый инвентарь представлен деталями конской упряжи, двумя височными кольцами, пуговицами, и костяной петлей от налучья (рис. 8: 2). Авторы публикации относят данное погребение к золотоордынскому времени (Потемкина, Усачук 2000: 120—123). По мнению Е.В. Круглова, оно относится к более раннему периоду (Круглов 2006: 268).

На **Азовском побережье**, как и на Кряже, известно большое количество поселений. Абсолютное большинство их не исследовалось, и наши сведения о них ограничены описанием топографического расположения и подъемным материалом, часто немногочисленным и невыразительным. В связи с этим характер указанных памятников установить сложно. Часть этих местонахождений, вне сомнения, представляет собой сезонные стойбища, оставленные кочевниками, часть же является стационарными пунктами, на которых проживало оседлое население. Абсолютное большинство описанных поселений привязано к побережью Азовского моря, либо находится на небольшом расстоянии от него.

С Азовского побережья происходит большое количество материала, относящегося к рассматриваемому нами периоду. Так, в районе г. Мариуполь (рис. 1: 29) в XIX в. были найдены украшения, выполненные в технике филигрании, близкие нашивным пластинам из могилы 21 Алуштинского могильника в Крыму (Махнева 1968: 162).

Значительное количество материала, относящегося к интересующему нас периоду, относится к числу т.н. «отдельных» или «случайных» находок (рис. 1: 30—35, 45). Большинство их представлено предметами вооружения — наконечниками стрел (Каталог 1993: 56, 58; №343, 356, 357, 358), копий (рис. 40: 7) (Каталог 1993: 57, 58, 60; №387) и боевыми секирами (Каталог 1993: 5, 56; №332, 333, 334). Две из них (рис. 40: 1—2) были обнаружены на Белосарайской косе (рис. 1: 30), где довольно часто встре-

чаются и наконечники стрел. Одна (рис. 40: 3) — в Новоазовском районе (рис. 1: 31). Вполне вероятно, что подобные находки, особенно их скопление на какой-то территории, маркируют места военных столкновений, которыми богата средневековая история рассматриваемого нами региона.

С кочевниками, проживавшими в золотоордынское время в Приазовье, кроме стойбищ, связан ряд курганных захоронений. К одному из таких захоронений относилась мраморная плита с арабской надписью, найденная в конце XIX в. на кургане у сл. Гусельщиково (рис. 1: 33). Она была перевезена в Новочеркасск, где и находится и ныне (Волков 2008: 478—496). Текст на плите свидетельствует, что она была установлена на могиле нойона Али-Бек Тимур-Булака сына Али Той-Тимура в 781 г.х. В окрестностях пос. Гусельщиково, по всей видимости, могут находиться и поселения интересующего нас периода. В пользу этого свидетельствует ряд находок, происходящих из этого района, которые в данный момент находятся в частных собраниях (рис. 14: 1—4).

Ряд интересных объектов в рассматриваемом регионе был обнаружен в 20—30-е гг. XX века. В мариупольском музее хранится плоскдонная амфора (рис. 15: 1; цветная вклейка, илл. 16), найденная в окрестностях города. В 1928 г. крестьянином с. Ялта (Донецкая обл.) «на песчаном спуске к морю» был подобран чугунный котел с тремя ножками (рис. 1: 34) (нынешнее его местонахождение неизвестно) (Пиневиц 1928). П.М. Пиневиц датировал этот предмет XVII—XVIII веками. Тем не менее, прилагаемый к отчету качественный рисунок находки (рис. 15: 2) позволяет отнести котел к золотоордынскому времени. Близкие по виду котлы происходят из городов на территории Монголии, в частности, из Кара-Корума (Киселев 1965). Ножка от подобного котла была обнаружена в среднем течении Северского Донца на Царинном городище.

В 20-х гг. XX столетия Г.Г. Афондиком была обнаружена налобная пластина, представляющая собой деталь конского доспеха (ныне находится в экспозиции Мариупольского краеведческого музея) (рис. 11: 23). Каких-либо дополнительных данных об этой находке нет. Она вполне могла происходить из какого-то захоронения, т.к. в музейном перечне предметов рядом с нею указаны вещи из курганных захоронений, раскопанных в окрестностях нынешнего Мариуполя и не имеющих точных привязок к конкретным комплексам. О присутствии у монго-

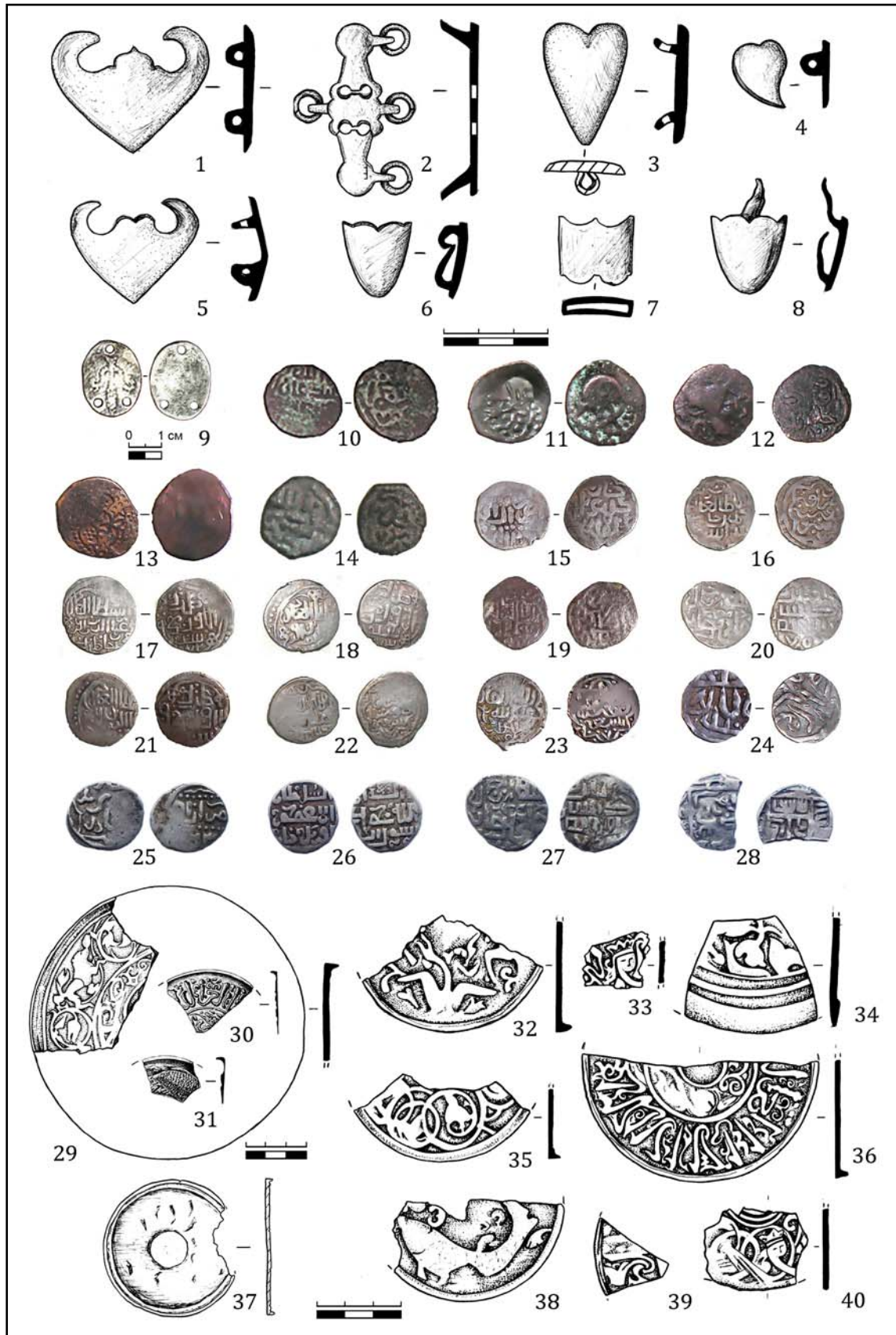
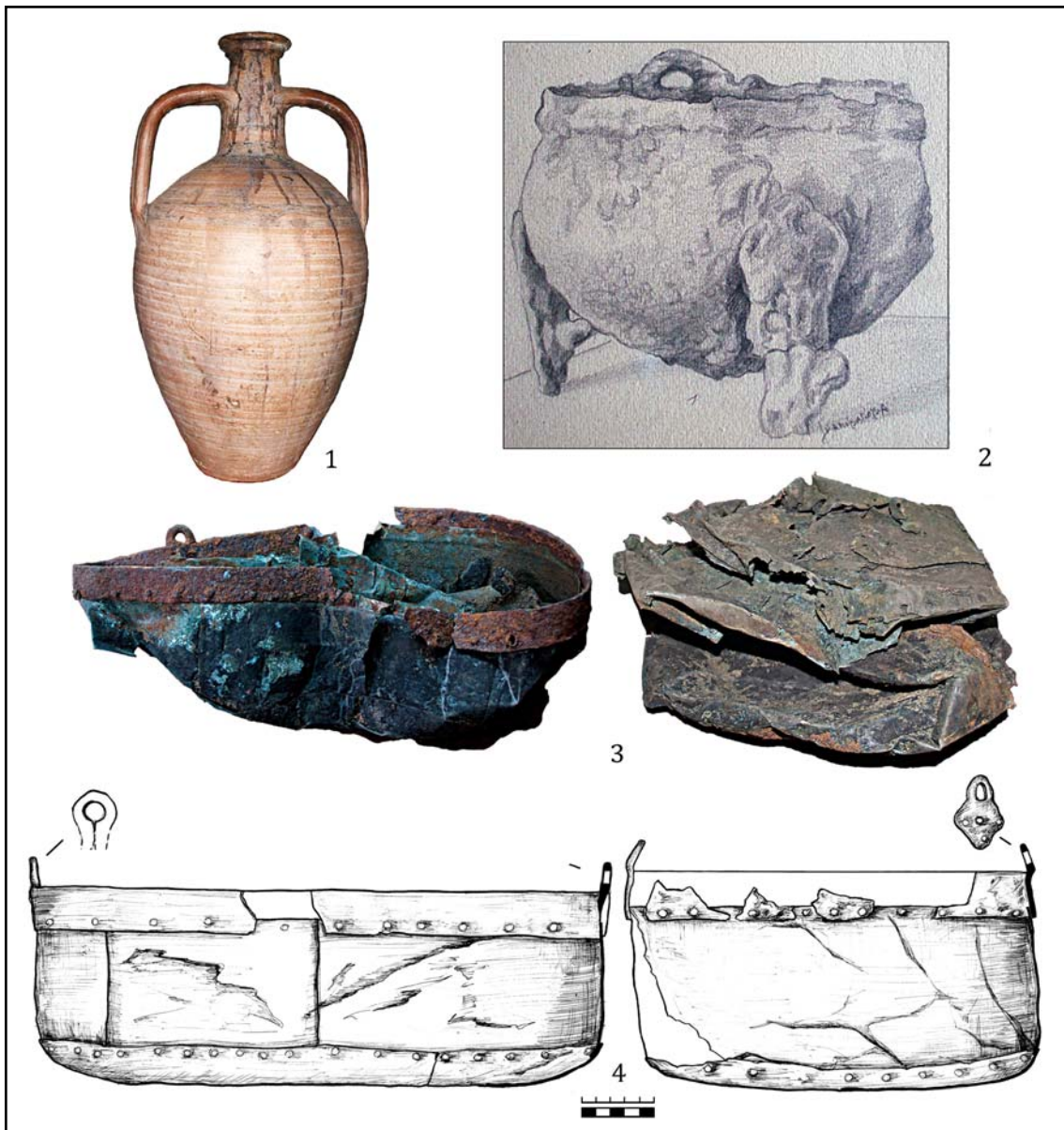

Рис. 14. Предметы золотоордынского времени с территории Донецкой области. 1—4 — Гусельщиково; 5—8, 33 — Явир; 9—32, 34—40 — Царино городище.

Fig. 14. Items of the Golden Horde time from Donetsk Oblast. 1—4 — Guselshchikovo; 5—8, 33 — Yavir; 9—32, 34—40 — Tzarino fort.

Рис. 15. Предметы с территории Донецкой области. 1 — Мариуполь; 2 — Ялта (по Пиневиц 1928); 3, 4 — Ямполь (цветная вклейка, илл. 16).

Fig. 15. Items from Donetsk Oblast. 1 — Mariupol; 2 — Yalta (after Пиневиц 1928); 3, 4 — Yampol (color plate, ill. 16).

лов конского доспеха сообщает еще Плано Карпини (Карпини 1957: § 11). Изображения доспехов (или просто масок) на лошадях довольно часто фигурирует на персидских миниатюрах XIV века (Щербаков, Дзысь 2001: 27). При всем этом, подобные предметы относятся к числу крайне редких находок. Налобная пластина от конского доспеха имеется в собрании ГИМ (Аствацатурян 2002: 79). Целая маска, датируемая XV столетием, хранится в музее Топ-Капы в Турции (Аствацатурян 2002: 79).

Выше указывалось, что абсолютное большинство поселений на территории При-

азовья раскопкам не подвергалось. В рассматриваемом регионе археологически изучалось несколько памятников, на которых присутствовали средневековые напластования (Безыменное, Бердянское, Ляпинская Балка). Материалы раскопок большинства этих объектов не были опубликованы. Керамика золотоордынского времени, а также фрагменты чугунных котлов, зафиксированы на ряде поселений Азовского побережья. На одном из них, расположенном у пос. Обрыв Новоазовского р-на Донецкой области (рис. 1: 63), собрана небольшая коллекция монет, представленных в основном

анонимными эпитафными пулами и дирхемами Абдаллаха и Мухаммед-Булака². Здесь же были встречены мелкие обломки зеркал и керамика, свидетельствующие о наличии на данном месте поселения. Керамика золотоордынского времени, в том числе и фрагмент чаши с гравировкой по ангобу под прозрачной желтой поливой, были найдены на поселении возле пос. Урзуф Мангушского р-на Донецкой области (рис. 1: 35). Интересным представляется тот факт, что на этой группе поселений, вытянутых цепью вдоль побережья Азовского моря и расположенных в непосредственной близости как от Крыма, так и от золотоордынского Азака, поливная посуда встречается крайне редко. Все ее находки здесь пока представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов (Ляпинская Балка, Урзуф, Обрыв).

В целом, из древностей, оставленных оседлым населением, проживавшим в степях Северного Приазовья в золотоордынское время, были опубликованы только материалы раскопок поселения, расположенного в Ляпинской Балке на восточной окраине г. Мариуполь (рис. 1: 37) (Кравченко 2003) и находящегося неподалеку от него грунтового могильника (Евглевский, Кульбака 2003), скорее всего, оставленного жителями этого же поселения.

Селище находится на правом берегу Водяной (Ляпинской) балки, в 1,5 км к северу от места ее впадения в Азовское море. Оно занимает слабовыраженный пологий мысообразный выступ, ограниченный с севера и юга двумя древними ярами (Полидович, Цимиданов, Кузин 1992). Территория поселения подвергалась террасированию и в течение многих лет распахивалась, что негативно отразилось на состоянии средневековых культурных напластований. Несмотря на то, что на памятнике была вскрыта площадь более 600 кв. м, на ней из сооружений золотоордынского времени сохранились всего 2 хозяйственных ямы и кострище. Последнее может свидетельствовать в пользу того, что основная часть построек, существовавших на поселении, представляла собой наземные сооружения. Территория селища была огорожена небольшим рвом, глубина и ширина которого в нижней части не превышали 1 м. За этим ровиком находки золотоордынского времени прекращались.

Расчищенные на памятнике хозяйственные ямы золотоордынского времени имели относительно небольшие размеры и глубину, не превышающую 1,5 м. Немногочисленные находки в них были представлены керамикой и костями барана со следами рубки.

Интерес представляет кострище. Небольшие его размеры (0,5 × 0,7 м) и скопление материала в окружающих квадратах свидетельствуют в пользу того, что в этом месте располагалась уничтоженная распашкой наземная постройка.

Большинство находок, относящихся к интересующему нас периоду, представлено неполливой красноглиняной керамикой, среди которой основную часть составляют фрагменты кувшинообразных сосудов (рис. 16: 1—4, 6, 8—9; 17: 1—9, 11). Их поверхность в основном желтого или красного цвета. Небольшая группа представлена обломками белоглиняных кувшинов, орнаментированных комбинациями волнистых линий. Близкая им, также немногочисленная группа керамики имеется и на Царином городище в среднем течении Северского Донца.

Корпус кувшинообразных сосудов орнаментировали пролощенными вертикальными линиями, иногда в сочетании с однорядной или многорядной, прямой или волнистой линией на плечиках и в центральной части сосуда (рис. 17: 1—8), круглыми наколами у основания горлышка кувшина, оттисками гребенчатого штампа (рис. 17: 9). Край венчика обычно имел утолщение, иногда в виде манжета (рис. 16: 6). Часто встречался слив. На плечиках или в центральной части кувшинов иногда присутствует уплощенный подтреугольный валик. Один кувшин был декорирован на горлышке (рис. 16: 4), а другой — у дна (рис. 16: 9) широкими параллельными линиями. Полностью был реконструирован крупный краснощеный кувшин, орнаментированный пролощенными линиями в сочетании с прочерченной волной в центральной части сосуда (рис. 16: 1). Таким образом, кувшинообразные сосуды Ляпинской Балки находят многочисленные параллели как на иных памятниках, расположенных в донецких степях, так и на территории Золотой Орды в целом.

На втором месте по численности представлены обломки амфор с дуговидными ручками (рис. 16: 10—11), составляющие визуально не менее 25% всего керамического комплекса. В целом, амфорная керамика памятника довольно однородна: это фрагменты сосудов с дуговидными ручками, которые отличаются друг от друга лишь цветом керамического теста, варьирующим от оранжевого до коричне-

² Любезная информация М. Онищенко. Находятся в частных собраниях.

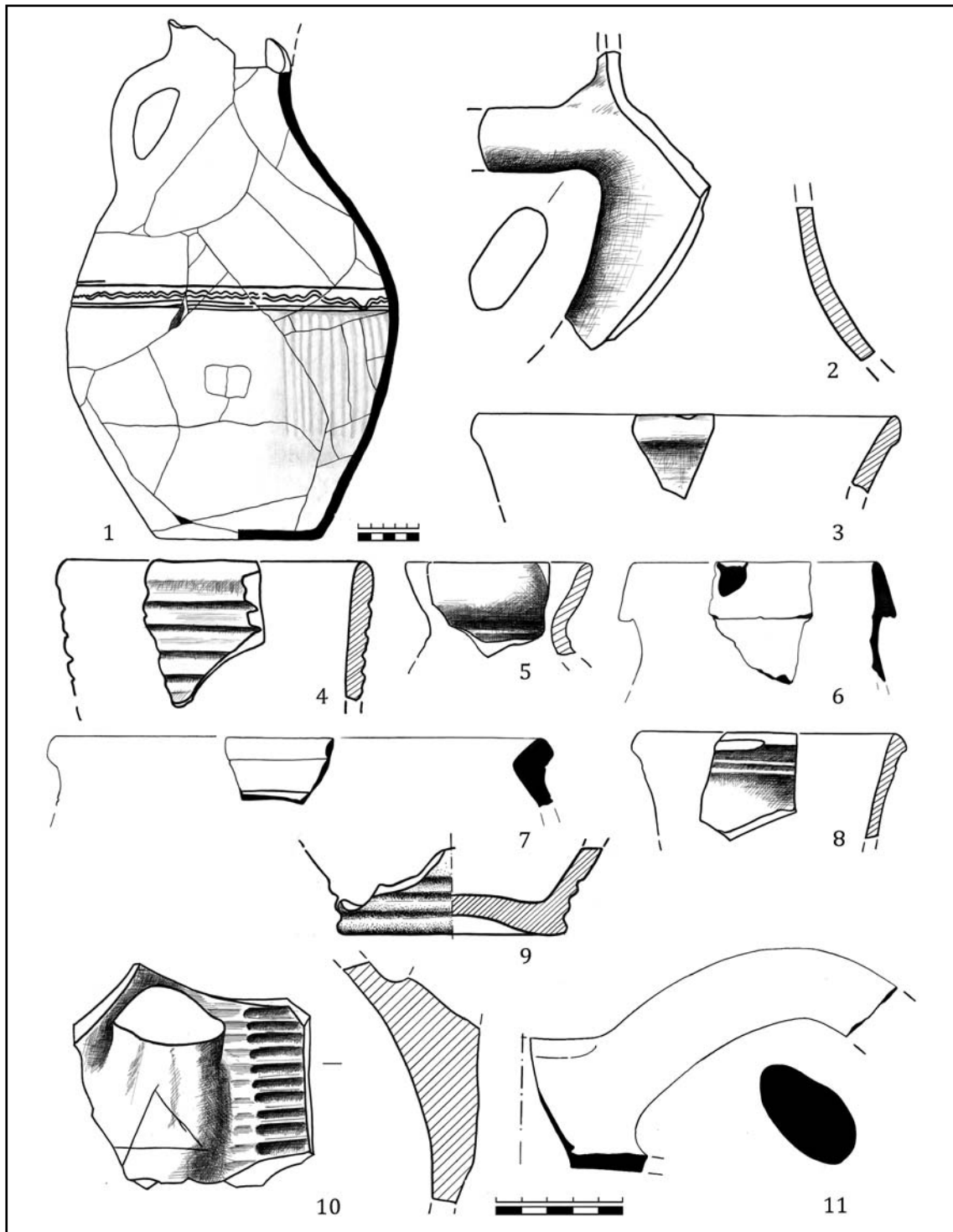

Рис. 16. Поселение Ляпинская Балка. Керамика.

Fig. 16. Liapinskaia Balka settlement. Ceramics.

вого. В черепке читаются примеси мелкозернистого песка и мелко истолченных частичек слюды. На двух фрагментах амфор имеются граффити, процарапанные после обжига (рис. 16: 10).

Остальные типы сосудов представлены единичными фрагментами. Среди них при-

сутствует фрагмент горшка, по тесту и профилировке напоминающего древнерусские сосуды (рис. 16: 7), и венчик красноглиняной узкогорлой кубышки (рис. 16: 5).

Прочих находок немного. Это грузики и фишки, выточенные из стенок керамических сосудов (рис. 17: 12—15), лоцило, вы-

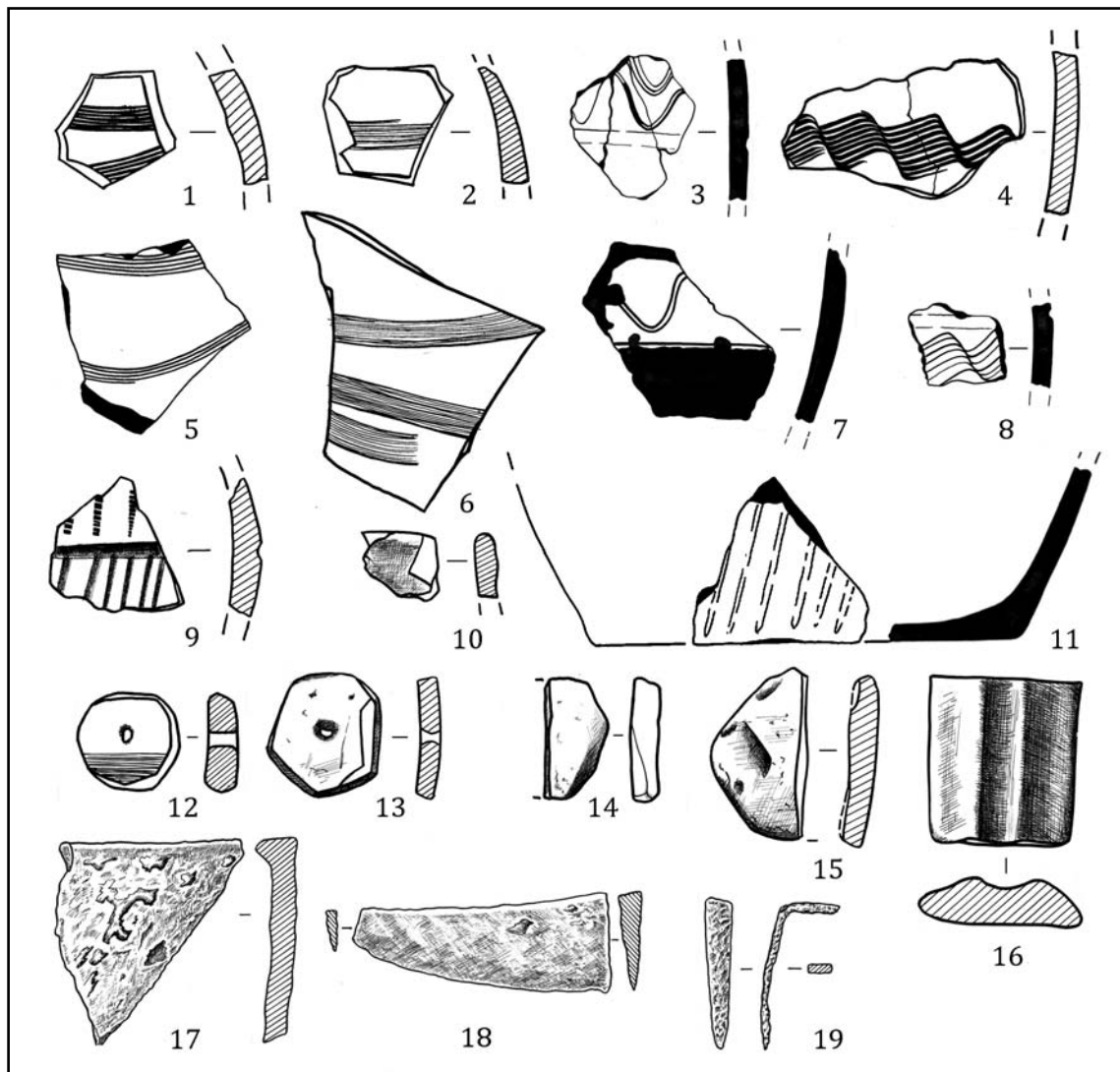

Рис. 17. Поселение Ляпинская Балка. Предметы из слоя. 1—16 — керамика; 17 — чугу́н; 18—19 — железо.

Fig. 17. Liapinskaia Balka settlement. Items from layer. 1—16 — ceramics; 17 — cast iron; 18—19 — iron.

точное из ручки кувшина (рис. 17: 16), два астрагала с процарапанными на них знаками, фрагмент острия сабли (рис. 17: 18), обломок железной скобы (рис. 17: 19) и венчик чугу́нного котла (рис. 17: 17).

Как видим, комплекс поселения Ляпинская Балка выглядит довольно бедно и по виду своему отличается от поселений, расположенных на Северском Донце. Среди его материалов было обнаружено большое количество костей и не встречено ни единого предмета, имеющего отношение к земледелию. Все это, равно как и наличие на памятнике только наземных построек, сближает это поселение с сезонными кочевническими стойбищами. Тем не менее, от последних он отличается рядом черт: более богатым и разнообразным материалом, наличием рва, ограждающего обжи-

тую территорию и присутствием неподалеку грунтового могильника.

О связи некрополя с поселением в Ляпинской Балке свидетельствуют их взаимное расположение, отсутствие рядом других памятников и близкий в хронологическом плане материал. Могильник грунтовой и, как будто, не имел курганных насыпей. Всего на нем было изучено 38 погребений, из которых 14 не имели инвентаря. Значительная часть погребенных (21) ориентирована в восточный сектор. Именно эта группа захоронений содержит большую часть инвентаря могильника. В западный сектор ориентировано 14 захоронений, 11 из которых представляют собой безынвентарные комплексы. Авторы публикации отнесли эти захоронения к категории погребений «с чертами мусульман-

ского обряда» (Евглевский, Кульбака 2003: 377), указывая, впрочем, что отсутствие инвентаря в погребениях с восточной ориентировкой также может быть связано с влиянием ислама (Евглевский, Кульбака 2003: 375). Логически это предположение обосновано, если учесть тот факт, что в Золотой Орде именно ислам был господствующей религией. Однако представленные в статье чертежи погребений свидетельствуют, что «черты мусульманской обрядности», если таковые вообще присутствовали в захоронениях этого некрополя, имеются разве что в безымянных погребениях №15 и 20 и в захоронениях №4 и 37, содержащих инвентарь (Евглевский, Кульбака 2003: рис. 3: 4; 7: 5, 8; 8: 6). Именно в этих захоронениях мы наблюдаем ориентировку головы умершего в западный сектор и поворот черепа и костей ног или стоп вправо. Последнее свидетельствует о попытке развернуть погребенного (или его голову) на правый бок, с целью выполнения одного из важнейших требований мусульманского погребального обряда — обращения лица умершего к кыбле. Прочие же безымянные (и тем более инвентарные) захоронения данного могильника, как представляется, отнести к мусульманским проблематично.

Большинство захоронений некрополя Ляпинская Балка имеют относительно небогатый инвентарь. Он представлен деталями костюма, бытовыми предметами и украшениями (пряжками, пуговицами, кресалами, ножами, грузилами, ножницами, рыболовными крючками, бусами, зеркалами, серьгами) (рис. 9: 4—8). Детали конской сбруи встречены лишь в одном захоронении (№7), которое, впрочем, отличалось от прочих более разнообразным инвентарем. В нем содержались плоская, панцирные пластины, колчан, остатки лука, монеты. Собственно, кроме этого погребения, предметы вооружения (стрелы и наверхия булавы) представлены всего в трех комплексах (№2, 19 и 25). В двух погребениях (№2 и №7) были обнаружены монеты. Три из них представляют собой дирхемы Узбека с надчеканами 70—80-х гг. XIV в., один же — дирхем Абдаллаха, выпущенный в 767 г. х. в Орде. Таким образом, данный могильник можно отнести ко 2-й пол. XIV века. По мнению авторов публикации, он был оставлен недавно осевшими кочевниками, еще не полностью простившимися с кочевыми традициями (Евглевский, Кульбака, 2003: 400).

Наиболее крупные и яркие памятники, оставленные оседлым населением, расположены в **среднем течении Северского**

Донца (рис. 1). Типологический состав находящихся здесь объектов разнообразен: кочевья, малые и крупные селища, грунтовые могильники, курганные погребения. Есть сведения о находках на этой территории и монетных кладов. Один из них был обнаружен у пгт. Райгородок Славянского р-на (рис. 1: 2). Второй нашли у с. Красный Оскол Изюмского р-на Харьковской области, в районе расположенного здесь Цареборисовского городища (рис. 1: 60). Оба клада разошлись по рукам. Опрос показал, что они содержали серебряную золотоордынскую монету, чеканенную в правление ханов Абдаллаха и Мухаммед-Булака. Собственно, о находках на территории Цареборисовского городища и в его окрестностях предметов, относящихся к периоду раннего и развитого средневековья, сообщалось еще Н.В. Сибилевым (Сибилев 1926: табл. VI). Само же городище представляет собой остатки города Царева-Борисова (XVI—XVIII вв.). Известна на нем и керамика золотоордынского времени, в числе которой присутствуют редко встречающиеся на территории региона фрагменты поливной посуды. Вполне возможно, что в золотоордынское время на площадке мыса у места впадения р. Оскол в р. Северский Донец находился небольшой населенный пункт, остатки которого были снесены во время мощных земляных работ, связанных с сооружением крепости.

Ряд находок трудно увязать с определенными археологическими памятниками. Среди них выделяется бронзовый водолей западноевропейской работы, обнаруженный в начале XX века в с. Еремовка Изюмского р-на Харьковской обл. (рис. 1: 39) (Даркевич 1987: 396, рис. 170: 1). Водолей был приобретен у местных жителей в начале 70-х гг. XX в. скупщиками древностей. При опросе они сообщили, что предмет был обнаружен при рытье колодца. В конце 90-х гг. XX в. мной была произведена неудачная попытка выяснить точное место находки. Никаких дополнительных сведений получить не удалось. Не ясно даже, в какой части населенного пункта был найден данный предмет. Собственно, неподалеку от нынешнего села Еремовка известно местонахождение с материалами золотоордынского времени, которое находится в ур. Выла у хут. Пасека (рис. 1: 38), прилегающего к Еремовке с восточной стороны. Находки на нем представлены небольшим количеством керамики, фрагментами чугунных котлов и наконечником копья (рис. 37: 4).

Обнаруженный в Еремовке водолей выполнен в виде конного рыцаря с девушкой,

изображающих героев средневековых рыцарских сказаний — Тристана и Изольду (рис. 2: 3; цветная вклейка, илл. 12). Время его изготовления укладывается в рамки 2-й половины XII — 1-й половины XIII века. Сильная потертость поверхности предмета, наличие на его боку протертого отверстия свидетельствует о том, что он долго находился в использовании. Нам представляется, что в землю водолей попал не ранее конца XIII — начала XIV вв.

В 1924 г. на г. Кремянец, возле г. Изюм Харьковской обл. (рис. 1: 61), местными школьниками была обнаружена плита с арабской надписью (рис. 24: 2), которую они передали в Изюмский музей. Рисунок этой плиты, утраченной во время Великой Отечественной войны, Н. В. Сибилев опубликовал в своих «Древностях Изюмщины» (Сибилев 1926: 10, табл. XV). В дневнике он описывал ее следующим образом: «Плита из светло-серого песчаника хорошо заглажена, края округлые. Размер приблизительно 35—40 × 14—15 см при толщине 4—5 см. На ней вырезана фигура человека, а ниже надпись на арабском языке. Надпись гласит: “Велел сделать это Ала ад-Дин сын Джамал ад-Дина сына Али Тарази в день шавалля из месяцев 734 г.х.”» (Сибилев б.г.: 358, пункт №51). Плита, похоже, имела отношение к захоронению, причем из ее текста следует, что предки погребенного происходили из Тараза. В целом же, на горе Кремянец было обнаружено довольно много находок различных периодов, что не удивляет, если учесть, что рядом с ней находился брод на Изюмском шляхе, известный по письменным источникам более позднего времени (Книга 1950: 72).

Интересны находки возле еще одного брода, на р. Северский Донец близ современного с. Богородичное Донецкой области. Здесь в документах XVII в. упоминается перелаз на Новой Посольской дороге, который, по всей видимости, функционировал и в более раннее время. В его окрестностях встречаются находки различных эпох. Особенно многочисленны они в районе Теплинского городища (рис. 1: 40), расположенного в 1 км к северо-западу от брода. Собственно городище датируется рубежом нашей эры (Кравченко 2004). Тем не менее, в его окрестностях встречен довольно многочисленный материал средневекового времени, в том числе и интересующего нас периода. Так, в 70-х гг. XX в. на восточной окраине памятника при корчевке пней в лесу была обнаружена кольчуга, которая ныне находится в экспозиции Донецкого областного краеведческого музея (рис. 24: 3).

Собственно, отдельные находки предметов вооружения в бассейне Северского Донца и на прилегающей к нему степной территории довольно многочисленны. Среди них боевые секиры (рис. 40,4—5), наконечники копий (рис. 37: 4; 40: 6, 8) и стрел (Каталог 1993: №336, 338, 345, 348, 365, 368, 379). К их числу относится и крупный чугунный котел, ныне находящийся в собрании Славянского краеведческого музея. Предмет был найден при строительных работах на территории с. Щурово Краснолиманского р-на (рис. 1: 68). Связать его с конкретным поселением не представляется возможным, т.к. территория, где он был найден, была полностью изрыта в процессе дачного строительства³.

Интерес представляет и медная чашечка (рис. 41: 1), найденная близ с. Татьяновка Славянского района (рис. 1: 67). Автором публикации данный сосуд был отнесен к раннесредневековому времени (Гриб 2008: 7—9). Тем не менее, форма и особенности декора (изображения на внешней стороне сосуда выполнены на сетчатом фоне) (Даркевич 1976: 115) свидетельствуют в пользу датировки указанного предмета эпохой развитого средневековья.

Монеты указанного периода были обнаружены на территории г. Славянска при очистке русла реки Казенный Торец (рис. 1: 65; 19: 39)⁴.

В целом, на общем фоне, среднее течение Северского Донца выглядит относительно хорошо изученным районом. Реально же он исследован слабо. Несмотря на огромное количество разнообразных памятников интересующего нас периода, более или менее масштабные исследования производились здесь всего на нескольких поселениях (Казачья Пристань, Маяки, Зливки), из которых только Маяки дали массовый археологический материал. Курганные захоронения золотоордынского времени зафиксированы у сел Новониколаевка (рис. 1: 57) и Степной (рис. 1: 58) Славянского р-на. Оба этих погребения были вгущены в насыпи более ранних курганов (Евглевский 1992: 108, 110, рис. 1: 1—8; 2: 9—12).

Временные стойбища обычно располагались на террасах вдоль берегов Северского Донца (Правдевшино, Пришиб, Явир, Дробышево «К») и его притоков, таких,

³ Информация ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая.

⁴ Сообщение ст. науч. сотр. Славянского краеведческого музея А. В. Шамрая.

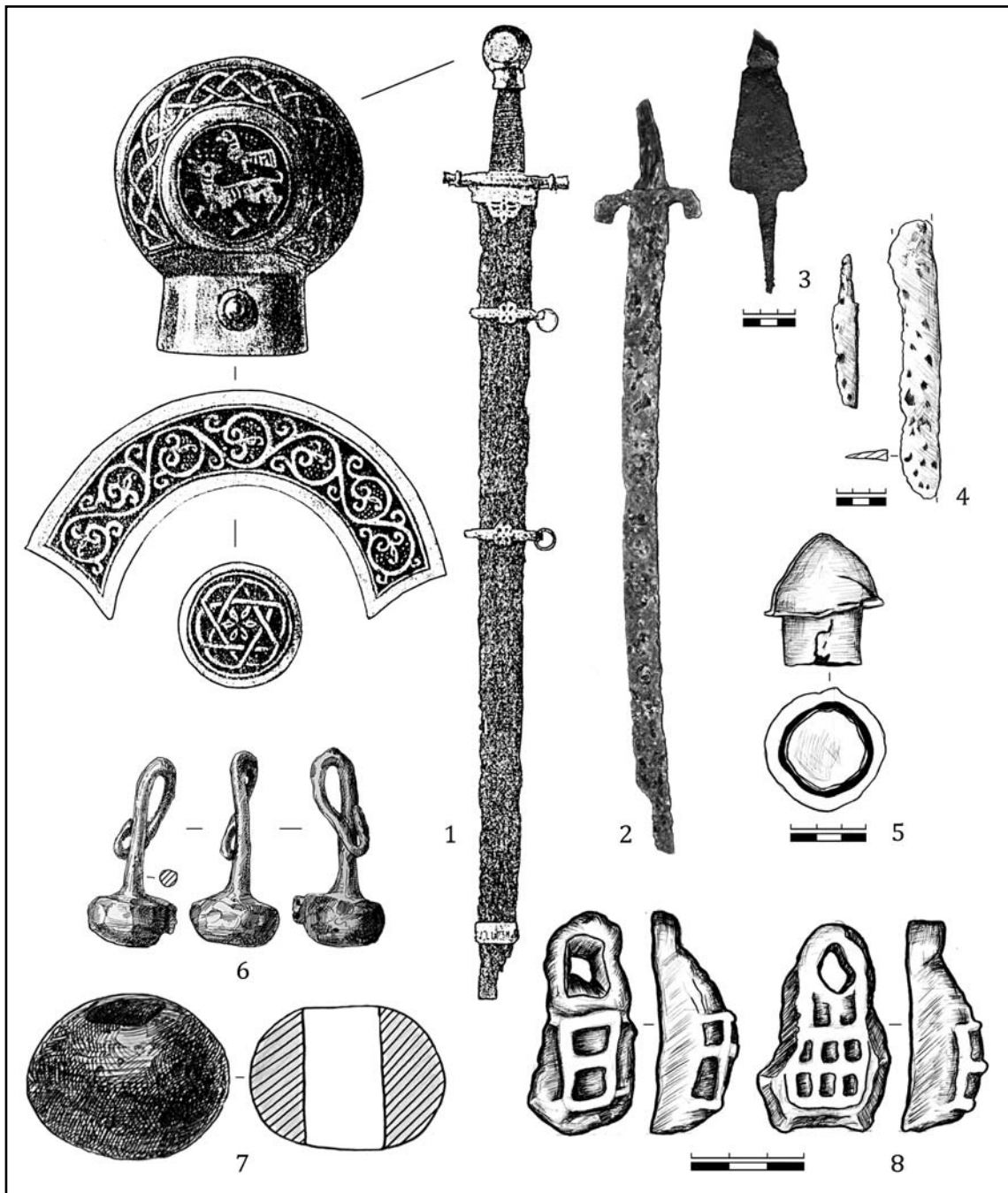
как р. Казенный Торец (Райгородок-МТФ), р. Черный Жеребец (Ямполь), Бессарабиха (Карповка), р. Голая Долина (Краснополье). Отличительной чертой таких памятников является отсутствие культурного слоя. Находки на них представлены немногочисленными фрагментами красноглиняной керамики и, иногда, чугунной посуды. Количество стойбищ трудно поддается определению, в связи с тем, что большинство известных местонахождений не подвергалось раскопкам. В связи с этим не ясно, какие из них являются кочевьями, а какие — стационарными поселениями с разрушенным культурным слоем. Так, не совсем понятно, например, к какой группе (кочевья или стационарные памятники) можно отнести такие местонахождения, как Явир (рис. 1: 52), Ямполь 1 и 2 (рис. 1: 54), Карповка-5 (рис. 1: 55). Так, на поселении Явир производились очень небольшие по объему исследования (была раскопана постройка конца XVII в.). На памятнике четко фиксируются напластования эпохи бронзы, хазарского времени, XVII—XVIII вв. (Кравченко, Мирошниченко, Полидович 2002). Находки золотоордынского времени представлены красноглиняной и «древнерусской» керамикой, фрагментом зеркала (рис. 14: 36), деталями поясных наборов (рис. 14: 5—8), медным пулом Абдаллах-хана (типа рис. 19: 37). На участке, где производились раскопки, культурного слоя золотоордынского времени, обнаружено не было, что, впрочем, не означает, что он отсутствует на остальной площади памятника.

Еще более интересным является вопрос о двух расположенных неподалеку поселений, находящихся к северу от пгт. Ямполь Краснолиманского р-на Донецкой области (рис. 1: 54). Исследования указанных памятников не производились. Тем не менее, с них происходит интересный материал, который частью находится в частных собраниях, частью же был передан в Донецкий областной краеведческий музей. Среди находок три смятых клепанных котла, сделанных из медного листа. Верхний их край имеет железную оковку, прикрепленную к телу котла при помощи заклепок (рис. 15: 3—4). Все три предмета были найдены вместе. Самый крупный котел, сделанный из относительно толстого листа, был смят и практически сложен вдвое. Два меньших котла, изготовленные из очень тонких листов меди, были сложены вчетверо (рис. 15: 3). Состояние сосудов в момент находки, скорее всего, свидетельствует, что они были деформированы еще в древности и представляли собой мед-

ный лом. Вполне возможно, что котлы находились в мастерской медника. Два из них удалось реконструировать графически (рис. 15: 4). Это были невысокие цилиндрические сосуды, которые по своей форме близки котлу, происходящему из курганного погребения у с. Софиевка (Потемкина 2007: рис. 1: 3, 11).

Из прочих находок выделяется бронзовая нагрудная бляха (рис. 21: 1), орнаментированный колокольчик или крышечка (рис. 21: 2), наконечник пояса, украшенный эмалью (рис. 21: 3). Кроме этого, на поселении Ямполь 1 был обнаружен обломок сабли (рис. 18: 2). Как и в случаях с котлами, обстоятельства этой находки выяснить не удалось. Ясно, что она была подобрана с поверхности памятника при помощи металлоискателя. Наличие в обойме перекрестия остатков древесины свидетельствует, что в момент попадания в землю сабля была в ножнах. В статье С.И. Валиуллиной дается перечень пунктов, где были обнаружены сабли такого типа (Валиулина 2004: 167, рис. 12: 1). Кроме Бальнгузского (Торецкого) III селища в Поволжье, основная часть находок происходит из захоронений XIV — нач. XV вв. (Убинский, Ленинохальский, Шеджийский могильники, кабардинские и западно-черкесские курганы, вайнахское погребение из села Верхний Алкун в Чечне). К перечисленным выше пунктам можно добавить находки таких же сабель в курганных погребениях могильника Шалушка в Кабардино-Балкарии (курган 6) (Нарожный 1987: 187, рис. 17: 6) и могильника Иноземцево-1 (кург. 13 и 14) (Березин, Березин, Нарожный 2007: 193—194, рис. 23—24). Сабля такого типа продавалась на аукционе *Hermann historica*, с указанием, что она происходит с территории Восточной Европы и абсолютно нереальной датировкой (НН 2007). Таким образом, основная часть рассматриваемых нами сабель происходит из Северо-Кавказского региона, за пределами которого находки данных предметов довольно немногочисленны.

На поселении Ямполь 2 были подобраны серебряный дирхем Джанибека, подвеска, изготовленная из полностью затертого римского сестерция, железное навершие (рис. 18: 3) и фрагмент зеркала с изображением гона зверей (рис. 14: 25; 9: 2). Зеркало имеет относительно большой диаметр (14 см). Близкие аналоги ему были обнаружены в Отраре (Акишев, Байпаков, Ерзакович 1987: 194—195, рис. 85: 3), на памятниках Татарстана (Руденко 2004: 122, рис. 4: 6—7; 17: 6) и в Чечено-Ингушетии (Виноградов 1987: 267—269,

Рис. 18. Предметы золотоордынского времени с памятников среднего течения Северского Донца. 1 — Райгородок (Христовская круча); 2, 3 — Ямполь; 4—8 — Царино.

Fig. 18. Items of Golden Horde time from sites in the middle stream of the Seversky Donets. 1 — Raigorodok (Khristivskaia Krucha); 2, 3 — Yampol; 4—8 — Tzarino.

рис. 2). Половина такого зеркала была найдена Е. П. Трифильевым в 1901 г. в курганном погребении № 2 курганной группы 1 у Нижней Дуванки на р. Красной (Трифилев 1905: 132—133, рис. 9).

Лишь несколько памятников, на которых производились археологические раскопки со вскрытием крупных площадей, можно однозначно классифицировать как кочевья.

К числу их относится сезонное стойбище, исследованное в урочище «Казачья Пристань» (рис. 1: 49). Памятник располагался на заливных лугах у места слияния двух крупных рек — Казенного Торца и Северского Донца. Здесь, неподалеку от древнего брода через р. Северский Донец, находится невысокая площадка, представляющая собой единственный участок на этой территории, который за-

Рис. 19. Монеты с Царина городища. 1—28 — медь; 29—40 — серебро.

Fig. 19. Coins from Tzarino fort. 1—28 — copper; 29—40 — silver.

тапливается только во время самых сильных разливов. Площадка у брода, расположенная посреди обширных заливных лугов, использовалась кочевым населением в течение длительного времени для весеннего выпаса скота и, видимо, являлась идеальным местом для такого вида поселений. На ней присутствуют культурные остатки эпохи бронзы,

скифо-сарматского, хазарского, золотоордынского времени, которые перекрываются напластованиями городка, построенного здесь в 1684 г., с целью установить контроль над бродом, расположенным в 500 м к востоку от площадки. Культурные остатки золотоордынского времени представляли залегающие в одной плоскости на поверхности па-

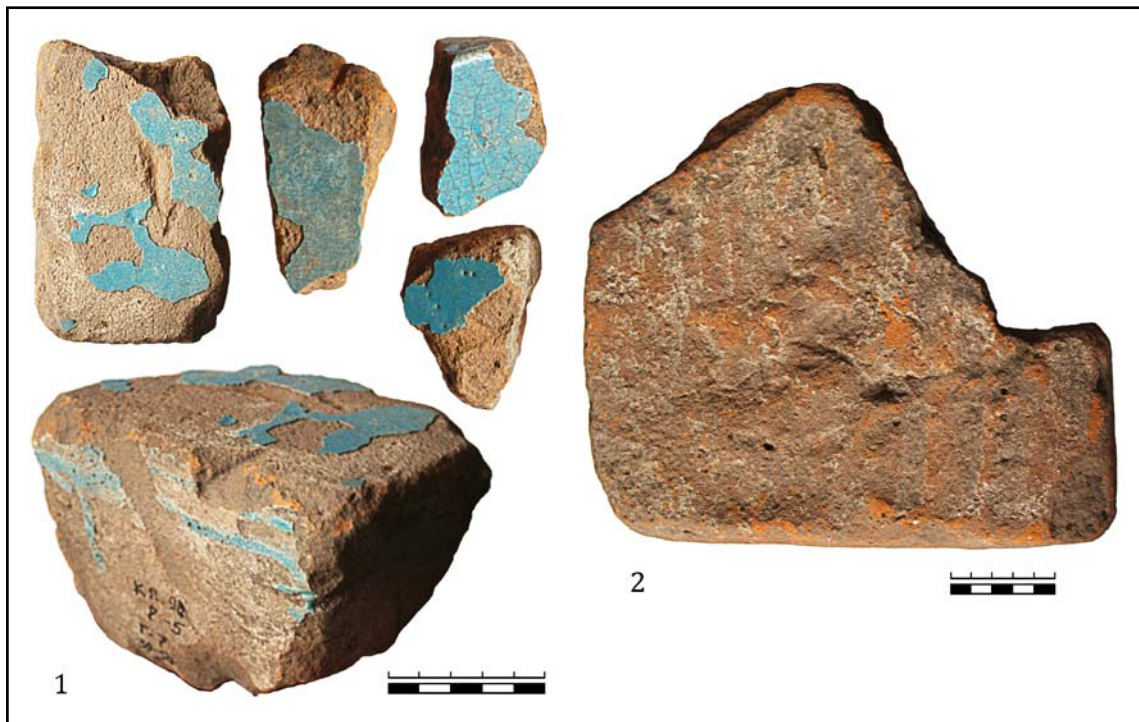

Рис. 20. Поселение Казачья Пристань. Изразцы (1) и кирпич (2), происходящие с Райгородского городка.

Fig. 20. Kazachya Pristan settlement. Tiles (1) and bricks (2) from Raigorodok town.

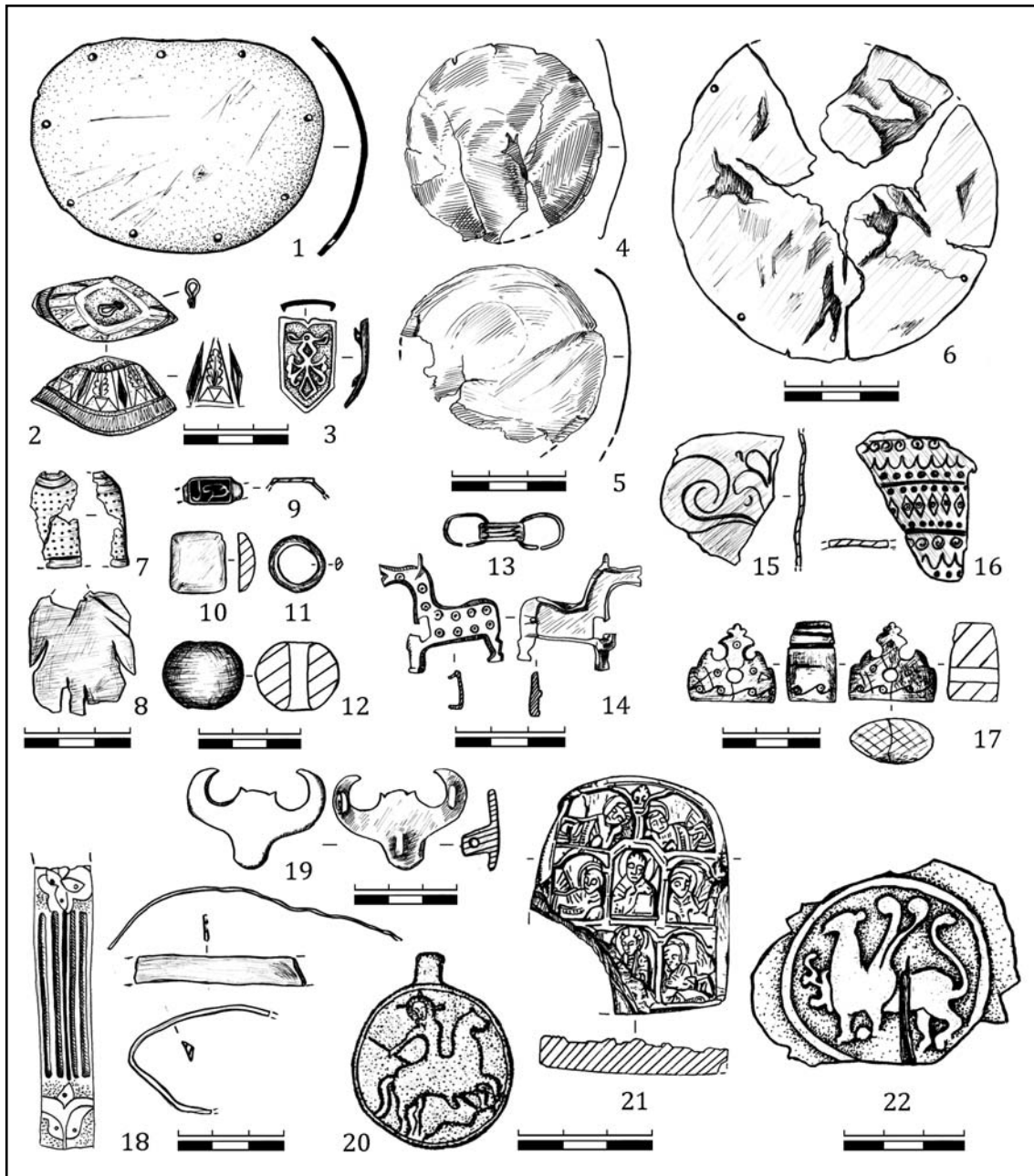
мятника кости животных и обломки сосудов. Основная часть обнаруженной здесь керамики представлена фрагментами красноглиняных кувшинов. Кроме них, встречены два мелких фрагмента сосудов, покрытых прозрачной зеленой поливой поверх белого ангоба, 4 черешковых наконечника стрел, залегающих в слое на одном уровне с керамикой и костями. Каких-либо сооружений или слоя золотоордынского времени при раскопках данного памятника обнаружено не было. Все монеты (6 экз.) были обнаружены в подьемном материале. Они представлены анонимными анепиграфными пулами, выпущенными в 60—80-е гг. XIV века (типа рис. 19: 30, 32).

Такого же типа стойбище располагалось и на площадке Сидоровского городища (рис. 1: 59) салтово-маяцкой культуры, с вершины которой открывался прекрасный вид на обширные заливные луга. На площадке памятника хазарского времени было встречено небольшое количество фрагментов золотоордынской керамики, в том числе ручка керамического котла (Кравченко, Давыденко 2001: рис. 44: 4), близкого котлам (XIX группа керамики по Т. А. Хлебниковой), известным на территории Волжской Болгарии (Хлебникова 1988: 38—47; рис. 23; 24). Два фрагмента принадлежали кумганам, по-

крытым прозрачной зеленой поливой поверх белого ангоба. На площадке городища была вскрыта значительная площадь (более 2000 кв. м.), тем не менее, каких-либо закрытых комплексов XIII—XIV вв. здесь выявлено не было. В 1,5—2 км к северо-востоку от городища располагается поселение с материалами золотоордынского времени. На нем, кроме керамики, были найдены 2 монеты (дирхем и пул) Абдаллах-хана⁵.

Среди памятников, оставленных оседлым населением в среднем течении Северского Донца, особый интерес представляет группа поселений с «древнерусской» керамикой, которые вытянуты цепью вдоль реки (рис. 1). Как правило, эти памятники занимают береговые террасы. На поселениях, расположенных в степной части, фрагменты «древнерусских» горшков единичны. Фактически за пределами полосы, прилегающей к руслу р. Северский Донец, пока выявлено только одно местонахождение с культурным слоем, в котором содержится «древнерусская» керамика. Это поселение Карповка 5 (рис. 1: 55), расположенное на высокой надпойменной террасе левого берега р. Бессарабиха, которая является левым

⁵ Информация В. В. Давыденко. Монеты в частном собрании.

Рис. 21. Предметы с памятников золотоордынского времени. 1—3 — Ямполь; 4—19, 21, 22 — Царино; 20 — Гранитное (по Привалова, Привалов 1988). 1, 2, 4, 5, 7—9, 11, 13, 14, 18—20, 22 — медь; 3 — бронза, эмаль; 6 — свинец; 10 — горный хрусталь; 12 — янтарь; 15, 16 — бронза, золочение; 17 — рог; 21 — камень.

Fig. 21. Items from sites of Golden Horde time. 1—3 — Yampol; 4—19, 21, 22 — Tzarino; 20 — Granitnoe (after Привалова, Привалов 1988). 1, 2, 4, 5, 7—9, 11, 13, 14, 18—20, 22 — copper; 3 — bronze, enamel; 6 — lead; 10 — quartz crystal; 12 — amber; 15, 16 — bronze, gold plating; 17 — horn; 21 — stone.

притоком р. Казенный Торец. Собственно, и от Северского Донца данный памятник находится всего в 4—5 км. Раскопки поселений этого типа дали многочисленный материал, который, тем не менее, не позволяет ответить на многие вопросы. Одним из основных является вопрос о времени существования этих памятников. Наиболее вероятно, данные поселения функционировали с домонгольского

времени. По крайней мере, несомнен факт их сосуществования с типичными золотоордынскими памятниками с красноглиняной керамикой. В пользу этого свидетельствует присутствие в их материалах фрагментов золотоордынской красноглиняной посуды, тары, чугуна, монет.

Материальная культура указанных поселений несет на себе отчетливое влияние тради-

ций Древней Руси. Особенно это чувствуется в керамическом комплексе, основная часть которого представлена горшками (рис. 25; 26: 1). Форма и размеры горшков сильно варьируют. Преобладают сосуды приземистых очертаний и, тем не менее, встречаются высокие горшки с корпусом яйцевидной формы. Ряд горшков несет на себе влияние степных традиций, в частности, керамики салтово-маяцкой культуры. Наблюдаются отличия и в керамическом тесте сосудов, и в технике их изготовления. Так, наряду с вытягиванием сосуда с целого куска глины применялся спиральный налеп, а также изготовление отдельных частей сосуда с последующим их соединением. В тесте горшков часто присутствует дресва, тем не менее, довольно часто встречается сильная примесь мелкозернистого песка. Наряду с очень грубо исполненными, почти лепными, сосудами встречается высококачественная гончарная посуда с тонкими стенками и хорошим обжигом. Цвет теста горшков варьирует от серого или розового до практически белого.

Кувшины встречаются намного реже. Фрагментов их сохранилось немного, и реконструировать по ним хотя бы один сосуд невозможно. Среди керамики рассматриваемых нами поселений встречаются и фрагменты краснощенных гончарных кувшинов, близких находкам на других поселениях золотоордынского времени. Лепных сосудов немного. Это в основном светильники, солонки (рис. 35: 7).

Проживание населения вблизи крупных рек способствовало занятию его рыболовецким промыслом. В культурном слое поселений, заполнении хозяйственных ям и котлованов построек зафиксировано очень большое количество рыбьей чешуи и костей. По всей видимости, рыбная ловля играла очень большую роль в жизни обитателей этих населенных пунктов. В связи с этим довольно частой находкой на поселениях с «древнерусской» керамикой являются лепные яйцевидные грузы для сетей (рис. 35: 2) и рыболовные крючки (рис. 35: 3). В одном случае (пом. 2, раскопа 28 1991 г.) несколько крючков и точильный камушек были уложены под обмазку очага (Кравченко 2000: 80). На территории поселения с «древнерусской» керамикой (пом. 1 раскопа 28 1991 г.) была обнаружена блесна (рис. 35: 10), отлитая из сплава серого цвета, напоминающего по фактуре белую бронзу, которая использовалась для отливки зеркал. В 2005 г. в расположенном неподалеку раскопе 29 была обнаружена меловая формочка для отливки таких блесен.

Интерес представляет тот факт, что на рассматриваемых поселениях практически полностью отсутствует поливная золотоордынская посуда. Даже на поселении, которое прилегает к Царину городищу и, по сути, является его частью, находки поливной керамики представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов, покрытых поверх ангоба прозрачной зеленой поливой. Чаще встречается здесь поливная керамика иного происхождения. Это украшенные прочерченным орнаментом кувшинообразные сосуды, сделанные из теста светло-серого или бледно-розового цвета с большой примесью в тесте мелкозернистого песка (рис. 32: 16—19). О двух из них ясно, что они имели узкое горло. Обработка внутренней поверхности указанных сосудов не качественная. Наружная поверхность также имеет неровности. На покрытых поливой участках встречаются крупные частицы, выступающие из слоя глазури. По поверхности сосудов, покрытых поливой желтого цвета, разбрызганы без всякой системы темно-коричневые пятна. На зеленой поливе присутствует иризация. Полива нанесена без применения ангоба, прямо по черепку сосуда. Орнаментация представлена грубо прочерченными линиями, образующими в верхней части сосуда полосы, которые заполнялись наколами (рис. 32: 17—18). В одном случае у основания горлышка налеплен валик круглой в поперечном сечении формы (рис. 32: 18), напоминающий декор на стеклянных сосудах. Внутренняя часть горлышка, почти до плечиков, также покрывалась глазурью. В целом, по своим характерным особенностям эта керамика напоминает поливную посуду, производимую на южнорусских землях (Макарова 1972: 10). Впрочем, и там, как и на рассматриваемых нами памятниках, эта посуда относится к категории редких находок.

В целом, несмотря на влияние древнерусской керамической традиции, посуда рассматриваемых нами поселений имеет и существенные отличия от керамики Древней Руси. Так, среди сосудов довольно часто встречаются горшки, по пропорциям, орнаментации и тесту напоминающие салтовские. Значительная часть сосудов имеет укороченные шарообразные пропорции. Наряду с вытягиванием сосуда из целого куска глины, встречаются и другие способы формовки: спиральный налеп с дальнейшей подправкой на круге, изготовление отдельно верхней и нижней частей сосуда с последующим их соединением. Все это, вероятно, свидетельствует на присутствие в керамиче-

ческой традиции жителей рассматриваемых нами поселений, наряду с древнерусским, иных влияний.

В пользу того, что население этих памятников в этническом плане было довольно пестрым, говорит и облик раскопанных на них помещений. Постройки представлены полуземлянками, с печью у одной из стен или открытым очагом в центре. В одном случае отопительным сооружением являлся тандыр, который находился в постройке вместе с печью (Кравченко 2000: 84). Столбовых ям не обнаружено, что может являться показателем в пользу срубной или фахверковой конструкции стен. Зафиксировано использование при отделке помещений известковой обмазки или штукатурки.

В религиозном плане это население (или значительная его часть) было православно-христианским. Об этом свидетельствуют некоторые материалы, встреченные на этих памятниках. Так, на городище у с. Маяки был обнаружен медный золоченый медальон, на котором в технике перегородчатой эмали было выполнено изображение св. Николая (рис. 24: 1; цветная вклейка, илл. 15). По своему характеру данный предмет был близок перегородчатой эмали южнорусской группы, отличающейся от последних небрежностью исполнения. Этот фактор, характерный декор, представленный S-видными завитками, обрамляющими изображение святого, сходство с эмалями золотоордынского времени (медальон с изображением св. Георгия из Новгорода и др.) (Макарова 1985), также свидетельствовал о более позднем — золотоордынском времени изготовления указанного предмета (Кравченко, Швецов 1995: 70—79). Собственно, новгородский медальон также был найден в слое, датирующемся 20-ми гг. XIV века (Седова 1981: 166—167, рис. 68; 80: 2). Для нас важным представляется тот факт, что данный медальон, вне сомнений, являлся деталью одежды священника высокого сана. То есть, на городище присутствовали представители высшего православного духовенства, что свидетельствует как о статусе указанного населенного пункта, так и о наличии на нем большой православно-христианской общины. Еще одна находка на этом памятнике представлена каменной иконкой с изображением св. Николая и Семи спящих отроков Эфесских (рис. 21: 21). По технике исполнения и стилистическим особенностям она находит параллели среди резных иконок XIII—XIV вв. новгородского производства (Шамрай 1985: 67—70). Нательный крест, близкий древне-

русским каменным крестикам, был обнаружен М. Г. Ключевым при раскопках поселения Нижнетеплое на Луганщине (Ключев 1998: 124—125). Говоря о вероисповедании жителей поселений с «древнерусской» керамикой, следует обратить внимание еще на одну деталь. Днища многих сосудов, происходящих с этих памятников, несут на себе клейма. Основная часть их находит параллели как в керамическом комплексе русских земель, так и в степной керамике более раннего времени. Тем не менее, среди клейм, происходящих с поселения Маяки, выделяется одна характерная группа. По своему виду эти клейма напоминают монограммы, выполненные буквами греческого алфавита (рис. 26: 2).

Возле одного из таких поселений (Зливки) был обнаружен относящийся к памятнику христианский могильник. Данный объект был отнесен М. Л. Швецовым к домонгольскому времени (XII—XIII вв.). При этом, указывалось о находках предметов более позднего периода, как на некрополе (поливная кашинная вставка), так и на прилегающем к кладбищу поселении (фрагменты чугунных котлов) (Швецов 1991: 111, 117—121), что свидетельствует о существовании данного населенного пункта и в золотоордынское время. По всей видимости, близкого типа могильник прилегает и к «древнерусскому» селищу у Царина городища. В 80-х годах XX в. через восточную окраину этого поселения (к северу от раскопов 28, 30 и к востоку от раскопа 29) была проложена траншея водовода, которая прорезала группу захоронений, произведенных в деревянных гробовищах. Неподалеку от этого места, в восточной части раскопа 28, в 1991 г. было обнаружено детское погребение, которое могло относиться к этому же некрополю. Раскопки указанного объекта не производились, и каких-либо дополнительных сведений о нем нет.

Среди прочих памятников в среднем течении Северского Донца выделяется два крупных центра, которые резко отличались от окрестных поселений, как размерами, так и материалом. Это группа объектов у пгт. Райгородок и археологический комплекс у с. Маяки. Последний более известен в литературе как Царино городище (рис. 1).

О памятниках у Райгородка (рис. 1: 2) имеется немного сведений. Археологические исследования объектов, обнаруженных здесь в начале XX в., не производились. В дальнейшем же окрестности этого населенного пункта стали зоной активной хозяйственной деятельности, в результате которой боль-

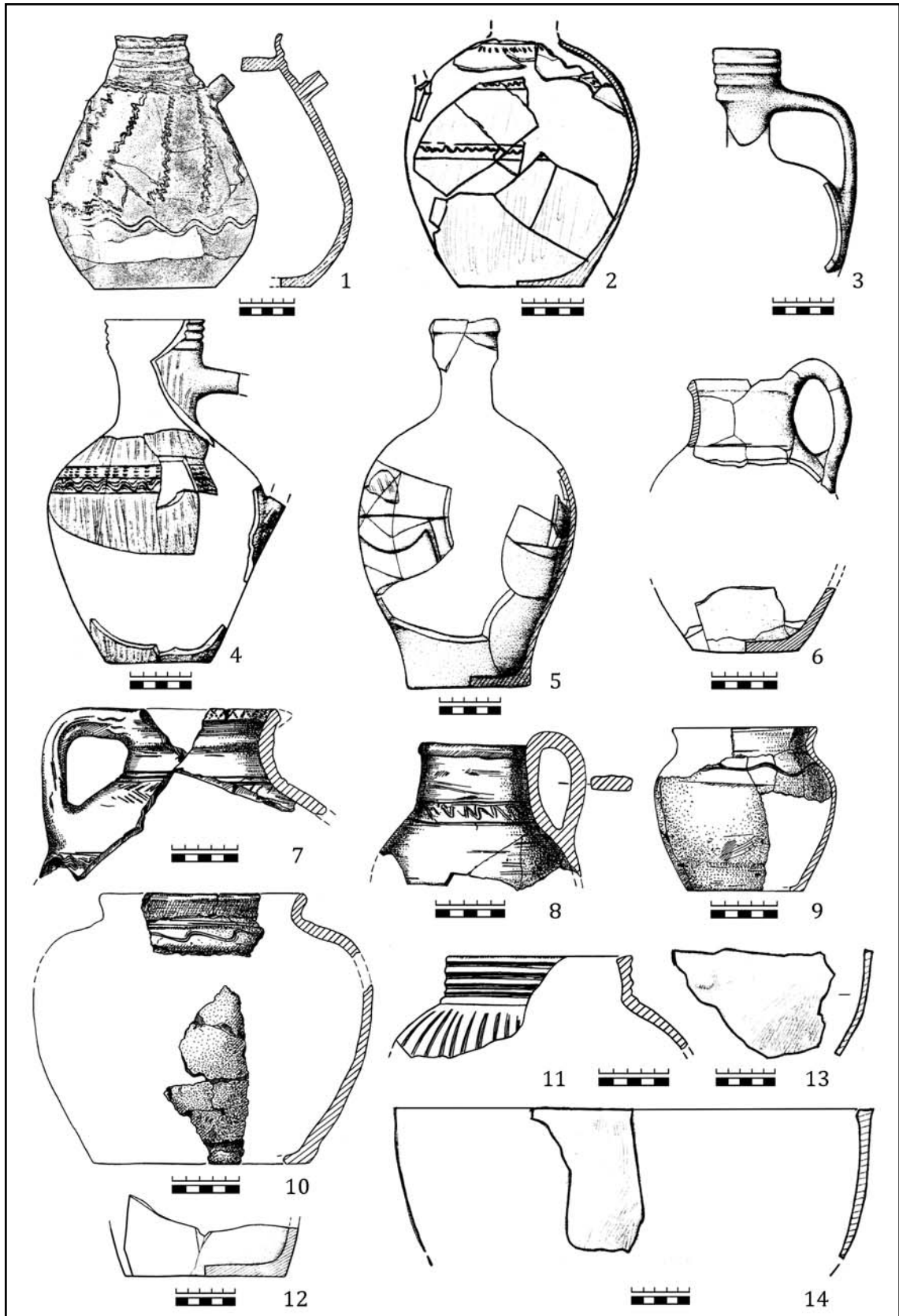
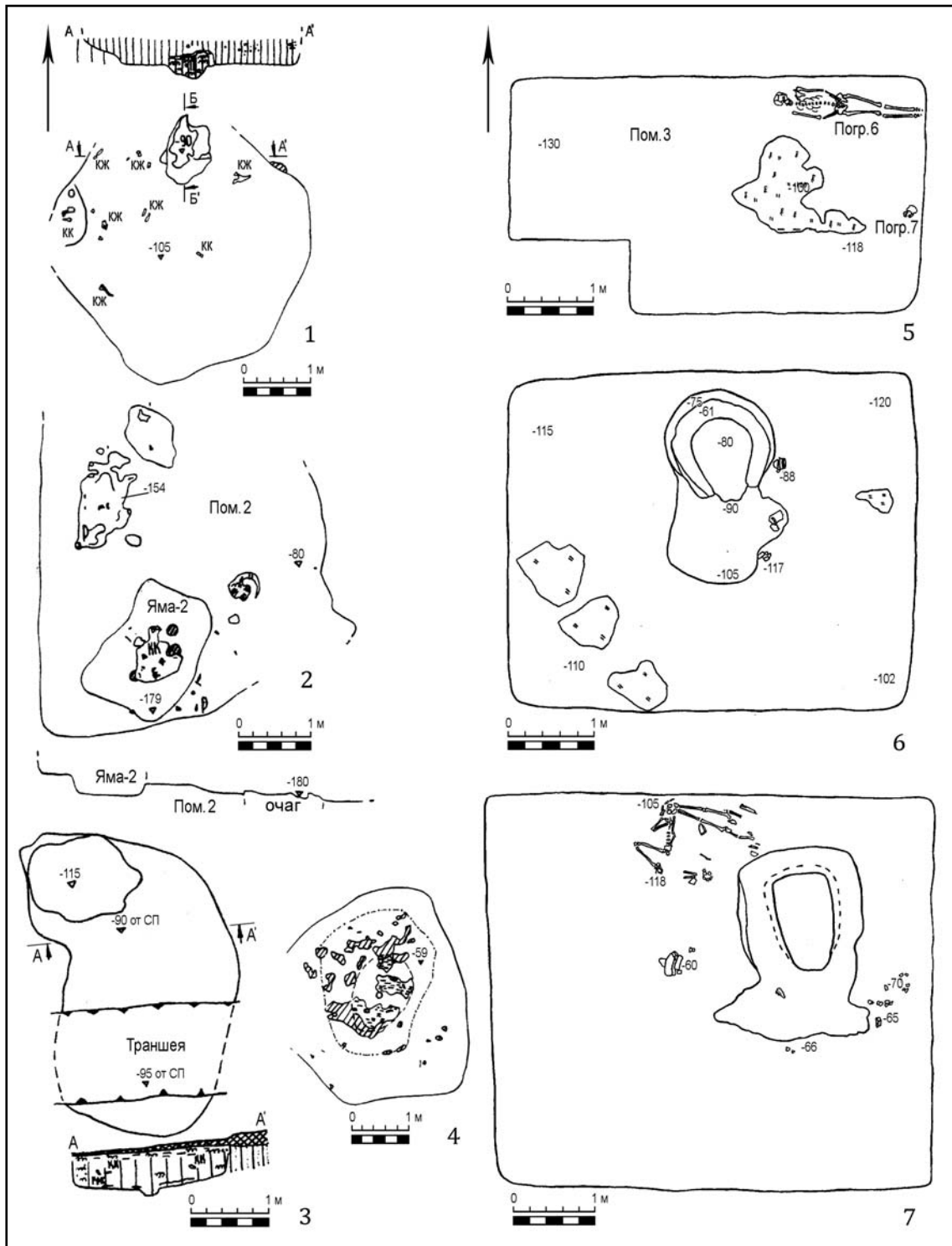

Рис. 22. Царино городище. Посуда. 1—12 — керамика; 13—14 — чугуны (1—6, 11—14 — по Швецов, Кравченко 1989; 7—10 — по Кравченко 2000: рис. 5).

Fig. 22. Tzarino fort. Vessels. 1—12 — ceramics; 13, 14 — casting iron (1—6, 11—14 — after Швецов, Кравченко 1989; 7—10 — after Кравченко 2000: рис. 5).

Рис. 23. Царино городище. Постройки поселения с «древнерусской» керамикой. 1 — пом. 3 (1991 г.); 2 — пом. 2 (1991 г.); 3 — пом. 5 (1991 г.); 4 — пом. 1 (1991 г.); 5 — пом. 3 (2005 г.); 6 — пом. 1 (2005 г.); 7 — пом. 2 (2005 г.).

Fig. 23. Tzarino fort. Buildings on the settlement with 'Early Russian' ceramics. 1 — structure 3 (1991); 2 — structure 2 (1991); 3 — structure 5 (1991); 4 — structure 1 (1991); 5 — structure 3 (2005); 6 — structure 1 (2005); 7 — structure 2 (2005).

шая часть расположенных здесь поселений была полностью или частично уничтожена. В результате этих работ местность вокруг Райгородка изменилась до неузнаваемости, а попытки локализовать старые топонимы,

к которым привязывали археологические объекты авторы начала XX в. (Хривинская круча, ветряная мельница Савченко и т.д.), путем опроса местного населения не увенчалась успехом. Меловым карьером, распо-

Рис. 24. Предметы с памятников среднего течения Северского Донца. 1 — Царино городище; 2 — гора Кремянец; 3 — Теплинское городище (1 — по Кравченко, Швецов 1995: рис. 1; 2 — по Сибилев 1926: 1, табл. XL: 3) (цветная вклейка, илл. 15).

Fig. 24. Items from sites in the middle stream of the Seversky Donets. 1 — Tzarino fort; 2 — Mount Kremyanets (after Сибилев 1926); 3 — Teplinskoje fort. (1 — after Кравченко, Швецов 1995: рис. 1; 2 — after Сибилев 1926: 1, табл. XL: 3) (color plate, ill. 15).

женным выше озера Маяцкое, был полностью уничтожен высокий мыс коренного правого берега Северского Донца, площадка которого возвышалась над уровнем поймы на высоту 80—100 м. Он занимал господствующее положение над обширными пойменными лугами, находящимися у места слияния Казенного Торца и Северского Донца. В данной местности это была единственная площадка, с то-

пографией, характерной для средневековых городищ этого региона. В процессе работ здесь был разрушен инвентарный могильник салтово-маяцкой культуры и курганные захоронения эпохи бронзы. Последние, скорее всего, происходили из курганов, на которых в нач. XX в. вел исследования В. А. Городцов (Городцов 1905б: 260—263). Местные жители сообщали о многочисленных находках при

разработке Райгородского карьера. Среди обнаруженных здесь предметов упоминаются монеты, фрагменты керамической посуды, железные вещи и какие-то «круглые бляхи с рисунками» (зеркала?). Данные предметы были переданы находчиками в коллекцию директора Райгородского мелового карьера. После его смерти коллекция была распродана и нынешнее местонахождение происходящих из нее вещей неизвестно. Вполне вероятно, что поселение, расположенное на площадке мыса наряду со слоем салтово-маяцкой культуры, могло содержать и напластования золотоордынского времени. В свое время автор данной работы придерживался точки зрения, что именно на этой площадке располагалось Райгородское городище (Кравченко 2004: 247—248). Реально же памятник находился в урочище «Городок», в долине р. Казенный Торец, на южной окраине поселка.

В долине, в окрестностях нынешнего населенного пункта, также велись мощные земляные работы, полностью изменившие характер местности. В 50—70-е гг. XX в. здесь строились: плотина на р. Северский Донец, ветка канала Северский Донец — Донбасс, группа отстойников Славянской ТЭС. При этом было спрямлено русло реки Казенный Торец, по обе стороны которого соорудили крупные водохранилища. Существуют неясности и в описаниях исследователей, сообщавших о расположенных на этой территории памятниках. Так, в статье Д. И. Багалея даются лишь суммарные сведения, не позволяющие точно локализовать место обнаружения поселения с кирпичными сооружениями (Багалея 1905: 56—57). В статье священника Райгородской церкви — отца Спесивцева упоминаются как «жилища кочевников, расположенные к западу от Райгородка, так называемое Городище», так и «татарское селище вблизи Райгородка» (Спесивцев 1905: 153—156). Именно на нем упоминаются находки «кирпичей из построек». Тем не менее, на карте, которая прилагалась к статье значок, обозначающий «жилища татар и следы их каменных построек» стоит именно на «Городище», которое данный исследователь помещает к западу от Райгородка.

Более определенно звучит сообщение В. А. Городцова, который локализует татарские кирпичные постройки в местности, именуемой «Городок», в 2-х верстах к югу от Райгородка. Он указывает, что «следов укреплений здесь никаких нет. Во время обработки земли всюду выплываются древние кирпичи, какие-то кирпичные фундаменты (?) небольших зданий, изразцы и множе-

ство серебряных и медных монет татарских ханов... В южном конце поля «Городка» существует холм довольно значительных размеров. Лет пять тому назад Райгородские крестьяне-кладоискатели раскопали двумя параллельными траншеями средину холма, и нашли в нем сплошную массу цельного и битого кирпича, плитчатый пол какого-то здания, несколько десятков прекрасных изразцов голубого, синего и белого цвета, и, наконец, каменное крыльцо или паперть, ведущую в здание с южной стороны. Холм, заключающий остатки здания, окружается земляным валом, от которого сохранились ясные следы...» (Городцов 1905в: 263).

Таким образом, о размерах и характере этого населенного пункта, равно как и о его местонахождении, ныне можно лишь догадываться. Не ясно даже, являются ли «Городище» и «Городок» одним памятником, или это два разных объекта. Пока же разведки, ставившие целью выявить какие-либо остатки этого населенного пункта, не дали результатов.

Материалы, связанные с «Городком», расположенным в долине Казенного Торца, были обнаружены во время раскопок городка Казачья Пристань, который находился в пойме, в 3-х км к востоку от Райгородка. Население этого городка использовало расположенные неподалеку от него руины золотоордынского памятника в качестве каменоломни. В конструкции сооружений Казачьей Пристани встречались обломки стенок горнов (скорее всего, металлургических), имеющие сквозной прокол на глубину до 30—40 см, и довольно много обожженного кирпича (рис. 20: 2), целые экземпляры которого имели размеры 22/24 × 22/24 × 4,5/5 см (Кравченко, Цимиданов, Кузин 1998). Близкие размеры имеют кирпичи сооружений золотоордынского времени на территории Золотой Орды (Егоров, Федоров-Давыдов 1976: 81; Егоров, Полубояринова 1974: 46; Мухаммадиев 1974: 81). Часть обломков «поливных кирпичей» оказалась фрагментами изразцов, внешняя поверхность которых имела покрытие непрозрачной бирюзовой глазурью (рис. 20: 1). Близкие изразцы происходят с мавзолея у пос. Красный Воронежской области России (Цыбин 2007: 114), а также из Маджара, где, по мнению И. В. Волкова, они и производились (Волков 2007: 35—36, рис. 3: 6).

Особый интерес вызывает сообщение о находке в районе Райгородка меча с арабской надписью. Судя по описанию В. Спесивцева, предмет был вымыт весной 1898 г.

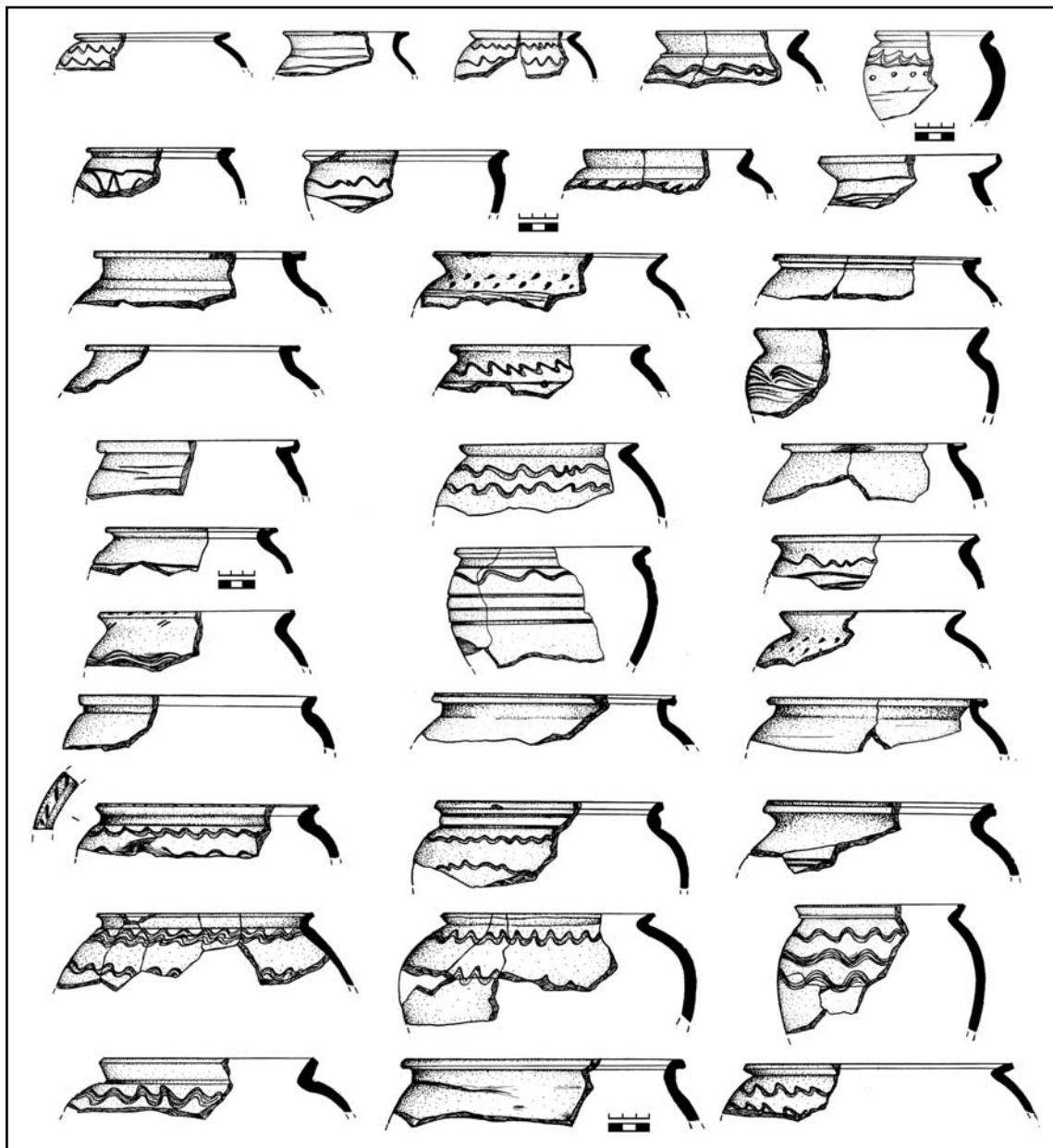

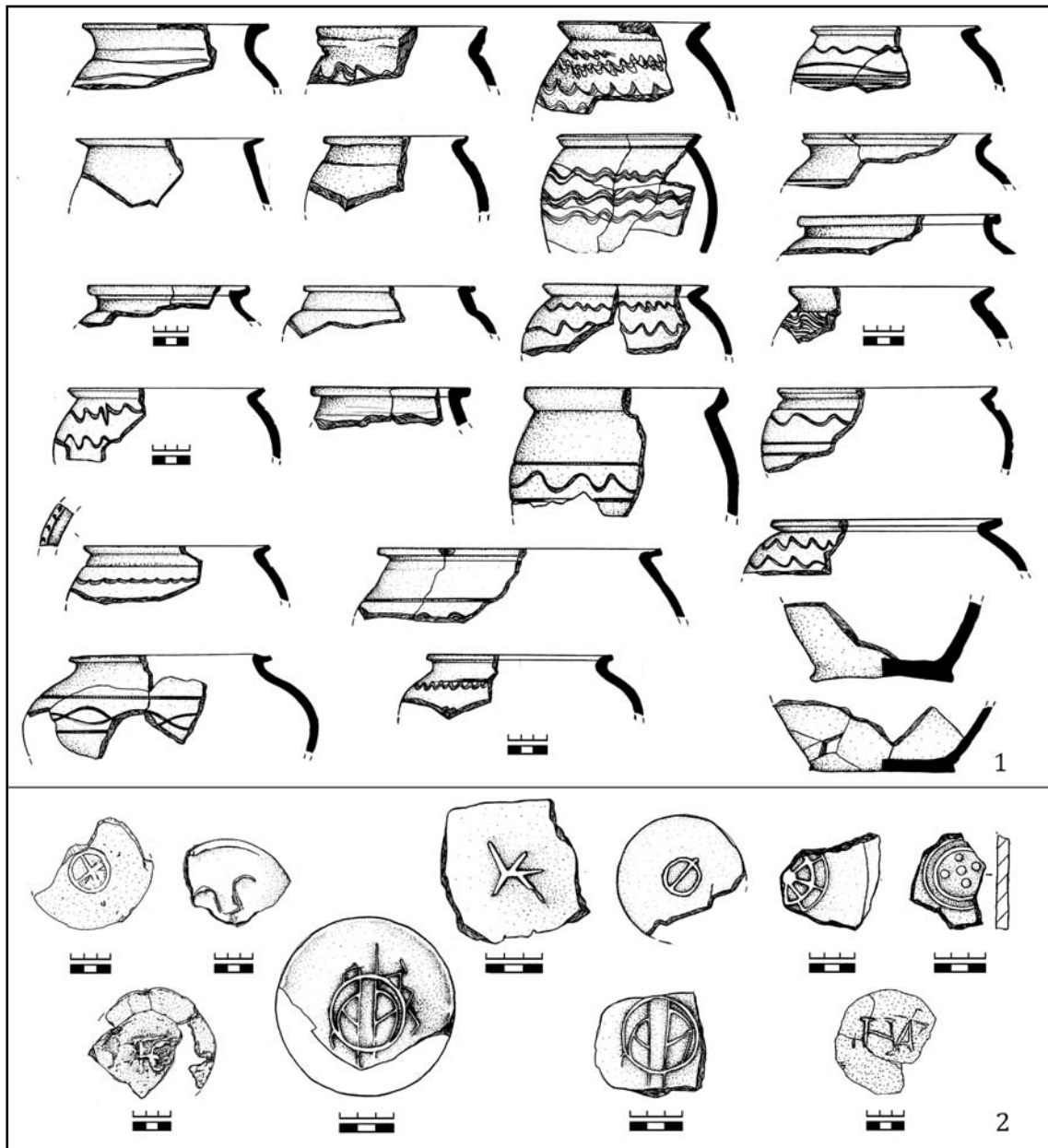
Рис. 25. Поселение с «древнерусской» керамикой на Царином городище. Керамика из построек XIV в.

Fig. 25. Settlement with "Early Russian" ceramics on Tzarino fort. Ceramics from buildings of 14th c.

в урочище Христовская (или Христова) круча (ОАК 1898: 84—87). Судя по наличию на предмете скоб, меч в момент попадания в землю находился в ножнах. Он имел серебряный эфес и обвитую серебряными нитями рукоять. Навершие было украшено черненым изображением соколиной охоты (рис. 18: 1). На скобах от ножен имеется надпись с именем эмира Гийас ад-Дина. По своей форме меч напоминает европейские образцы (VI тип), который А. Н. Кирпичников относит к XIII—XIV вв. (Кирпичников 1966: 55—56, табл. XXX: 3). Не противоречит этой датировке и характер декоративного оформ-

ления. Так, изображение соколиной охоты на зайца выполнено на сетчатом фоне, что, согласно В. П. Даркевичу, характерно для восточного металла XII—XIII вв., а особенно XIV в. (Даркевич 1976: 115). Близкие варианты плетенки изображенной на навершии, представлены на золотоордынских зеркалах XIV века.

Еще один предмет вооружения был обнаружен в окрестностях Райгородка в 1954 г. директором Донецкого музея В. М. Евсеевым. Он представляет собой характерный боевой топор и относится к интересующему нас периоду (Каталог 1993: 56, рис. 69: 3). К сожа-

Рис. 26. Поселение с «древнерусской» керамикой на Царином городище. 1 — керамика; 2 — клейма на днищах сосудов.

Fig. 26. Settlement with 'Early Russian' ceramics on Tzarino fort. 1 — ceramics; 2 — stamps on bottoms of vessels.

лению, точное место данной находки не известно.

Таким образом, материалы, происходящие из окрестностей Райгородка, свидетельствуют, что этот памятник представлял собой остатки крупного центра, имеющего среди прочих большую общественную постройку (возможно, мечеть или мавзолей).

Значительно больше информации мы имеем о расположенном в 4 км выше по течению реки Северский Донец археологическом комплексе у с. Маяки (рис. 1: 1). Памятник занимает мыс высокого коренного правого бе-

рега Северского Донца, у места впадения в реку крупной, заросшей лесом, балки — Ложникова яра. С западной стороны территория археологического комплекса ограничена еще одной балкой, в которой расположено современное с. Маяки. В хазарское время была заселена только часть данной площади, огражденная валом, рвом и эскарпами со стороны реки Северский Донец. В XIII—XIV вв. площадь памятника увеличилась как минимум в 3 раза. Не ясно, имел ли он в это время какие-либо укрепления. В пользу того, что какие-то оборонительные сооружения на зо-

литоордынском населенном пункте все же были, может свидетельствовать наличие на юго-западной окраине городища слабо выраженного углубления с валообразным возвышением. За ним находки подъемного материала резко исчезают.

В целом археологический комплекс у с. Маяки (Царино городище) выделяется из всех золотоордынских поселений интересующего нас региона как своими размерами (площадь около 70 га), так и многочисленным ярким материалом. Уже первые исследователи этого памятника — А. И. Абрамов, Н. В. Сибилев (Сибільов 1950) и В. К. Михеев (Михеев 1985: 18) сообщают о наличии на городище материалов золотоордынского времени. В частности, в отчете В. К. Михеева за 1970 г. упоминается о находке в подъемном материале на территории городища фрагментированной бронзовой бляхи или медальона с изображением грифона (рис. 21: 22) (Михеев 1970: 15, табл. XIX). Несмотря на то, что об этих находках было известно давно, в научной литературе памятник фигурировал как городище салтово-маяцкой культуры.

В 1976 и 1978 гг. при исследованиях могильников, расположенных на южной окраине городища, был обнаружен прилегающий к памятнику мусульманский некрополь. Авторы раскопок отнесли его к хазарскому времени (Копыл, Татаринев 1979: 267—273; 1990: 52—71). Исследования могильника были продолжены в 1988—1989 гг. Полученные в процессе их материалы позволили отнести мусульманский некрополь к золотоордынскому периоду существования памятника (Кравченко, Швецов 1990: 22—24). В пользу такого вывода свидетельствовал ряд наблюдений. Так, мусульманские могилы были впущены из верхнего слоя почвы, прорезав при этом напластования хазарского времени. Два мусульманских захоронения (погр. 46 и 48) прорезали ямы, относящиеся к салтово-маяцкой культуре (кремации?). В заполнении погр. 43 был зафиксирован обломок жженого золотоордынского кирпича. В целом погребения на некрополе были произведены в ямах различной конфигурации (с заплечиками вдоль длинных стенок, с подбоями и с прямыми стенками). Количественно преобладают ямы с заплечиками (у взрослых 52%). На втором месте находятся ямы с прямыми стенками (28%). Ям с подбоем немного (у взрослых 4%). Они более характерны для детских захоронений. В ямах этого типа погребены около 60% детских захоронений данного некрополя. В одном слу-

чае (погр. 41) в могиле было уложено друг над другом 2 скелета (один в камере, другой на уровне заплечиков). Инвентарь в мусульманских захоронениях отсутствовал полностью; лишь в одном погребении (погр. 39) лежали в районе пояса 3 железных пряжки. Значительный процент захоронений (более 20%) имеет отклонения от основного требования мусульманской погребальной обрядности — поворот лица покойника к югу. В них погребенные лежат лицом вверх (20%) или на север (2%). Подобные захоронения были квалифицированы авторами публикации, как языческие (со знаком вопроса) (Ходжайов, Швецов 1992: 77). Такое определение их представляется неправомерным. Расположение могил на мусульманском кладбище Маяк однозначно свидетельствует в пользу того, что здесь мы имеем дело с единым некрополем. Мусульманские каноны запрещали захоронения мусульман на немусульманском, равно как и немусульман на мусульманском кладбищах (Хисматуллин, Крюкова 1997: 78). Что же касается всевозможных отклонений от требований мусульманской погребальной обрядности, то они представляют характерное явление для некрополей Золотой Орды. Процент таких захоронений очень высок даже в городах Поволжья (Герасимова, Рудь, Яблонский 1987: 152—153).

Меньше данных имеется о собственно жилой части золотоордынского городища. На его распаханной поверхности в течение длительного времени производился регулярный сбор подъемного материала. Среди находок — керамика, предметы из черных и цветных металлов, бусы, фрагменты зеркал, предметы христианского культа, монеты. К сожалению, далеко не всегда с полной уверенностью предметы можно определенно отнести к тому или иному этапу существования данного памятника, который функционировал как в VIII—X, так и в XIII—XIV веках, а если учитывать расположенное на берегу р. Северский Донец поселение (которое является частью этого комплекса), то в течение всей эпохи средневековья. Особенно это касается предметов, изготовленных из железа, в большом количестве представленных в подъемном материале на Царином городище. Так, не совсем понятно, все ли многочисленные тесла-мотыжки, обнаруженные на данном поселении, относятся к хазарскому времени. То же можно сказать и о некоторых типах наконечников стрел, дротиков, копий и т. д.

В целом, среди предметов из черного металла представлены как заготовки, так и гото-

вые предметы — бытовые вещи, орудия труда, оружие. Основная часть последних репрезентирована наконечниками копий, дротиков (рис. 36: 1—3, 5—6) и стрел (рис. 36: 7), обломками сабельных клинков. Среди находок присутствует булава (близкая обнаруженным в могильнике Ляпинская Балка) (рис. 18: 7) и кистень (рис. 18: 6). В подъемном материале на городище были встречены фрагменты клинковых ножей крупного размера (рис. 36: 9), которые также могли использоваться в качестве боевых. Интересна находка в подъемном материале конского шипа (рис. 38: 5). Из предметов конского снаряжения на памятнике встречались всевозможные пряжки и кольца (рис. 38: 2), двусоставные удила и стремена, как правило, фрагментированные. Интересны фрагменты подков (рис. 38: 1), близких по типу находкам на других памятниках указанного периода.

Довольно многочисленны бытовые предметы и орудия труда. Среди них сельскохозяйственные орудия — чресла, лемеха от тяжелых плугов, серпы. Один серп (рис. 39: 8) был найден в заполнении хозяйственной ямы, расчищенной на пролегающей через территорию городища грунтовой дороге. К сельскохозяйственным орудиям относилась и часть крупных тесел-мотыжек.

Группа железных орудий, собранных на городище, служила для обработки дерева. Среди них сверла различных размеров (рис. 39: 7), струг (рис. 39: 9), обнаруженный в хозяйственной яме вместе с серпом, керамикой и пулом 2-й пол. XIV в., часть тесел. Особенно это касается тесел с желобчатыми лезвиями, которые, вне сомнений, служили для обработки древесины. Интерес представляет крупная пила (рис. 39: 10), поднятая с поверхности памятника в той его части, где присутствуют только материалы золотоордынского времени. Еще одна маленькая пила была обнаружена в 1991 г. в пом. 4 раскопа 28 (Кравченко 2000: рис. 10: 11) вместе с фрагментами чугуновых котлов, что свидетельствует об отношении этой постройки к золотоордынскому времени. Собственно, указанная пила, скорее всего, использовалась для обработки кости. В пользу этого свидетельствуют ее малые размеры и мелкие зубья. Наиболее вероятно, рассматриваемый нами предмет был близок пилке из Старой Рязани, опубликованной Б. А. Колчиным (Колчин 1953: 118, рис. 85).

Ряд предметов имел отношение к кузнечному делу. Среди них представлены многочисленные заготовки, железные молоты (рис. 37: 2—4), пробойцы, зубила, наковален-

ки (рис. 37: 5), обломок напильника (рис. 35: 8). Интерес представляет находка калибровальных досок, которые служили для протяжки проволоки (рис. 39: 6).

Значительное количество находок представлено предметами бытового назначения. Среди них многочисленные железные трубчатые замки (рис. 37: 1), ключи (рис. 35: 9; 39: 5), ножи (рис. 35: 5; 36: 8), калачевидные кресала (рис. 38: 4), фрагменты цепей (рис. 38: 3), скоб, бляшка (рис. 35: 1) и булавка с кольцевидным завершением (рис. 35: 4).

Интерес представляют предметы, имеющие отношение к торговле. Так, кроме монет, на городище встречены находки гири. Часть их изготовлена из цветных металлов (рис. 39: 3), часть же из железа (рис. 39: 1—2) или чугуна (рис. 18: 8). Среди железных предметов обращает на себя внимание находка крупной гири с весов-безмена, близкой гилям, встреченным на других памятниках, в частности, в Новгороде (Колчин 1953: 164—165, рис. 137).

Многочисленные находки изделий из чугуна в основном представлены фрагментами чугуновых котлов (рис. 22: 13—14; 35: 11—17). Они присутствуют практически во всех комплексах. Несмотря на то, что все находки представляют собой фрагменты, ясно, что типология чугуновых котлов, представленных на памятнике, была довольно разнообразна. Среди них были как большие котлы, так и малые котелки, с прямыми стенками и профилированные, с ручками-петлями и ручками-уступами, круглодонные и плоскодонные (Кравченко, Швецов 1992: 18—25). Тем не менее, из чугуна изготавливались не только котлы. В подъемном материале на памятнике присутствуют чугуновые гири (рис. 18: 8) и даже чугуновая бита, отлитая в виде коровьего астрагала. Показательно, что многие предметы имеют необработанные швы, на некоторых встречаются не убранные литки. Среди находок на городище довольно часты всплески металла. Вышеперечисленное свидетельствует, что здесь в золотоордынское время функционировали чугунолитейные мастерские (Кравченко, Швецов 1992).

Предметов из цветных металлов также довольно много. Они представлены как бытовыми предметами, так и украшениями. Бытовых предметов меньше. Это наперсток (рис. 21: 7), литой бронзовый светильник (рис. 35: 6), замочек в виде лошадки (рис. 21: 24). Днище от бронзовой массивной литой граненой ступки относится к числу восточных импортов. Близкого типа ступки, которые В. П. Даркевич относит к числу малоазийских импортов, из-

вестны в материалах Херсонеса, в Сахновке и армянском замке Амберд (Даркевич 1976: 132, табл. 47). Имеются находки таких предметов и на Средней Волге (Руденко 1992: 79—80). Довольно многочисленны находки обломков зеркал, представленных обычными типами, встречающимися на памятниках золотоордынского времени (Федоров-Давыдов 1966: 79—84; Руденко 2004) (рис. 14: 29—32, 34—40). Некоторые экземпляры (рис. 9: 3) представляют отливку по оттиску с другого предмета и, скорее всего, являются продуктом местного производства. О наличии на памятнике мастерских по обработке меди свидетельствуют многочисленные находки в подъемном материале на поселении обрывков медных листов, медных шлаков, всплесков, слитков, заклепок. В целом, все эти вещи имеют многочисленные аналоги на памятниках золотоордынского времени других территорий.

Украшения многочисленны. Среди них — перстни (рис. 21: 9), обрывки цепочек (рис. 21: 13), нашивные медные (рис. 21: 4—5) и свинцовые (рис. 21: 6) бляхи, детали поясных наборов (рис. 21: 19; 39: 38), пуговицы (рис. 39: 37), целые и фрагментированные бубенцы (рис. 39: 36), навершие рукояти трости (рис. 18: 5), сделанное из медного листа. Среди находок присутствуют фрагментированные медные золоченые пластины, украшенные гравированным орнаментом (рис. 21: 15—16).

Небольшая группа находок представлена медными браслетами. Основная их часть имеет гладкую внешнюю поверхность. Некоторые браслеты несут на себе орнаментацию. Один из них украшен гравированным орнаментом, изображающим то ли трилистник, то ли стилизованную львиную морду (рис. 21: 18). Второй браслет (рис. 9: 3) декорирован эпиграфическим орнаментом⁶. Еще один имеет на поверхности рельефную надпись, разделенную «узлом счастья» (рис. 9: 10). Браслетам указанного типа посвящена статья И. В. Волкова (Волков 2002). Автор указывает, что этот тип браслетов представлен относительно небольшим количеством находок, география которых весьма широка: Анапа, Новохарьковский могильник, Волжская Болгария (Волков 2002: 106—108). Наша находка дополняет этот список.

Особенный интерес представляет находка на городище небольшой овальной серебряной пластины с тремя отверстиями

(одно в верхней части, два — в нижней). Внутренняя вогнутая часть пластины лишена изображений. На внешней же выпуклой ее стороне изображена тамга, идентичная тамгообразным знакам анонимных анэпиграфных пулов 80-х гг. XIV в. (рис. 14: 9), доминирующих среди монетных находок на рассматриваемой нами территории. Прямых аналогов указанному предмету найти не удалось. Тем не менее, известны близкого вида пластины с изображением государственного герба в России петровского времени. Представляется, что указанная пластина могла использоваться при опечатавании грамот или иных документов.

Довольно многочисленны и предметы культа. Выше говорилось о медном позолоченном медальоне с перегородчатými эмальми, который был найден на городище в 1983 г. (рис. 24: 1). В последние годы на памятнике была собрана достаточно выразительная коллекция христианских крестов, близких предметам, встречающимся на памятниках золотоордынского времени на Нижнем Дону и в Поволжье (Шамрай, Соловкин, Филиппов 2009: 56—60; 2010: 49—54). На площадке городища среди прочих вещей была подобрана небольшая фигурка, вырезанная из листа меди (рис. 21: 8). Подобные предметы встречаются на золотоордынских памятниках и свидетельствуют о присутствии на них язычников (Федоров-Давыдов 1981: 231, рис. 98: 6).

В подъемном материале на памятнике встречено довольно много бусин и всевозможных вставок. Для их изготовления использовались как минералы (янтарь, сердолик, горный хрусталь), так и прозрачное и непрозрачное стекло различных цветов. Форма бусин разнообразна: круглые, овальные, цилиндрические, биконические экземпляры (рис. 39: 11, 15, 18, 27—35). Некоторые бусины декорированы глазками (рис. 39: 29, 34, 35). Отдельные экземпляры имеют огранку, иногда довольно грубую (рис. 39: 18, 28, 32). Среди находок довольно много вставок круглой, овальной или прямоугольной формы (рис. 39: 12, 13—14, 16—17, 19—24, 26). Материалом для них служил горный хрусталь, а иногда просто белое или цветное (синее) стекло. При раскопках на территории прилегающего к городищу поселения с «древнерусской» керамикой в заполнении построек были встречены мелкие фрагменты стеклянных браслетов. Все они очень плохо сохранились и были изготовлены из стекла светло-зеленого, иногда с желтизной, цвета (Кравченко 2000: 80, рис. 7: 11).

⁶ Определение И. В. Волкова.

Рис. 27. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой (цветная вклейка, илл. 17).

Fig. 27. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by green glaze (color plate, ill. 17).

С территории Царина городища происходит самая крупная в регионе коллекция поливной посуды, представленная в основном фрагментами красноглиняных сосудов крымского производства. Типология их

разнообразна. Это обломки кумганов, чаш, мисок, аптекарских сосудов, туваков, чернильница (рис. 11: 24). Среди них абсолютно преобладают фрагменты сосудов, покрытых прозрачной зеленой поливой по-

Рис. 28. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов, покрытых зеленой поливой (цветная вклейка, илл. 17).

Fig. 28. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by green glaze (color plate, ill. 17).

верх белого ангоба (рис. 27; 28: 1; цветная вклейка, илл. 17). Обломки их представляют около 60% всей поливной керамики, обнаруженной на памятнике. Около 6% составляют фрагменты сосудов (в основном — мисок) украшенных гравировкой по ангобу

под прозрачной зеленой поливой (рис. 28: 2). Сосудов, украшенных росписью белым под прозрачной зеленой поливой (рис. 28: 3) чуть меньше, около 4%. Совсем немного (около 1%) фрагментов монохромных чаш, покрытых непрозрачной зеленой глазурью.

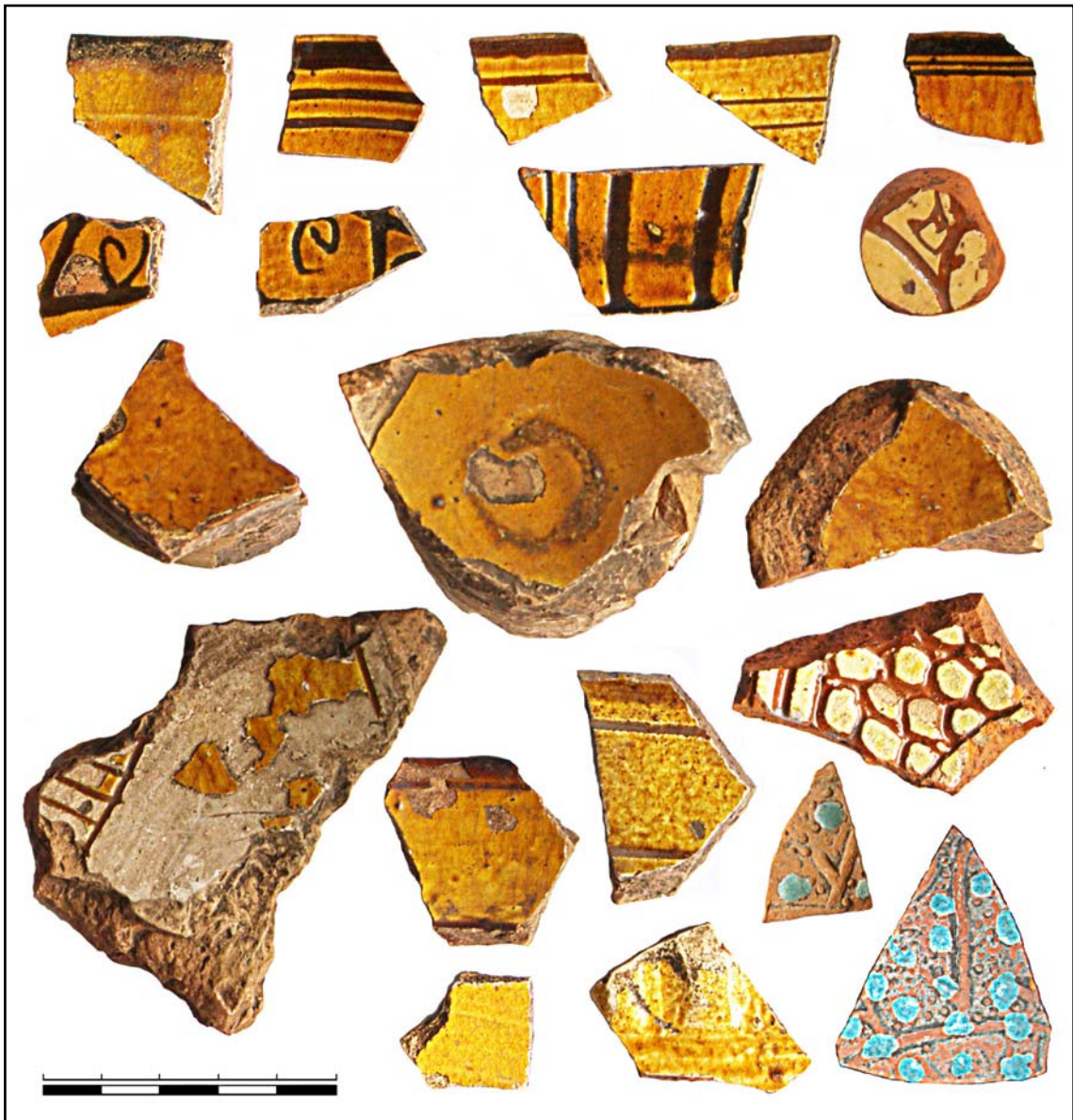

Рис. 29. Царино городище. Фрагменты чаш и мисок, покрытых прозрачной поливой желтого цвета (цветная вклейка, илл. 18).

Fig. 29. Tzarino fort. Fragments of cups and bowls covered by transparent yellow glaze (color plate, ill. 18).

На втором месте по численности идут фрагменты сосудов, украшенных желтой поливой. В собранной на памятнике коллекции их насчитывается более 21%. Среди них основная часть представлена фрагментами чаш, мисок и аптекарских сосудов, покрытых прозрачной желтой поливой прямо по черепку, с подглазурной росписью белым ангобом (рис. 31; цветная вклейка, илл. 19).

Эти фрагменты составляют около 11% от общего количества находок. Около 4% керамики, покрытой прозрачной желтой поливой, представлены фрагментами чаш и мисок, украшенные гравировкой по ангобу (рис. 30; цветная вклейка, илл. 18). Меньше (около 1,5%) фрагментов сосудов, покрытых желтой поливой, имеющих подцветку светло-коричневыми пятнами (рис. 29; цвет-

Рис. 30. Царино городище. Фрагменты красноглиняной посуды, покрытой поливой желтого цвета, и сосудов, покрытых пятнами непрозрачной глазури бирюзового цвета (цветная вклейка, илл. 18).

Fig. 30. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels covered by yellow glaze, and of vessels covered by spots of non-transparent turquoise glaze (color plate, ill. 18).

ная вклейка, илл. 18). Столько же фрагментов сосудов с гравировкой по ангобу и бессистемной подцветкой темно-коричневыми пятнами. Около 3% составляют фрагменты посуды с подглазурной гравировкой по ангобу и подцветкой зелеными и коричневыми пятнами (рис. 29).

Совсем мало (около 0,2%) фрагментов сосудов, украшенных гравировкой по ангобу под прозрачной бесцветной глазурью.

Среди красноглиняной керамики встречено два фрагмента — возможно, принадлежавших одному штампованному сосуду,

декорированному на внешней поверхности круглыми пятнами непрозрачной бирюзовой глазури (рис. 30). Подобного типа сосуды имеют аналоги в материалах Маджара (Волков 2007: 35).

Кашин встречается намного реже. В основном, это мелкие фрагменты сосудов, произведенных в Поволжье (рис. 32: 1—5, 8—15; цветная вклейка, илл. 20). Среди ее орнаментации встречается черная и голубая роспись под прозрачной бесцветной глазурью, непрозрачная полива бирюзового цвета, кобальтовая роспись под прозрачной поли-

Рис. 31. Царино городище. Фрагменты красноглиняных сосудов с росписью ангобом под прозрачной желтой глазурью (цветная вклейка, илл. 19).

Fig. 31. Tzarino fort. Fragments of red clay vessels with engobe painting under transparent yellow glaze (color plate, ill. 19).

вой темно-синего цвета. В качестве декора использовались горизонтальные каннелюры и слабо выраженные валики на шейках сосудов. Китайский фарфор представлен несколькими обломками, скорее всего, происходящими от одного сосуда (рис. 32: 6—7; цветная вклейка, илл. 20).

На памятнике собрана большая коллекция монет, количество которых, судя по всему, исчислялось тысячами. Большая часть их разошлась по рукам, вследствие чего установить точное количество нахо-

док ныне невозможно. Автору было доступно для обработки чуть более 500 монет, происходящих с Царина городища, которые ныне находятся как в частных собраниях, так и в фондах Славянского краеведческого музея. Среди них имеются единичные пулы рубежа XIII—XIV вв. (рис. 18: 40), монеты Токты, Узбек-хана. Последние также встречены в относительно небольшом количестве. В 2010 г. на городище был выявлен небольшой клад, состоящий из 13 истертых монет Узбека с надчеканом «хан».

Рис. 32. Царино городище. Поливная керамика. 1—5, 8—15 — кашинная керамика; 6, 7 — китайский фарфор; 16—19 — поливная керамика с поселения, прилегающего к городищу (цветная вклейка, илл. 19; 20).

Fig. 32. Tzarino fort. Glazed ceramics. 1—5, 8—15 — Kashan ceramics; 6, 7 — China ware; 16—19 — glazed ceramics from the settlement adjacent to the fort (color plate, ill. 19; 20).

Чаще встречаются монеты Джанибека. Абсолютное же большинство серебряных монет (более 83%) составляют дирхемы, чеканенные в период смуты 60—80-х гг. XIV века. Причем, около 55% из них были выпущены в правление хана Мухаммед-

Булака. Этим же временем датируется абсолютное большинство медных монет (до 90%), среди которых доминируют анонимные анэпиграфные пулы и монеты с именем Абдаллаха. В этом плане достаточно показательной является выборка монет, по-

добранных сотрудниками Славянского краеведческого музея на городище в 2013 году. Всего за этот год ими было найдено на памятнике 134 монеты, из которых 4 — серебряных, а 130 — медных. Серебряные монеты представлены обрезанным дирхемом Узбека (Сагдеева 2005: № 203), фрагментом дирхема (рис. 14: 26), дирхемом Кильдибека Азакского чекана (рис. 14: 25) (Сагдеева 2005: № 308) и дирхемом Джанибека, чеканенным в Гюлистане в 753 г. х. (Сагдеева 2005: № 212). Указанная монета несет на себе надчекан (рис. 14: 27). Среди пулов — 7 монет Абдаллаха с изображением барса на фоне звездного неба (типа рис. 19: 31), 29 анонимных анэпиграфных пулов (тип рис. 19: 30, 32), 58 пулов Абдаллаха (тип рис. 19: 37), 2 цветочных пула Джанибека, пул Хызра и 10 пулов Токтамыша. Часть их (21 монета) не были определены в связи плохой сохранностью.

Таким образом, подавляющее большинство нумизматической коллекции указанного памятника относится к периоду смуты 60—80-х гг. XIV в. в Золотой Орде, что свидетельствует в пользу того, что именно на это время приходится период расцвета жизни данного населенного пункта.

Наблюдения за обнажениями, расчистка отдельных комплексов, вымытых тальми водами на пересекающих памятник дорогах, позволили установить, что на городище имелись постройки из жженого кирпича. В нескольких местах в канавах прослеживались фундаменты, которые исследовать не было возможности в связи с тем, что выкладки уходили на пахотное поле. Целые экземпляры кирпича по размерам, характеру теста и технике изготовления не отличались от описанных выше кирпичей, обнаруженных на поселении Казачья Пристань. Большое количество фрагментов жженого кирпича содержали в своем заполнении и хозяйственные ямы, расчищенные на площадке городища. Собственно, обломки кирпичей составляли неперемнную часть их заполнения. Кроме битых кирпичей в расчищенных на городище ямах содержались фрагменты неполивных и поливных красноглиняных сосудов, обломки чугунных котлов, пулы 60—80 гг. XIV века. В одной из ям вместе с фрагментами красноглиняных золотоордынских кувшинов (рис. 22: 7—8) присутствовали горшки древнерусского типа, сделанные из белой глины с примесью мелкозернистого песка (рис. 22: 9—10). В другой хозяйственной яме (хоз. яма 4 раскопа 32) были выявлены костяной игольник, пул Абдаллаха, фрагменты поливной и крас-

ноглиняной керамики, куски жженого кирпича и гипсовой штукатурки (Кравченко, Петренко, Шамрай 2008: 9).

Данные разведок были существенно дополнены исследованиями 1989 года, которые производились на западной части памятника. На этом участке культурные напластования относятся только к золотоордынскому времени. Здесь, в небольшом раскопе (площадь — 200 кв. м), была расчищена группа стратифицированных сооружений (три помещения и 4 хоз. ямы), относящихся к золотоордынскому периоду существования населенного пункта. Помещения №1, №3 и хоз. яма 1 были прорезаны пом. №2. Хозяйственные ямы 2—4 были впущены с верхнего слоя, в котором встречены медные монеты 60—80-х гг. XIV в. Постройки представляли собой полуземляночные жилища, в конструкции стен которых использовались как саманные блоки, так и жженный кирпич. Много его обломков находилось в заполнении хоз. ям 1 и 4. В конструкции помещения 2 кирпича встречено относительно немного. Тем не менее, вполне вероятно, что часть кирпича могла быть извлечена из конструкции построек казаками Маяцкого городка, возникшего рядом с городищем в 1663 г. В качестве отопительных сооружений в постройках зафиксированы глинобитная печь и тандыр. Возле печи (пом. 1) были собраны обломки белоглиняного сосуда.

Основная часть находок из раскопа представлена керамикой (рис. 22: 1—6). Поливной посуды немного. Это фрагменты красноглиняных сосудов крымского производства, покрытые поверх ангоба прозрачной желтой или зеленой поливой. Среди находок выделяется резервуар белоглиняного кальяна, украшенного волнистым орнаментом (рис. 22: 1). Из прочих находок следует упомянуть бронзовый бубенец, железные ножи, ключ, фрагменты чугунных котлов (рис. 22: 13—14) (Швецов, Кравченко 1989).

В свое время, при публикации указанных материалов, автором было выдвинуто предположение, что описанные выше комплексы представляют собой несколько строительных периодов на этом участке памятника, хронологические рамки которых охватывали практически все золотоордынское время (Кравченко, Швецов 1990: 134—136). Дальнейшее изучение памятника показало, что данный вывод представляется неверным. Вне сомнений, стратиграфические наблюдения на данном участке дают не более 2-х горизонтов, к одному из которых относились помещения №1 и 3 (жилое и хозяйственное),

а ко второму — перекрывающее их остатки помещения №2, с которым связаны и хозяйственные ямы 2—4. Время функционирования этих сооружений определяется монетами, обнаруженными в культурном слое раскопа.

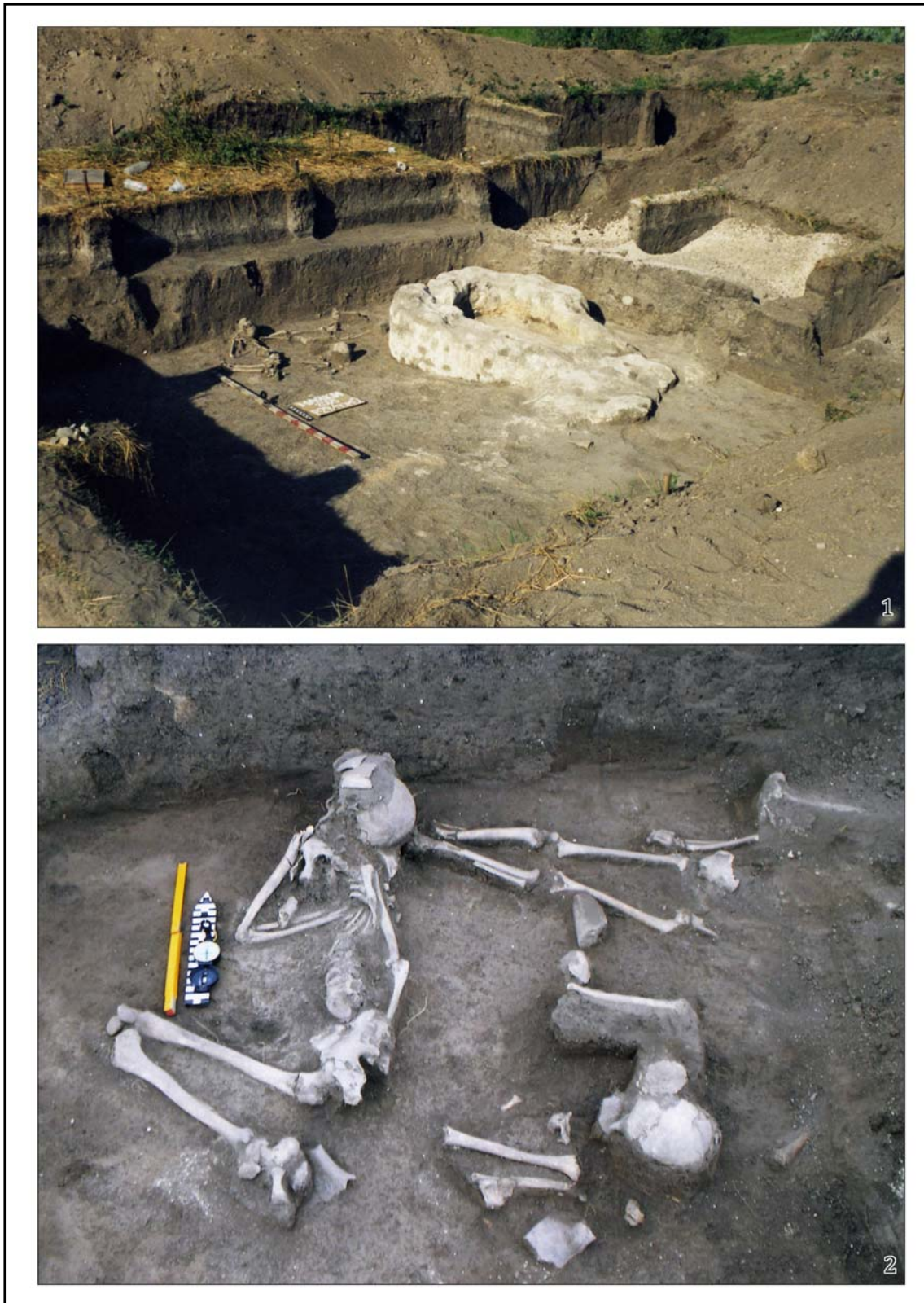
Обнаруженные на городище материалы свидетельствуют, что населенный пункт был уничтожен в самом конце XIV века. Последние дни его существования были связаны с сильным разгромом, после которого жизнь на памятнике прекратилась. Следы этого события фиксируются на всей территории населенного пункта. На площадке городища довольно часто находили скелеты людей. Они лежали прямо в верхнем слое памятника, причем и на той части памятника, где присутствовали культурные напластования только золотоордынского времени. По всей площади городища встречаются одиночные захоронения с небольшой глубиной залегания. Одно из таких погребений было обнаружено к западу от помещения №2 в раскопе 1989 года. Скелет погребенного лежал вытянуто на спине головой на запад со сведенными в коленных суставах ногами и сложенными на костях таза кистями рук. Глубина его залегания составляла всего 0,43 м. Учитывая тот факт, что мощность культурного слоя в этой части раскопа не превышал 0,4 м, можно предположить, что погребенный был наскоро похоронен в неглубокой яме, вырытой у жилища, и присыпан землей. Особенно четко следы этого разгрома читаются на поселении с «древнерусской» керамикой, которое прилегает к северной части памятника, составляя с ним одно целое. Здесь в раскопе 29 в 2005 г. была расчищена группа полуземлянок. Их взаимное расположение и находки, обнаруженные в этих постройках, свидетельствуют об одновременном функционировании этих сооружений. Все полуземлянки несли на себе следы сильного пожара. Котлованы их были перекрыты улисто-золистыми линзовидными прослойками, выше которых шли слои мелового грунта, смытого при эрозии яров, расположенных на склонах городища, не содержащие материала (рис. 33: 1). Все свидетельствовало в пользу того, что с данным пожаром было связано прекращение жизни на памятнике. Рядом с постройками располагалась группа захоронений, относящихся к этому же времени. Указанное кладбище, скорее всего, было местом захоронения людей, погибших во время разгрома памятника. В пользу этого свидетельствуют как небольшая глубина залегания, расположение могил рядом с жилищами, так и неестественные позы отдель-

ных погребенных. Следы погрома наблюдались и в котлованах, расположенных рядом с постройками. Так, в помещении №3 были обнаружены останки двух людей. Скелет ребенка потревожили грызуны, и от него сохранился один череп. Скелет взрослого был уложен вдоль стены, на полу котлована, вытянуто на спине (рис. 34: 1). Судя по положению, человек был похоронен в постройке. На плечевой кости правой руки его сохранились нарубки, сделанные каким-то острым предметом (рис. 34: 2). У народов различных вероисповеданий существует своеобразный обряд погребения — оставление умершего в заброшенном жилище. Обычно он применяется тогда, когда покойника нет возможности нормально похоронить (Хисматуллин, Крюкова 1997: 77; Косарев 2003: 192). Подобного рода захоронения известны и на соседнем городище у с. Сидорово. Этот памятник прекратил свое существование после разгрома во 2-й пол. X века (Кравченко 2003).

В соседнем помещении №2 убитые вообще не были погребены. Два скелета лежали за печью в том положении, в котором их застигла смерть (рис. 33: 1—2).

Время гибели населенного пункта определяется как материалом, обнаруженным в слое пожара и заполнении котлованов, так и материалами, происходящими с данного памятника. Так, металлургические предметы и керамический комплекс описанных выше построек позволяют отнести их к XIII—XIV вв. (Беляева, Кубышев 1995: 46—48, рис. 36; 37). В помещении №2 было обнаружено роговое навершие ножа (рис. 21: 17), которое находит близкий аналог в материалах золотоордынского Болгара (Закирова 1988: 233, рис. 103: 10). В горелой прослойке, представляющей собой верхнюю часть культурного слоя раскопа, присутствовали находки фрагментов чугунных котлов (рис. 35: 14). Особенно показательна описанная выше коллекция монет, обнаруженных на данном памятнике. В ней наиболее поздней монетой является дирхем Токтамышша, датированный 1392 годом (рис. 19: 1). Вполне вероятно, что населенный пункт был уничтожен во время разгрома западных областей Золотой Орды Тимуром в 1395 г. Отсутствие на городище и в его окрестностях материалов более позднего времени свидетельствует, что этот разгром был для памятника роковым. Жизнь возобновилась здесь только в 1663 г., когда у подножия городища был построен Маяцкий городок.

Подводя итоги, следует сказать, что рассматриваемый нами регион в золотоордын-

Рис. 33. Маяки 2005. Раскоп 29. Скелеты погибших жителей в котловане помещения 2.

Fig. 33. Maiaki 2005. Dig 29. Skeletons of casualties in the ditch of structure 2.

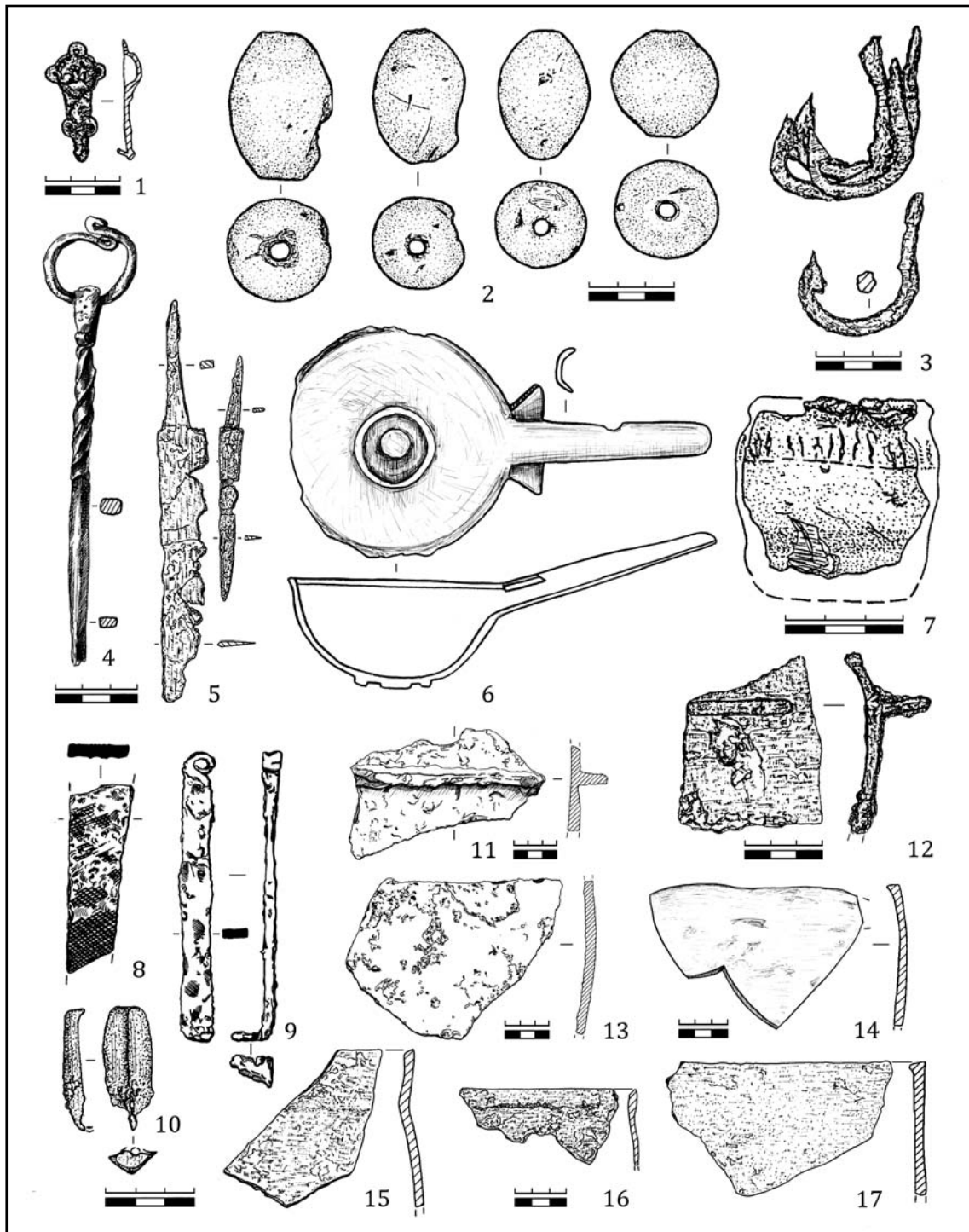
ское время выглядит достаточно обжитым. В степной его части имеются памятники, связанные как с кочевым, так и с оседлым на-

селением, многочисленные курганные захоронения кочевников среди которых присутствуют и погребения кочевой элиты.

Рис. 34. Маяки 2005. Раскоп 29. 1 — скелеты погибших жителей в помещении 3; 2 — следы от рубящего оружия на костях скелета из помещения 3.

Fig. 34. Maiaki 2005. Dig 29. 1 — Skeletons of casualties in structure 3; 2 — traces of hacking weapon on bones of skeleton from structure 3.

Рис. 35. Находки с Царина городища. 1 — пом. 3 (р. 28, 1991 г.); 2, 3, 7 — пом. 2 (р. 28, 1991 г.); 10 — пом. 1 (р. 28, 1991 г.); 12 — пом. 4 (р. 28, 1991 г.); 8, 9, 11, 13 — хоз. яма 2 (1998 г.); 14 — р. 29 (2005 г.); 4, 6, 15—17 — подъемный материал.

Fig. 35. Finds from Tzarino fort. 1 — structure 3 (dig 28, 1991); 2, 3, 7 — structure 2 (dig 28, 1991); 10 — structure 1 (dig 28, 1991); 12 — structure 4 (dig 28, 1991); 8, 9, 11, 13 — household pit 2 (1998); 14 — dig 29 (2005); 4, 6, 15—17 — stray finds.

О проникновении в ее мировоззрение ислама свидетельствует факт наличия здесь погребальных плит с арабскими надписями. О торговых связях или удачных военных экспедициях, в которых принимали участие выходцы

с рассматриваемых нами территорий, свидетельствуют находки здесь предметов романского литья, которых на данном участке степи относительно много (не менее, чем на территории некоторых древнерусских княжеств).

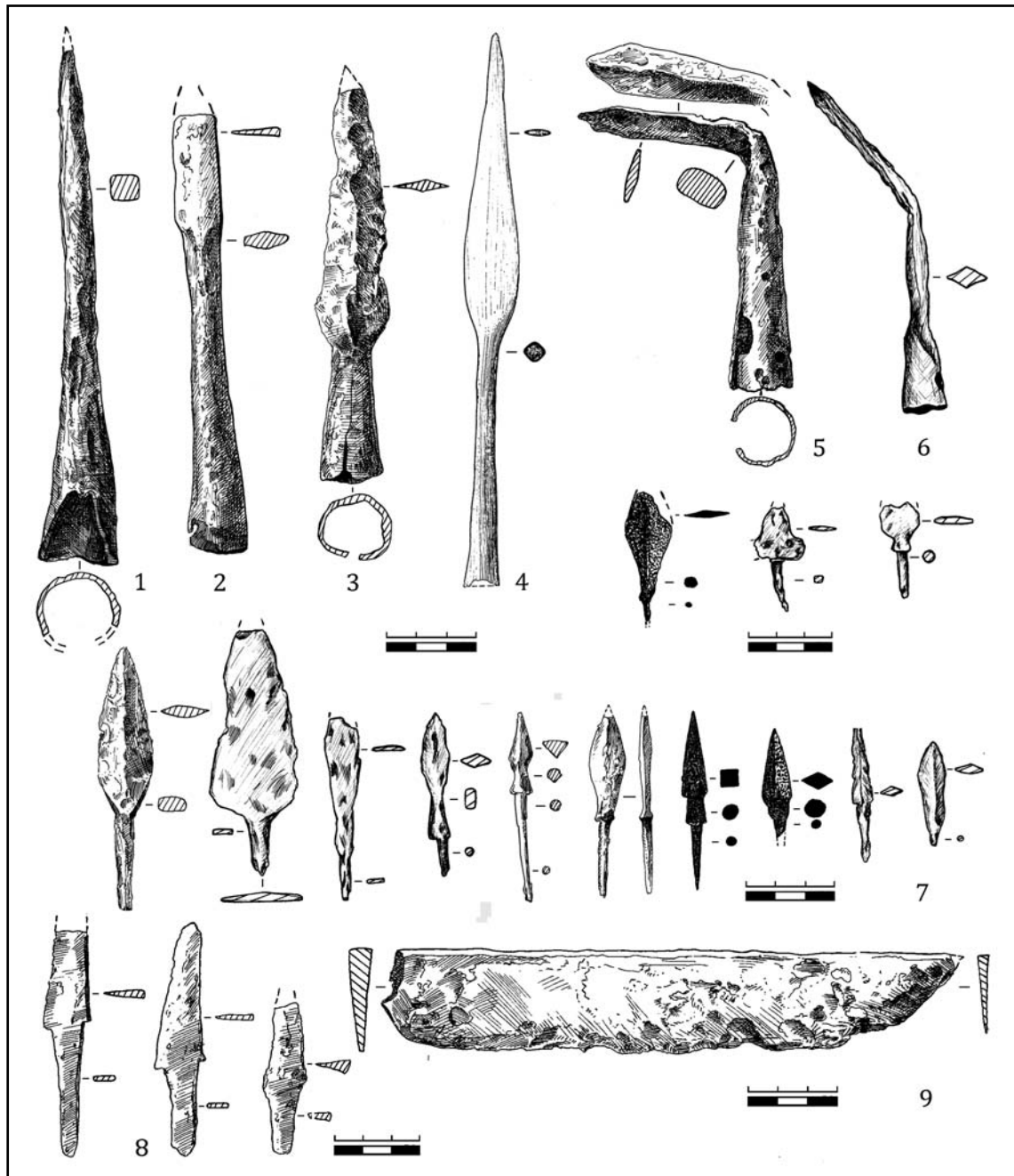

Рис. 36. Металлические изделия с Царина городища.

Fig. 36. Metal items from Tzarino fort.

Тем не менее, говорить об активизации оседлой жизни на рассматриваемой территории в течение всего XIII и 1-й пол. XIV в. мы, по видимому, не можем. Скорее всего, основная ее часть (Приазовье и Кряж) в это время представляла собой кочевую степь. Лишь на Северском Донце, возможно, с домонгольского времени, функционировал ряд поселений, на которых проживало пестрое в этническом плане население. Собственно, именно на этой территории, которая по своим усло-

виям более подходила для занятия земледелием и имела длительные традиции оседлой жизни, и появляются крупные ремесленные и административные центры. Один из них (Царино городище у с. Маяки) вырастает возле поселения с «древнерусской» керамикой, которое затем становится его частью. Соответственно, этот населенный пункт имеет классическую для городищ рассматриваемого нами региона топографию. Второй центр располагался в районе пос. Райгородок.

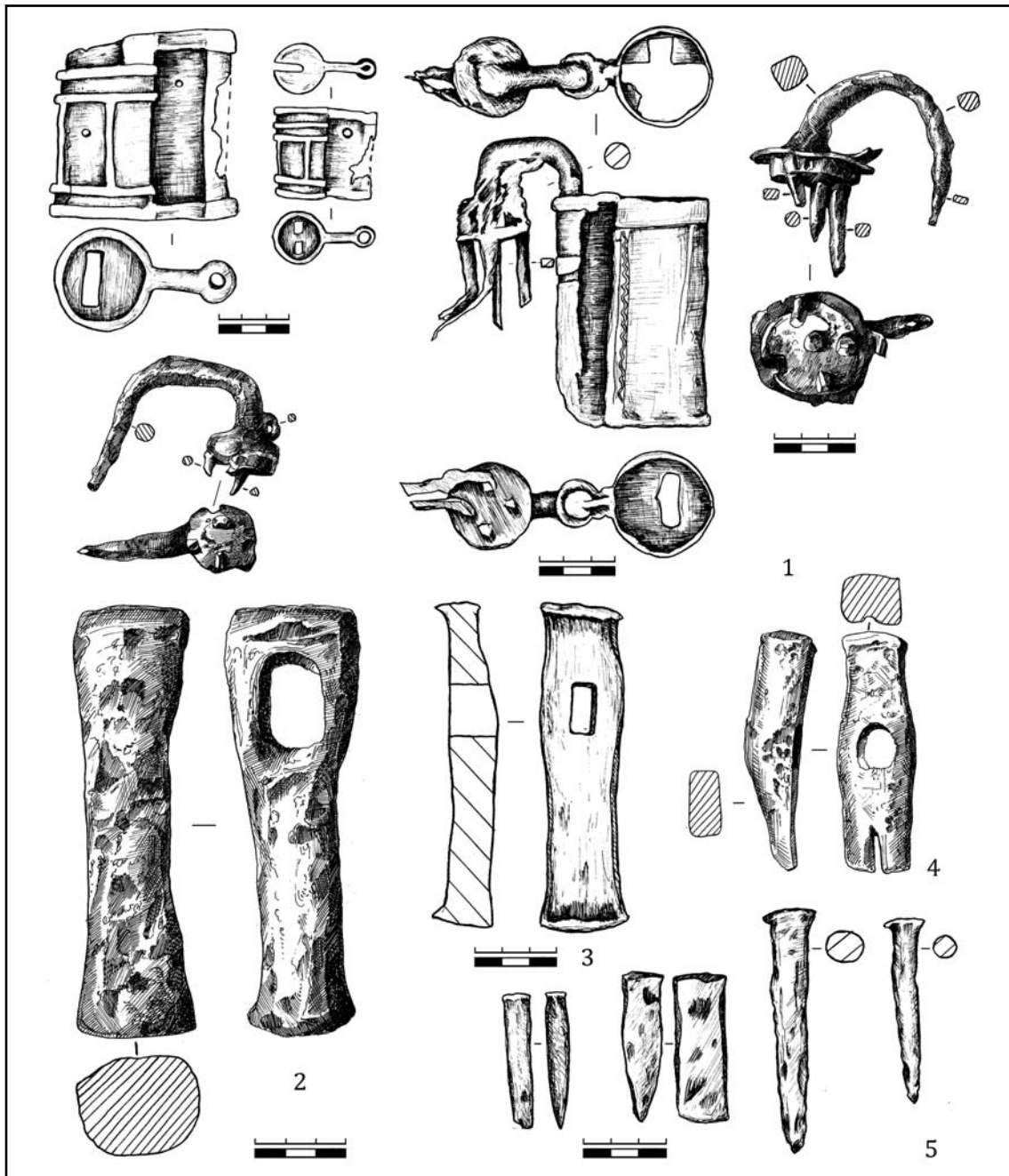

Рис. 37. Металлические предметы с Царина городища.

Fig. 37. Metal items from Tzarino fort.

Он появляется в низине, в долине реки, на не обжитом ранее месте, что повторяет ситуацию с возникновением многих центров золотоордынского времени на других территориях (Федоров-Давыдов 1981: 231—232). Еще, как минимум, один центр находился ниже по течению реки, в районе нынешнего г. Лисичанска.

Показательным является тот факт, что в среднем течении реки Северский Донец в золотоордынское время наблюдается со-

существование двух вариантов материальной культуры оседлого населения, один из которых представлен собственно золотоордынскими поселениями с красноглиняной керамикой, другой же — памятниками с «древнерусской» керамикой, которые продолжали местную традицию, существовавшую на этой территории с домонгольского времени. Похожая ситуация наблюдается и в некоторых других регионах, близких по своим природным условиям среднему

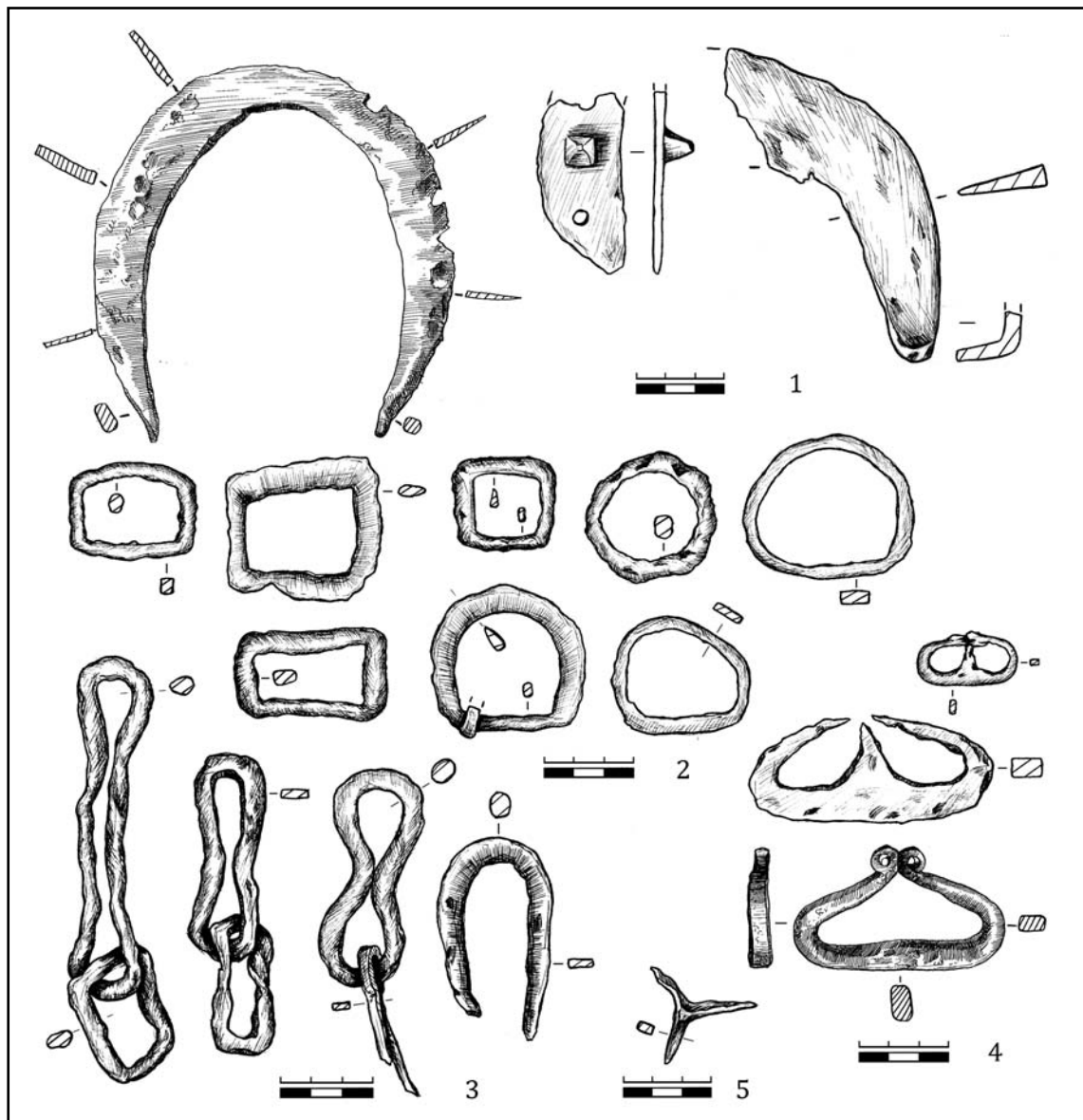

Рис. 38. Железные предметы с Царина городища.

Fig. 38. Iron items from Tzarino fort.

течению р. Северский Донец, которые исследователи иногда характеризуют термином — «предстепье» (Супруненко, Приймак, Мироненко 2004).

Изменения наступают во 2-й пол. XIV века. Крупная междоусобица, разорившая значительную часть государства, менее затронула его западные области, где уже в 60-х гг. власть перешла к Мамаю, который фактически единолично правил здесь в течении всего «смутного времени». Перемещение населения с разоренных областей, оседание разорившихся кочевников, равно, как и политика Мамаю, направленная на захват власти над всем государством, могли стабилизировать расцвет оседлой жизни в ранее периферий-

ном регионе. Именно в это время появляются в Приазовье поселения типа Ляпинской Балки, а на Северском Донце вырастают крупные центры у Маяков, Райгородка и Лисичанска. Тем не менее, связи были нарушены. Территория фактически представляла пограничье, военный лагерь, имеющий контакты разве что с Крымом и Азаком, расположенным в 4-х днях конного пути, да и то в тот период, когда власть над этим городом находилась в руках ставленников Мамаю. Данное обстоятельство вряд ли способствовало распространению здесь предметов роскоши, в том числе и высокохудожественной поливной посуды. Как указывалось выше, основная часть находок поливной посуды в рассмат-

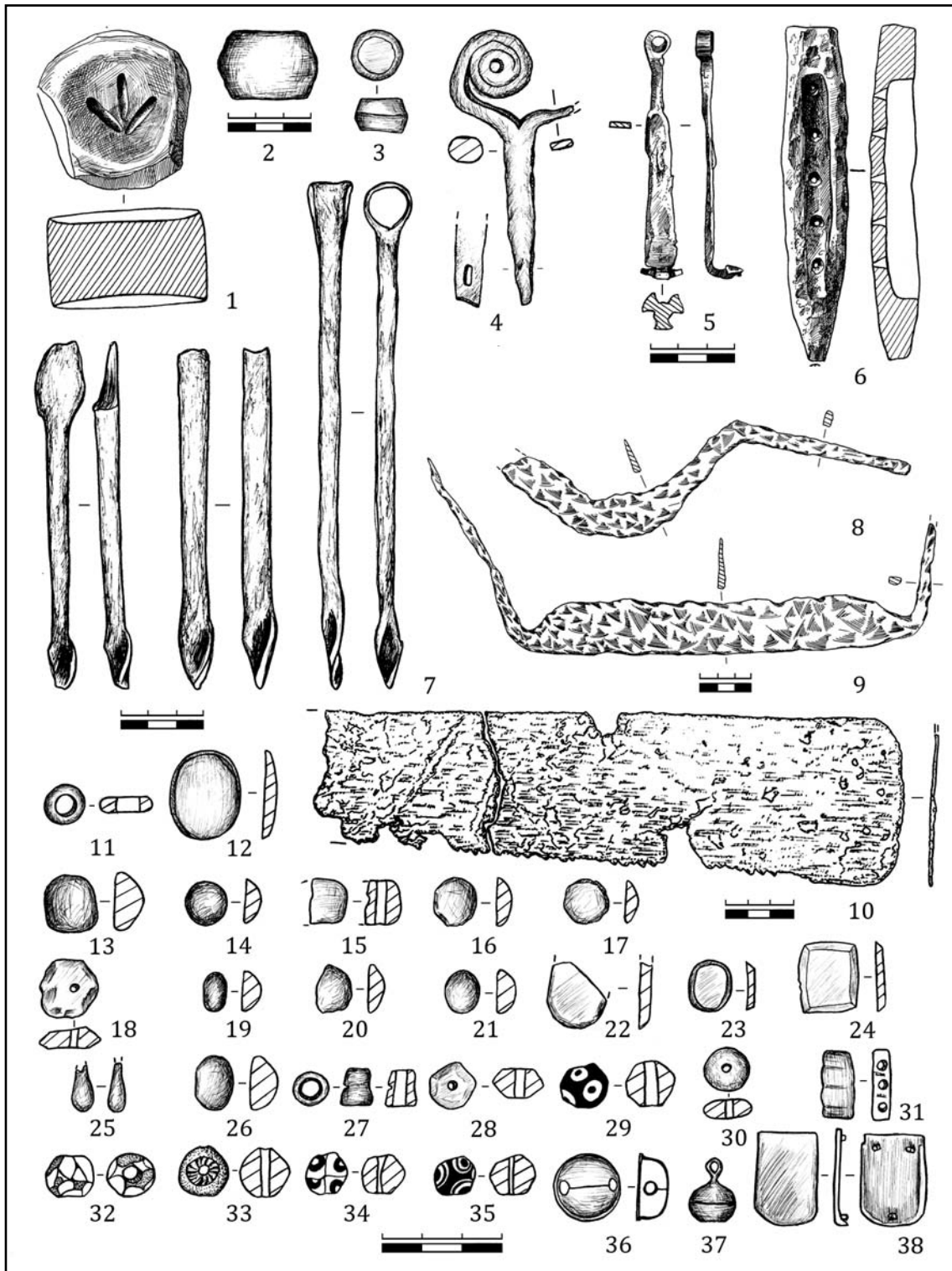
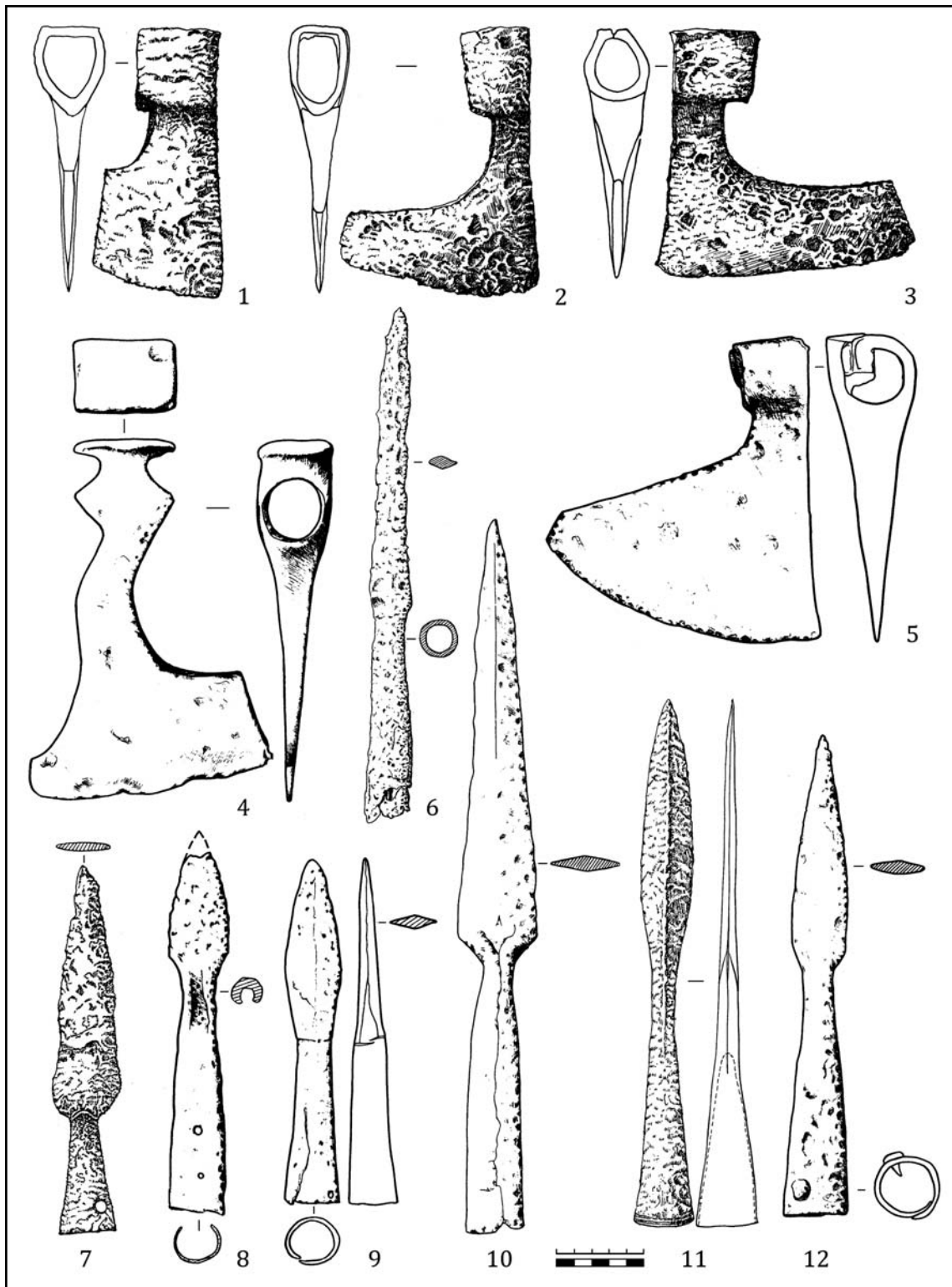

Рис. 39. Находки с Царина городища.

Fig. 39. Finds from Tzarino fort.

риваемом регионе представляет собой фрагменты сосудов, произведенных в мастерских Крыма. Все эти находки «привязаны» к крупным центрам, расположенным в среднем течении Северского Донца, при этом кашин,

и тем более китайский фарфор, даже здесь встречается крайне редко. В степной же части региона находки поливной посуды вообще представлены единичными фрагментами красноглиняных сосудов, покрытых зеле-

Рис. 40. Предметы вооружения, найденные на территории Донецкой области (по Каталог 1993: № 333, 334, 336, 338, 347, 348, 362, 379, 380, 383, 389). 1, 2 — Белосарайская коса; 3 — Талановка, Новоазовский р-н; 4 — Райгородок; 5 — г. Артемовск; 6 — Славянский р-н; 7 — Старый Крым; 8 — Покровское, Артемовский р-н; 9 — Донецкая обл.; 10 — Волноваха; 11 — Старомлиновка, Великоновоселковский р-н; 12 — устье р. Самары.

Fig. 40. Items of armament found in Donetsk Oblast (after Katalog 1993: № 333, 334, 336, 338, 347, 348, 362, 379, 380, 383, 389). 1, 2 — Belosaraiskaya kosa; 3 — Talanovka, Novoazovsk Raion; 4 — Raigorodok; 5 — Artemovsk town; 6 — Slavyansk Raion; 7 — Staryy Krym; 8 — Pokrovskoe, Artemovsk Raion; 9 — Donetsk Oblast; 10 — Volnovakha; 11 — Staromalinovka, Velikaya Novoselka Raion; 12 — mouth of the Samara River.

Рис. 41. 1 — медная чаша из с. Татьянавка (по Гриб 2008); 2, 3 — захоронения золоордынского времени из курганов группы Попов Яр 2: 2 — курган 5, погр. 3; 3 — курган 3, погр. 3.

Fig. 41. 1 — copper cup from Tatianovka village (after Гриб 2008); 2, 3 — burials of the Golden Horde time from barrows of Popov Yar group 2: 2 — barrow 5, burial 3; 3 — barrow 3, burial 3.

ной или желтой глазурью. Достаточно редки и находки фрагментов импортной амфорной тары. Стационарные поселения в степной части вообще возникают довольно позд-

но. В свое время Г.А. Федоров-Давыдов обратил внимание, что на всех расположенных здесь более или менее крупных памятниках присутствует чугуны и монеты 2-й пол. XIV в.

(Федоров-Давыдов 1960: 109). Приведенные в данной статье новые материалы только подтверждают этот вывод.

С падением Мамая и приходом к власти Тохтамыша регион потерял свое значение. Трудно сказать, как это отразилось на жизни его населения, особенно оседлого. Обращает внимание лишь тот факт, что серебряная монета периода правления Тохтамыша на памятниках рассматриваемого нами региона встречается намного реже, чем серебро предшествующих ему прави-

телей. Возможно, уже в это время здесь начинается постепенный упадок оседлой жизни. Разгром поселений, произведенный Тамерланом в 1395 г., и следующий за ним развал Золотой Орды вообще положил ей конец, превратив эти земли сначала в арену междоусобной борьбы, а затем, на несколько столетий, и вовсе в безлюдную степную территорию. Таковой они и оставались, вплоть до рубежа XVI—XVII вв., когда Русское государство начало заселение степей, прилегающих к своим южным границам.

Литература

- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ермакович Л. Б. 1987. *Отрар в XIII—XV вв.* Алма-Ата: Наука.
- Апареева Е. К., Красильников К. И., Тельнова Л. И. 2002. Из истории степного Подонцовья в ранний период «Дикого Поля». *Вісник Луганського державного педагогічного університету імені Тараса Шевченка* 46 (2). Луганськ, 210—224.
- Артамонова О. А. 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи. *Труды Волго-Донской экспедиции III МИА* 109, 9—215.
- Астварцатурян Э. Г. 2002. *Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея.* Санкт-Петербург: Атлант.
- Атанасов Г. 2002. Воинские иконографии, вооружение и снаряжение на Свети Георги през ранното средновековие (V—X в.). В: *Оръжие и снаряжение през късната античност и средновековието IV—XV в.* AMV-I. Варна, 37—58.
- Багалец Д. И. 1905. Объяснительный текст к археологической карте Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 1—94.
- Березин С. Я., Березин Я. Б., Нарожный Е. И. 2007. Позднесредневековые курганы могильника «Иноземцево-1» (публикация и историческая интерпретация материалов). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа* 8. Армавир: ЦАИ АГПУ, 177—244.
- Беляева С. О., Кубишев А. И. 1995. *Поселенный Днепровского Ливобережжя X—XV вв.* Київ: Наукова думка.
- Бобчева Л. 1978. Некрополь от XIII—XIV вв. в Калиакра. *Известия на народния музей Варна XIV (XXIX)*. Варна, 152—180.
- Валиулина С. 2004. Бальнгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период. *Татарская археология* 12—13 (1—2). Казань, 157—191.
- Винников А. З., Цыбин М. В. 2002. Материалы Новохарьковского могильника. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 14—105.
- Виноградов В. Б. 1987. Два зеркала золотоордынской эпохи из Чечено-Ингушетии. *СА* (1), 267—269.
- Волков И. В. 2002. Золотоордынские браслеты с надписями. В: Пряхин А. Д. (ред.). *Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 106—110.
- Волков И. В. 2007. Поливная керамика Маджара. *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* Тез. докл. II междунауч. конф. (19—23 ноября 2007 г., Ялта). Ялта, 33—42.
- Волков И. В. 2008. Надгробие золотоордынского времени из Новочеркасского музея. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2006 г.* 23. Азов, 478—496.
- Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. 1987. *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы.* Москва: Наука.
- Городцов В. А. 1905а. Результаты исследований, произведенных научными экскурсиями XII археологического съезда. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 110—130.
- Городцов В. А. 1905б. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губ. 1901 г. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 174—225.
- Городцов В. А. 1905в. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца Изюмского уезда, Харьковской губернии. *Труды XII Археологического съезда* 1. Москва, 226—340.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. *Золотая Орда и ее падение.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Гриб В. К. 2008. Образец торевтики раннесредневекового времени из с. Татьяновка в Подонцовье. *Святогірський альманах 2008.* Донецк, 7—11.
- Даркевич В. П. 1976. *Художественный металл Востока VIII—XIII вв.* Москва: Наука.
- Даркевич В. П. 1985. Международные связи. В: Рыбаков Б. А. (гл. ред.), Колчин Б. А. (отв. ред.). *Древняя Русь. Город, замок, село.* Археология СССР 15. Москва: Наука, 387—411.
- Евглевский А. В. 1992. Погребения золотоордынского времени из раскопок Новострочной экспедиции Донецкого университета. *ДАС* 1. Донецк, 107—116.
- Евглевский А. В., Кульбака В. К. 2003. Грунтовой могильник золотоордынского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья. В: *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк, 363—406.
- Егоров В. Л. 1985. *Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв.* Москва: Наука.
- Егоров В. Л., Полубояринова М. Д. 1974. Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. В: Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Города Поволжья в средние века.* Москва: Наука, 39—79.
- Егоров В. Л., Федоров-Давыдов Г. А. 1976. Исследования мечети на Водянском городище. В: Смирнов А. П., Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Средне-*

- вековые памятники Поволжья. Москва: Наука, 108—166.
- Ельников М. В. 2006. *Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам экспедиций 1993—1994 гг.)* 2. Запорожье: ЗНУ.
- Закирова И. А. 1988. Косторезное дело Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 220—243.
- Зеленко С. М. 1999. Итоги исследований подводной археологической экспедиции Киевского университета имени Тараса Шевченко на Черном море в 1997—1999 гг. *Vita antiqua* 2. Киев, 223—234.
- Каталог 1993: *Каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области*. 1993. Археологический альманах 1. Донецк.
- Кирпичников А. Н. 1966. *Древнерусское оружие* 1. Москва: Наука.
- Кирпичников А. Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX—XIII вв.* САИ Е1—36. Ленинград: Наука.
- Киселев С. В. 1965. *Древнемонгольские города*. Москва: Наука.
- Клименко В. Ф. 1998. *Курганы юга Донетчины*. Енакиев: б. и.
- Клименко В. Ф., Усачук А. Н., Цымбал В. И. 1994. *Курганные древности Центрального Донбасса*. Донецк: РИП Лебедь.
- Ключнев М. Я. 1998. Поселение периода развитого средневековья у с. Нижнетеплое Луганской области. В: *Проблемы археологии Юго-Восточной Европы*. Тез. докл. VII Донской археологической конф. Ростов-на-Дону, 124—125.
- Книга 1950: *Книга Большому чертежу*. 1950. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Колчин Б. А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси*. МИА 32. Москва: АН СССР.
- Копыл А. Г., Татаринцов С. И. 1979. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце. *СА* (1), 267—273.
- Копыл А. Г., Татаринцов С. И. 1990. Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедонецья. В: Халиков А. Х. (гл. ред.). *Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе*. Казань: ИЯЛИ, 52—71.
- Корзухина Г. Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Косарев М. Ф. 2003. *Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам*. Москва: Ладога-100.
- Косиков В., Шаповалов Т. 1988. Давньоруські медальйони. В: *Пам'ятки України* (1). Київ, 44.
- Кравченко Э. Е. 2000. Памятники оседлого населения XI—XIV вв. в среднем течении Северского Донца. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 1. Донецк, 75—100.
- Кравченко Э. Е. 2001а. Бронзовый лев из фондов Донецкого музея. *Археологический альманах* 10. Донецк, 255—260.
- Кравченко Э. Е. 2001б. Средневековый комплекс поселения Раздольное на р. Кальмиус в Донбассе. *Археологический альманах* 10. Донецк, 197—208.
- Кравченко Э. Е. 2003а. *Отчет о работах археологической экспедиции Донецкого Национального университета на Сидоровском археологическом комплексе в полевой сезон 2003 г.* НА ИА НАНУ. №2003/10.
- Кравченко Э. Е. 2003б. Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДонГУ, 123—129.
- Кравченко Э. Е. 2003в. Средневековый комплекс поселения Ляпинская Балка в Северо-Восточном Приазовье. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 3. Донецк: ДонГУ, 345—362.
- Кравченко Э. Е. 2004. Городища среднего течения Северского Донца. *Хазарский альманах* 3. Киев; Харьков, 242—276.
- Кравченко Э. Е. 2009. Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца. В: *Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве*. Материалы IV Международной конф. памяти профессора МГУ Г. А. Федорова-Давыдова. Донские древности 10. Азов: АКМ, 242—262.
- Кравченко Э. Е. 2013. Поселения хазарского времени (Северо-Восточное Приазовье, Донецкий Кряж, степное Подонцовье). *Археологический альманах* 30. Донецк, 278—302.
- Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. 1990а. О хронологии III этапа функционирования Царина городища. В: *Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца*. Тез. докл. в областной научно-практической конф. Луганск, 134—136.
- Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. 1990б. О могильниках золотоордынской эпохи Подонцовья. В: *Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей)*. Тез. докл. юбилейной конф. Ч. 3. Херсон, 22—24.
- Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. 1992. О находках фрагментов чугунных котлов на территориях к западу от Дона. В: *Проблемы археологии Поднепровья*. Днепропетровск: ДГУ, 102—113.
- Кравченко Э. Е., Швецов М. Л. 1995. Новые данные о христианском населении края в XIII—XIV вв. В: *Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника)*. Славяногорск: СГИАЗ, 70—79.
- Кравченко Э. Е., Цимиданов В. В., Кузин В. И. 1998. *Отчет об археологических исследованиях в Славянском районе в 1998 г.* НА ИА НАНУ. №1998/101.
- Кравченко Э. Е., Давыденко В. В. 2001. Сидоровское городище. В: Евглевский А. В. (гл. ред.). *Степи Европы в эпоху средневековья* 2. Донецк: ДонГУ, 233—302.
- Кравченко Э. Е., Мирошниченко В. В., Полидович Ю. Б. 2002. Поселение Явор в среднем течении Северского Донца. *ДАС* 10. Донецк: ДонГУ, 87—107.
- Кравченко Э. Е., Цимиданов В. В., Мирошниченко В. В., Петренко А. Н. 2005. Исследования на археологическом комплексе Маяки в среднем течении Северского Донца. *АДУ у 2004—2005 рр.* Київ, 226—230.
- Кравченко Э. Е., Петренко А. Н., Шамрай А. В. 2008. *Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году*. НА ИА НАНУ №2008/204.
- Круглов Е. В. 2006. Заметки на полях некоторых статей по антропологии в свете проблем археологии хазарского времени. *Нижневожский археологический вестник* 8. Волгоград, 257—301.
- Кузьменко Е. Д. 2000. Антропологическое определе-

- ние позднекочевнического погребения у балки Арген-Тарама. В: *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк, 123—124.
- Кучугура Л. И. 2006. Древняя и средневековая история Приазовья. В: *Мариуполь и его окрестности: взгляд из XXI века*. Мариуполь: Рената, 32—55.
- Макарова Т. И. 1972. *Поливная керамика в Древней Руси*. Москва: Наука.
- Макарова Т. И. 1985. Две находки предметов с перегородчатой эмалью из Новгорода и Смоленска. СА (3), 241—246.
- Махнева О. А. 1968. О плитовых могильниках средневекового Крыма. В: Домбровский О. И. (отв. ред.). *Археологические исследования средневекового Крыма*. Киев: Наукова думка, 155—168.
- Михеев В. К. 1970—1971. *Отчет об исследованиях археологических памятников в бассейне Северского Донца в 1970 г.* НА ИА НАНУ. №1970/71.
- Михеев В. К. 1985. *Подонье в составе Хазарского каганата*. Харьков: ХГУ.
- Мухаммадиев А. Г. 1974. Раскопки двойного дома на Водянском городище. В: Федоров-Давыдов Г. А. (ред.). *Города Поволжья в средние века*. Москва: Наука, 80—88.
- Нарожный Е. И. 1987. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1977 гг. В: *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии 3*. Нальчик.
- ОАК за 1898 г. 1901. Санкт-Петербург.
- Пиневиц П. М. 1928. *Археологические обследования на Мариупольщине и археологические раскопки. Отчет П. М. Пиневица, 1928 г.* Архив МКМ. №6935. Мариуполь.
- Плано Карпини. 1957. *История монгалов. В: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука*. Москва: Государственное издательство географической литературы, 23—86.
- Плетнева С. А. 2000. *Очерки хазарской археологии*. Москва: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим.
- Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В., Кузин В. И. 1992. *Отчет об археологических разведках новострочной экспедиции ООПА ДОКМ в 1992 г.* НА ИА НАНУ. №1992/84.
- Полидович Ю. Б., Усачук А. Н., Кравченко Э. Е., Подобед В. А. 2013. Исследования курганов группы Попов Яр 2 в Донецкой области. *Археологический альманах 30*. Донецк, 36—135.
- Потемкина Т. М. 2007. О металлических посудовидных изделиях из кочевнических погребений золотоордынского времени Восточной Европы. В: Нарожный Е. И. (отв. ред.). *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа 8*. Армавир, 119—146.
- Потемкина Т. М., Усачук А. Н. 2000. Ярусное золотоордынское погребение с конем из Северо-Восточного Приазовья. В: *Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий*. Донецк, 120—123.
- Привалова О. Я. 1998. Богатые кочевнические погребения из Донбасса. *Археологический альманах 7*. Донецк, 157—167.
- Привалова О. Я., Привалов А. И. 1988. *Список памятников археологии Украины. Донецкая область*. Киев: Укровоуполиграф.
- Руденко К. А. 1992. Булгарская бронзовая посуда и торговые пути средневековья. В: *Путь из Булгара в Киев*. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова.
- Руденко К. А. 2004. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан. *Татарская археология 12—13 (1—2)*. Казань, 111—156.
- Сагдеева Р. З. 2005. *Серебряные монеты ханов Золотой Орды*. Москва.
- Седова М. В. 1981. *Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Сибилев Н. В. 1926. *Древности Изюмщины 2. Археологические разведки в бассейне Донца в 1920—1926 гг.* Изюм: Окружной краеведческий музей.
- Сибилев Н. В. 1928. *Старовинності Изюмщини 3*. Изюм: Окружной краеведческий музей.
- Сибилев Н. В. 1930. *Старовинності Изюмщини 4*. Изюм: Окружной краеведческий музей.
- Сибилев Н. В. б. г. *Описание Донецких стоянок*. Рукоп. фонд Н. В. Сибилева в архиве ИА НАНУ. Папка 2. №164.
- Сибільов М. В. 1950. Археологічні пам'ятки на Дінці у зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. *Археологія IV*. Киев, 99—114.
- Скарби 2003: *Скарби землі Донецької*. 2003. Донецьк.
- Смирнов А. П. 1951. *Волжские булгары*. Труды ГИМ XIX. Москва.
- Спесивцев В. Ф. 1905. Находки в Райгородке. *Труды XII Археологического съезда 1*. Москва, 153—157.
- Стадник О. В., Кравцова Н. А. 2005. Грунтово-могильник периода Золотой Орды у с. Передельское на Луганщине. *Матеріали та дослідження Східної України*. Луганськ: СЧУ ім. В. Даля, 300.
- Супруненко О. Б., Приймак В. В., Мироненко К. М. 2004. *Старожитності золотоордынского часу Дніпровського лісостепового Лівобережжя*. Київ; Полтава: Археологія.
- Тизенгаузен В. В. 1884. *Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Трифилев Е. П. 1905. Археологическая экскурсия в Купянский уезд Харьковской губернии летом 1901 г. *Труды XII Археологического съезда 1*. Москва, 131—140.
- Усачук А. Н., Полидович Ю. Б., Колесник А. В. 2004. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность. *Археологический альманах 14. Курганы Донбасса*. Донецк, 13—55.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1960. Клады джучидских монет. *НЭ 1*, 94—192.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1966. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*. Москва: МГУ.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1981. Монгольское завоевание и Золотая Орда. В: Плетнева С. А. (отв. ред.). *Степи Евразии в эпоху средневековья*. Археология СССР 18. Москва: Наука, 229—236.
- Федоровський О. 1928. Рештки культури татар Золотої Орди на Україні. *Східний Світ 2*, 288—289.
- Хисматуллин А. А., Крюкова В. И. 1997. *Смерть и погребальный обряд в исламе и зороастризме*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.
- Хлебникова Т. А. 1988. Неполиванная керамика Болгара. В: Федоров-Давыдов Г. А. (отв. ред.). *Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности*. Москва: Наука, 7—102.
- Ходжайов Т. К., Швецов М. Л. 1992. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII—XIV вв. В: *Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье*. Междунар.

- научный семинар ЮНЕСКО. Тез. докл. Донецк, 74—78.
- Цыбин М.В. 2007. Архитектурный декор золотоордынского мавзолея у пос. Красный Воронежской области. В: *Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X—XVIII вв.* II между. науч. конф. (Ялта, 19—23 ноября 2007 г.). Ялта, 114—115.
- Шамрай А.В. 1995. Каменная иконка с Царина городища. В: *Материалы исследований, реставрации и использования памятников истории и культуры (к 15-летию основания заповедника)*. Славянгородск: СГИАЗ, 67—70.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. 2009. Средневековые христианские древности в среднем течении Северского Донца. *Святогірський альманах*. 2009. Донецьк, 56—60.
- Шамрай А.В., Соловкин А.А., Филиппов А.П. 2010. Христианское население среднего течения Северского Донца в X—XIII вв. *Святогірський альманах*. 2010. Донецьк, 49—55.
- Швецов М.Л. 2013. Погребение знатной половчанки. *Археологический альманах* 30. Донецк, 307—318.
- Швецов М.Л. 1974. Богате кочівницьке поховання з Донбасу. *Археологія* 13, 93—98.
- Швецов М.Л. 1979. Половецкие святилища. *СА* (1), 202—207.
- Швецов М.Л. 2004. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, Северо-Восточное Приазовье). *Археологический альманах* 14. Курганы Донбасса. Донецк, 233—259.
- Швецов М.Л. 1991. Могильник «Зливки». В: Рашев Р. (отв. ред.). *Проблеми на прабългарската история и култура* 2. София: Аргес, 109—123.
- Швецов М.Л., Кравченко Э.Е. 1989. *Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского района Донецкой области в 1989 г.* НА ИА НАНУ. №1989/249.
- Шельди Н.М. 2002. *Булгаро-татарские монеты XIII—XV веков*. Казань: Титул.
- Шрамко Б.А. 1962. *Древности Северского Донца*. Харьков: ХГУ.
- Щербак А., Дзысь И. 2001. *Куликовская битва*. Москва: Экспринт.
- Якобсон А.Л. 1979. *Керамика и керамическое производство средневековой Таврики*. Ленинград: Наука.
- HN 2007: *Hermann historica* (electronic resource). URL: http://www.hermann-historica.de/auktion50/on_kat_A_gb.htm. Lot Nr.2007 (accessed 10.10.2007).

References

- Akishev, K.A., Baipakov, K.M., Erzakovich, L.B. 1987. *Otrar v XIII—XV vv. (Otrar in 13th—15th cc.)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Apareeva, E.K., Krasil'nikov, K.I., Tel'nova, L.I. 2002. In *Visnik Luhanskogo derzhavnogo pedagogichnogo universitetu imeni Tarasa Shevchenka (Bulletin of Lugansk State Pedagogical University named after Taras Shevchenko)* 46 (2). Lugansk, 210—224 (in Russian).
- Artamonova, O.A. 1963. In *Trudy Volgo-Donskoi ekspeditsii (Proceedings of Volga-Don Expedition) III. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology)* 109, 9—215 (in Russian).
- Astvartsaturian, E.G. 2002. *Turetskoe oruzhie v sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Turkish Armament in the Collection of State Historical Museum)*. Saint Petersburg: "Atlant" Publ. (in Russian).
- Atanasov, G. 2002. In *Orăzhiie i snaryazhenie prez kăsnata antichnost i srednevekovieto IV—XV v. (Weapons and Munitions in Late Antiquity and Middle Ages in 4th—15th cc.)*. Acta Musei Vamensis I. Varna, 37—58 (in Bulgarian).
- Bagalei, D.I. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 1—94 (in Russian).
- Berezin, S. Ya., Berezin, Ya. B., Narozhnyi, E. I. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Research on the Archaeology of North Caucasus)* 8. Armavir, 177—244 (in Russian).
- Belyaeva, S.O., Kubyshev, A.I. 1995. *Poseleniia Dniprovs'koho Livoberezhzhya X—XVst. (Settlements of the Left Bank of the Dnieper in 10th—15th cc.)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Ukrainian).
- Bobcheva, L. 1978. In *Izvestiya na narodniya muzej Varna (Reports of Varna National Museum) XIV (XXIX)*. Varna, 152—180 (in Bulgarian).
- Valiullina, S. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2). Kazan, 157—191 (in Russian).
- Vinnikov, A.Z., Tsybin, M.V. 2002. In *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 14—105 (in Russian).
- Vinogradov, V.B. 1987. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 267—269 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2002. In *Novokhar'kovskii mogil'nik epokhi Zolotoi Ordy (Novokharkovsky Necropolis of the Golden Horde Time)*. Voronezh: Voronezh State University, 106—110 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomoria i Sredizemnomoria v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Eastern Europe, Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th—18th cc.)*. Yalta, 33—42 (in Russian).
- Volkov, I.V. 2008. In *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g. (Historical and Archaeological Research in Azov and Lower Don Region in 2006)* 23. Azov, 478—496 (in Russian).
- Gerasimova, M.M., Rud', N.M., Iablonskii, L.T. 1987. *Antropologiya antichnogo i srednevekovogo naseleniia Vostochnoi Evropy (Anthropology of the Ancient and Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Gorodtsov, V.A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 110—130 (in Russian).
- Gorodtsov, V.A. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 174—225 (in Russian).
- Gorodtsov, V.A. 1905 v. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 226—340 (in Russian).
- Grekov, B.D., Iakubovskii, A. Iu. 1950. *Zolotaia Orda i ee padenie (Golden Horde and Its Fall)*. Moscow; Leningrad; Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Grib, V.K. 2008. In *Svyatohirs'kyj al'manakh (Svyatogorsk Almanac) 2008*. Donetsk, 7—11 (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th—13th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Darkevich, V.P. 1985. In *Drevniaia Rus'. Gorod, zamok, selo (Ancient Russia. Town, Castle, Village)*. Archaeology of USSR 15. Moscow: "Nauka" Publ., 387—411 (in Russian).
- Evglevskii, A.V. 1992. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected works)* 1, Donetsk, 107—116 (in Russian).
- Evglevskii, A.V., Kul'baka, V.K. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk, 363—406 (in Russian).
- Egorov, V.L. 1985. *Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy v XIII—XIV vv. (Historical Geography of the Golden*

- Horde in the 13th—14th Centuries*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Egorov, V.L., Poluboyarinova, M.D. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 39—79 (in Russian).
- Egorov, V.L., Fedorov-Davydov, G.A. 1976. In *Srednevekovye pamiatniki Povolzh'ia (Medieval Sites from Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ., 108—166 (in Russian).
- El'nikov, M.V. 2006. *Srednevekovyi mogil'nik Mamai-Surka (po materialam ekspeditsii 1993—1994 gg.) (Medieval Necropolis of Mamai-Surka (Basing on Materials from the Research of 1993—1994))* 2. Zaporizhzhya: Zaporizhzhya National University (in Russian).
- Zakirova, I.A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslenoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 220—243 (in Russian).
- Zelenko, S.M. 1999. In *Vita antiqua* 2. Kiev, 223—234 (in Russian).
- Katalog sluchainykh nakhodok iz arkhelogicheskikh sobranii Donetskoï oblasti (Catalog of Stray Finds from Archaeological Collections in the Donetsk Region)*. Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac) 1. Donetsk (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX—XIII vv. (Swords and Sabers of 9th—13th cc.)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kirpichnikov, A.N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi v IX—XIII vv. (Munitions of Rider and Riding Horse in Rus' of 9th—13th cc.)*. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E-1—36. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Kiselev, S.V. 1965. *Drevnemongolskie goroda (Early Mongol Towns)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Klimenko, V.F. 1998. *Kurgany iuga Donetchiny (Barrows of the Southern Part of the Donetsk Region)*. Yenakiievo (in Russian).
- Klimenko, V.F., Usachuk A.N., Tsybmal V.I. 1994. *Kurgannye drevnosti Tsentral'nogo Donbassa (Barrow Antiquities of the Central Donbas)*. Donetsk: "RIP Lebed'" Publ. (in Russian).
- Klyuchnev, M. Ya. 1998. In *Problemy arkheologii Iugo-Vostochnoi Evropy (Problems of Archaeology of South-Eastern Europe)*. Rostov-on-Don, 124—125 (in Russian).
- Kniga Bol'shomu chertezhu (Book of Great Sketch)*. 1950. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kolchin, B.A. 1953. *Chernaia metallurgii i metalloobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materials and Researches in Archaeology 32. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kopyl, A.G., Tatarinov, S.I. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 267—273 (in Russian).
- Kopyl, A.G., Tatarinov, S.I. 1990. In *Rannie bolgary i finno-ugry v Vostochnoi Evrope (Early Bulgarians and Finno-Ugrians in Eastern Europe)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, 52—71 (in Russian).
- Korzukhina, G.F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th cc.)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
- Kosarev, M.F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologo-etnograficheskim materialam (Foundations of the Nomad Perceptions of the World: by Siberian Archaeological and Ethnographic Materials)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).
- Kosykov, V., Shapovalov, T. 1988. In *Pam'yatky Ukraïny (Monuments of Ukraine)* (1). Kiev, 44 (in Ukrainian).
- Kravchenko, E.E. 2000. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 1. Donetsk, 75—100 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 10. Donetsk, 255—260 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2001. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 10. Donetsk, 197—208 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2003. *Otchet o robotakh arkheologicheskoi ekspeditsii Donetskogo Natsional'nogo universiteta na Sidorovskom arkheologicheskom komplekse v polevoi sezon 2003 g. (Progress Report of the Archaeological Expedition of Donetsk National University on the Sidorovsky Archaeological Complex in 2003 Field Season)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, № 2003/10 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 123—129 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2003. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 3. Donetsk: Donetsk State University, 345—362 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2004. In *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 3. Kiev; Kharkov, 242—276 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2009. In *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)* Antiquities of Don 10. Azov: Azov Museum of Local Lore, 242—262 (in Russian).
- Kravchenko, E.E. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 278—302 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Davydenko, V.V. 2001. In *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk State University, 233—302 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Miroshnichenko, V.V., Polidovich, Yu.B. 2002. In *Donetskii arkheologicheskii sbornik (Donetsk Archaeological Collected Works)* 10. Donetsk: Donetsk State University, 87—107 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Petrenko, A.N., Shamrai, A.V. 2008. *Otchet ob issledovaniakh na arkheologicheskom komplekse Maiaki v 2008 godu (Report on the Archaeological Investigations on the Mayaki Archaeological Complex in 2008)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 2008/204 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Tsimidanov, V.V., Kuzin V.I. 1998. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniakh v Slavianskom raione v 1998 g. (Report on Archaeological Investigations in the Slavyansk District in 1998)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. № 1998/101 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Tsimidanov, V.V., Miroshnichenko, V.V., Petrenko, A.N. 2005. In *Arkheologichni doslidzhennya v Ukraïni (Archaeological Investigations in Ukraine) 2004—2005*. Kiev, 226—230 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1990 a. In *Problemy issledovaniia pamiatnikov arkheologii Severskogo Donetsa (Problems of the Investigation of Archaeological Sites of Severskii Donets Region)*. Lugansk: "Luganskaia Pravda" Publ., 134—136 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1990b. In *Problemy arkheologii Severnogo Prichernomor'ia (k 100-letiiu osnovaniia Kheronskogo muzeia drevnosti) (Problems of Archaeology of Northern Black Sea Region (on the occasion of 100th Anniversary since foundation of Kherson Museum of Antiquities))* 3. Kherson, 22—24 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1992. In *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Problems of the Archaeology of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University, 102—113 (in Russian).
- Kravchenko, E.E., Shvetsov, M.L. 1995. In *Materialy issledovaniia, restavratsii i ispol'zovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury (k 15-letiiu osnovaniia zapovednika) (Materials of Research, Restoration and Use of Historical and Cultural Sites (on the occasion of 15th Anniversary since foundation of the Reservation Park))*. Slavyanogorsk, 70—79 (in Russian).
- Kruglov, E.V. 2006. In *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 8. Volgograd, 257—301 (in Russian).
- Kuz'menko, E.D. 2000. In *Arkheologiya i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukraïny i smezhnykh territorii (Archaeology and Ancient Architecture of the Left Bank Ukraine and Adjacent Territories)*. Donetsk, 123—124 (in Russian).
- Kuchugura, L.I. 2006. In *Mariupol' i ego okrestnosti: vzgliad iz XXI veka (Mariupol and Its Surroundings: a View from 21st Century)*. Mariupol: "Renata" Publ., 32—55 (in Russian).

- sian).
- Makarova, T.I. 1972. *Polivnaia keramika v Drevnei Rusi (Glazed Pottery in Early Rus')*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Makarova, T.I. 1985. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (3), 241—246 (in Russian).
- Makhneva, O.A. 1968. In *Arkheologicheskie issledovaniia srednevekovogo Kryma (Archaeological Investigations of Medieval Crimea)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 155—168 (in Russian).
- Mikheev, V.K. 1970—1971. *Otchet ob issledovaniakh arkheologicheskikh pamiatnikov v basseine Severskogo Dontsa v 1970 g. (Report on the Investigations of the Archaeological Sites in the Severskii Donets Basin in 1970)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1970/71 (in Russian).
- Mikheev, V.K. 1985. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata (Don Basin As Part of Khazarian Khaganate)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Mukhammadiev, A.G. 1974. In *Goroda Povolzh'ia v srednie veka (Towns from the Volga Region in the Middle Ages)*. Moscow: "Nauka" Publ., 80—88 (in Russian).
- Narozhnyi, E.I. 1987. In *Arkheologicheskie issledovaniia na novostroikakh Kabardino-Balkarii (Salvage Archaeological Investigations in Kabardino-Balkaria)* 3. Nalchik (in Russian).
- Otchet arkheologicheskoi komissii za 1898 g. (Report of the Archaeological Commission from 1898)* 1901. Saint Petersburg (in Russian).
- Pinevich, P.M. 1928. *Arkheologicheskie obsledovaniia na Mariupol'shchine i arkheologicheskie raskopki. Otchet P.M. Pinevicha, 1928 g. (Archaeological Surveys in Mariupol Region and Archaeological Excavations. Reported by P.M. Pinevich, 1928)*. Archive of Mariupol Museum of Local Lore, no.6935. Mariupol (in Russian).
- Plano Carpini. 1957. In *Puteshestvie v vostochnye strany Plano Carpini i Rubruka (The Journey of Plano Carpini and William of Rubruk to the Eastern Parts)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury" Publ., 23—86 (in Russian).
- Pletneva, S.A. 2000. *Ocherki khazarskoi arkheologii (Essays on the Khazarian Archaeology)*. Moscow: "Mosty kul'tury" Publ.; Jerusalem: "Gesharim" Publ. (in Russian).
- Polidovich, Yu. B., Tsimidanov, V.V., Kuzin, V.I. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh novostrochnoi ekspeditsii OOPA DOKM v 1992 g. (Report on Archaeological Fieldwalking of the Rescue Expedition of OOPA of the Donetsk Museum of Local Lore in 1992)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine 1992/84 (in Russian).
- Polidovich, Iu. B., Usachuk, A.N., Kravchenko, E.E., Podobed, V.A. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 36—135 (in Russian).
- Potemkina, T.M. 2007. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii Severnogo Kavkaza (Materials and Researches on the Archaeology of North Caucasus)*. 8. Armavir, 119—146 (in Russian).
- Potemkina, T.M., Usachuk, A.N. 2000. In *Arkheologiya i drevniaia arkhitektura Levoberezhnoi Ukrainy i smezhnykh territorii (Archaeology and Ancient Architecture of the Left Bank Ukraine and Adjacent Territories)*. Donetsk, 120—123 (in Russian).
- Privalova, O. Ya. 1998. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 7. Donetsk, 157—167 (in Russian).
- Privalova, O. Ya., Privalov, A.I. 1988. *Spisok pamiatnikov arkheologii Ukrainy. Donetskaia oblast' (List of Archaeological Sites of Ukraine. Donetsk Oblast)*. Kiev: "Ukrovuzpoligraf" Publ. (in Russian).
- Rudenko, K.A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 12—13 (1—2). Kazan, 111—156 (in Russian).
- Rudenko, K.A. 1992. In *Put' iz Bulgara v Kiev (The Path from Bulgaria to Kiev)*. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature, History (in Russian).
- Sagdeeva, R. Z. 2005. *Serebrianye monety khanov Zolotoi Ordy (Silver Coins of the Khans of the Golden Horde)*. Moscow (in Russian).
- Sedova, M.V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th cc.))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Sibilev, N.V. 1926. *Drevnosti Iziumshchiny 2. Arkheologicheskie razvedki v basseine Dontsa v 1920—1926 gg. (Antiquities of Iziumshchina 2. Archaeological Surveys in the Donets Basin in 1920—1926)*. Izium (in Russian).
- Sibilev, N.V. 1928. *Starovynnosti Izyumshchyny (Antiquities of Iziumshchina)* 3. Izium (in Ukrainian).
- Sibilev, N.V. 1930. *Starovynnosti Izyumshchyny (Antiquities of Iziumshchina)* 4. Izium (in Ukrainian).
- Sibilev, N.V. b.g. *Opisanie Donetskikh stoianok (Description of Donetsk Stations)*. N.V. Sibilev's Manuscripts Fund in the Scientific Archive of the Archaeology Institute of Ukraine National Academy of Sciences. Folder 2. Nr. 164 (in Russian).
- Sibilev, M.V. 1950. In *Arkheolohiya (Archaeology)* IV. Kiev, 99—114 (in Ukrainian).
- Skarby zemli Donetskoï (Hoards of Donetsk Land). Donetsk (in Ukrainian).
- Smimov, A.P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgarians)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow (in Russian).
- Spesivtsev, V.F. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 153—157 (in Russian).
- Stadnik, O.V., Kravtsova, N.A. 2005. In *Materialy ta doslidzhennia Shkhidnoi Ukraini (Materials and Research in the Archaeology of Eastern Ukraine)*. Lugansk, 300 (in Russian).
- Suprunenko, O.B., Pryimak, V.V., Myronenko, K.M. 2004. *Starozhnytnosti zolotoordyn's'koho chasu Dniprov's'koho lisostepovoho Livoberezhzha (Antiquities of Golden Horde Period in the Forest-Steppe Zone of the Left Bank of the Dnieper)*. Kiev; Poltava: "Arkheolohiya" Publ. (in Ukrainian).
- Tiesenhausen, V.V. 1884. *Sbornik materialov odnosiaschchikhsia k istorii Zolotoi Ordy 1. Izvlecheniia iz sochinenii arabskikh (Compilation of Materials Related to the History of Golden Horde. 1. Excerpts from Arab Writings)*. Saint Petersburg: "Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk" Publ. (in Russian).
- Trifil'ev, E.P. 1905. In *Trudy XII Arkheologicheskogo s'ezda (Proceedings of the 12th Archaeological Convention)* 1. Moscow, 131—140 (in Russian).
- Usachuk, A.N., Polidovich, Iu. B., Kolesnik, A.V. 2004. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 14. Kur-gany Donbassa (Barrows of Donbas). Donetsk, 13—55 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1960. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* 1, 94—192 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G.A. 1981. In *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Arkheologiya SSSR (Archaeology of USSR) 18. Moscow: "Nauka" Publ., 229—236 (in Russian).
- Fedorov's'kyj, O. 1928. In *Skhidnyj Svit (Eastern World)* (2), 288—289 (in Ukrainian).
- Khismatullin, A.A., Kriukova, V.I. 1997. *Smert' i pogrebal'nyi obrad v islame i zoroastrizme (Death and Funeral Rite in Islam and Zoroastrianism)*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
- Khlebnikova, T.A. 1988. In *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti ((Town of Bolgar. Essays on Handicrafts))*. Moscow: "Nauka" Publ., 7—102 (in Russian).
- Khodzhaiov, T.K., Shvetsov, M.L. 1992. In *Stepi Vostochnoi Evropy vo vzaimosvazi Vostoka i Zapada v srednevekov'e (Steppes of Eastern Europe in Interconnection of East and West in the Middle Ages)*. Donetsk, 74—78 (in Russian).
- Tsybin, M.V. 2007. In *Polivnaia keramika Vostochnoi Evropy, Prichernomor'ia i Sredizemnomor'ia v X—XVIII vv. (Glazed Pottery of the Eastern Europe, Northern Black Sea and Mediterranean Sea in 10th—18th cc.)*. Yalta, 114—115 (in Russian).

- Shamrai, A.V. 1995. In *Materialy issledovaniï, restavratsii i ispol'zovaniia pamiatnikov istorii i kul'tury (k 15-letiiu osnovaniia zapovednika)* (Materials of Research, Restoration and Use of Historical and Cultural Sites (on the occasion of 15th Anniversary since foundation of the Reservation Park)). Slavyanogorsk, 67—70 (in Russian).
- Shamrai, A.V., Solovkin, A.A., Filippov, A.P. 2009. In *Sviatogirs'kii al'manakh (Svyatogorsk Almanac)*. Donetsk, 56—60 (in Russian).
- Shamrai, A.V., Solovkin, A.A., Filippov, A.P. 2010. In *Sviatogirs'kii al'manakh (Svyatogorsk Almanac)*. Donetsk, 49—55 (in Russian).
- Shvetsov, M.L. 2013. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 30. Donetsk, 307—318 (in Russian).
- Shvetsov, M.L. 1974. In *Arkheolohiya (Archaeology)* 13, 93—98 (in Ukrainian).
- Shvetsov, M.L. 1979. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 202—207 (in Russian).
- Shvetsov, M.L. 2004. In *Arkheologicheskii al'manakh (Archaeological Almanac)* 14. *Kurgany Donbassa (Barrows of Donbas)*. Donetsk, 233—259.
- Shvetsov, M.L. 1991. In *Problemi na prabǎlgarskata istoriya i kultura (Problems of Pre-Bulgarian History and Culture)* 2. Sofia: "Arges" Publ., 109—123 (in Bulgarian).
- Shvetsov, M.L., Kravchenko, E.E. 1989. *Otchet o spasatel'nykh arkheologicheskikh issledovaniïakh na pamiatnike u s. Maiaki i pos. Donetskogo Slavyanskogo raiona Donetskoi oblasti v 1989 g. (Report on Rescue Archaeological Research on the Site at Mayaki and Donetsky Village in Slavyansk Raion of Donetsk Oblast in 1989)*. Scientific Archive of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine, no.1989/249 (in Russian).
- Sheldi, N.M. 2002. *Bulgaro-tatarskie monety XIII—XV vekov (Bulgarian-Tatar Coins in 13th—15th Centuries)*. Kazan: "Titul" Publ. (in Russian).
- Shramko, B.A. 1962. *Drevnosti Severskogo Donsa (Antiquities of the Seversky Donets)*. Kharkov: Kharkov State University (in Russian).
- Shcherbakov, A., Dzys', I. 2001. *Kulikovskaia bitva (Battle of Kulikovo)*. Moscow: "Eksprint" Publ. (in Russian).
- Jakobson, A.L. 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki (Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Nermann historica* (electronic resource). URL: http://www.hermann-historica.de/auktion50/on_kat_A_gb.htm. Lot Nr.2007 (accessed 10.10.2007)